

ЛУИ-ФЕРДИНАНД СЕЛИН

СЕВЕР

Луи-Фердинанд Селин

Север

Серия «Extra-текст»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=435945*

Север: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-120260-6

Аннотация

Роман «Север» (1960) – вторая часть послевоенной трилогии Луи-Фердинанда Селина, классика литературы XX века («Из замка в замок» (1957), «Ригодон» (1969)). В ней писатель рассказывает о своих злоключениях в конце войны. Селин и его товарищи по несчастью (жена Лили, актер Ле Виган и кот Бебер) отправляются из утопающего в роскоши Баден-Бадена в разрушенный Берлин, а затем дальше на север – в Восточную Пруссию, в Цорнхоф, поместье, которым управляет безумец, населенное поляками, берлинскими проститутками, пленными, беженцами... Селин называет себя «скромным хроникером», но, на самом деле, описывает свои скитания по разрушенной и обреченной на поражение Германии, почти как Данте описывал путешествие по кругам Ада.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

187

Луи-Фердинанд Селин

Север

Louis-Ferdinand Céline
Nord

* * *

Печатается с разрешения издательства Editions
Gallimard

© Editions GALLIMARD, Paris, 1960, Final Edition in
1964

© Маруся Климова, Вячеслав Кондратович, перевод

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Что ж, надеюсь, все скоро завершится... уф!.. *немало мы повидали...* в шестьдесят с лишним вам уже ни одна архибомба не страшна... Н?.. Z?.. Y?.. чепуха!.. укусы комара! жаль только потерянного времени и титанических усилий, потраченных на всю эту гнусную разнузданную свору безмозглых вертожопых лакеев... безумно жаль, мадам!.. «ах, помолчите, вы же продаете свою ненависть»!.. черт, я не

прочь!.. пожалуйста... но кому?.. похоже, покупателям мой товар не по вкусу... они предпочитают авторов более близких им по духу, они ищут, обратите внимание, это очень важно, некоего неуловимого родства душ... маститые халдеи, маститые жополизы, лизоблюды, шу-шу-шу, рясы, кропильницы, биде, виселицы, гильотины, анонимки... читателю хочется чувствовать рядом с собой брата, все понимающего и готового на все...

«Заткнитесь!.. ведь даже на галерах было, кажется, десять процентов „добровольцев“, вы именно из их числа!»

* * *

В голосованиях я никогда не участвую, но свое мнение у меня есть... а как же... возраст все-таки... газет я теперь больше не читаю... разве что рекламу... она способна поведать о многом... да еще «некрологи»... знать о потребностях людей... и об их смерти... этого достаточно!.. все остальное – фуфло... правые, центристы, левые!.. «Публичные Банки» или же «дома»... кому что нравится... кто на чем больше подвинулся...

Нет, вы только посмотрите на них, какие все кругом жалостливые, как все сочувствуют несчастным беженцам, всяким там евро-азиатам, японцам-чухонцам, полячишкам-с-печки-брячишкам... но черт возьми, а как же вы? вас просто

нет!.. вы еще не поняли?.. вы для них — пустое место...

* * *

Конечно, все это старо как мир... но никто ведь и не сомневается, что это началось не вчера, этот порядок установился задолго до Рождества Христова!.. нашу болтовню никто не слушает!.. на театральных постановках все зевают! кино, телевизор... и вдруг, бац — катастрофа! и верхи, и низы жаждут одного: Крови!.. циркового представления!.. с предсмертными хрипами, стонами, полной ареной внутренностей!.. нет, шелковые гольфы, накладные сиськи, вздохи, усы, Ромео, Камелии, Рогоносцы... их больше не устраивают!.. им подавай Сталинград!.. горы оторванных голов! героев с членами во рту! победители грандиозного фестиваля возвращаются с тележками, полными окровавленных глаз... миниатюрные программки с золотым обрезом им тоже больше не нужны! они предпочитают более впечатляющие, кровавые цвета... долой надуманные спортивные состязания!.. кровавый Цирк грядет на смену театру... новое веянье из глубины веков... триста лет до Р.Х.! «Вот оно! самое-самое!» Вы думаете, это роман! не спешите!.. может быть, строгий вечерний туалет? куда там! нет! «вивисекция раненых»!.. вот! все искусство, все веками создававшиеся так называемые шедевры побоку! подлость! и преступления!

– Вы собираетесь написать хронику?

– Ну в общем, да!..

– И будете до конца откровенны?..

– Можете не сомневаться!.. до сих пор у меня в ушах звучат слова мадам фон Зект...

– Поверьте, мсье Селин, если бы мой муж бы жив¹, у нас никогда не было бы Гитлера... это не человек, а стихийное бедствие!.. интеллект без воли немногого стоит, не так ли?.. ну а воля без интеллекта?.. это стихийное бедствие!.. вот Гитлер и был таким?.. вы согласны со мной, мсье Селин?..

– Безусловно, мадам, безусловно!..

Трудно сказать, сколь убежденными голлистами были все эти активные антигитлеровцы, обитатели «Бреннера» в Баден-Бадене... с таким ли уже нетерпением ждали они прихода союзников!.. истинные арийцы до мозга костей... и не какие-нибудь там жалкие скукоженные лавочники... отнюдь!.. а из тех, что привыкли себе ни в чем не отказывать... две-три дамы в номере с залитым солнцем балконом и видом

¹ Имеется в виду Ганс фон Зект (1866–1936) – командующий немецкой армией с 1920 по 1926 год. Ушел в отставку, когда его соперник Гинденбург был избран президентом. Многие историки считают, что Гитлер бы не пришел к власти, если бы фон Зект остался на своем посту. В 1931 году фон Зект стал военным советником Чан Кайши.

на Lichtenhall-allee... долина Ооса, этой утопающей в зелени редчайших деревьев и ласкающей своим нежным журчанием слух речушки... ландшафтец весьма и весьма изысканный... серебряные шевелюры плакучих ив... двадцать... тридцать метров над водой... тонкое кружево, сплетенное руками садоводов в течение трех веков... двери «Бреннера» были открыты только для членов очень хороших семей, принцев крови или рурских магнатов... владельцев металлургических заводов на сто... двести тысяч рабочих мест... так что в то время, о котором я вам рассказываю, а это был июль 44-го, перебоев с едой там еще не наблюдалось... хватало и им самим, и их слугам... масло, яйца, икра, мармелад, лосось, коньяк, «Вдова Клико»... парашютами сбрасывались на Вену в Австрии... прямиком из Ростова, Туни-са, Эперне, Лондона... на суше и на море полыхает война, но икре она не помеха... пусть все летит к чертям, однако *delikatessen* на столах высокопоставленных особ не страшны ни праща, ни мухобойка, ни бомба Z... Хрюхрюшев «мясными консервами» в ближайшем будущем питаться явно не будет! так же как и Никсон – лапшой на воде или Милламак – сырой морковкой... столы высокопоставленных особ – это «Дело государственной важности»... вот «Бреннер» и был таким делом, обставленным соответствующим образом!.. на всех этажах переодетые слугами головорезы разносили компот мараскин²... возможно, само происхождение этих типов

² Мараскин – сорт вишни. (Здесь и далее прим. пер.)

заставляет их вести себя вызывающе... они могут позволить себе спускать по десять – пятнадцать миллионов марок за одно блюдо из меню... к изумлению других посетителей и лакеев... они спускали все деньги столь стремительно, что это походило на фарс!.. покупалось все подряд!.. однако как туда попадало барахло?.. да все оттуда же!.. из Швейцарии... точнее, через нее, с Востока, из Марокко... и по бросовой цене!.. за марки, целыми тележками!.. прекрасно... замечательно... но ведь надо же было где-то все это еще и продать!.. целый этаж «Бреннера» был приспособлен под рынок... с настоящими торговцами!.. курчавыми темнолицыми прилипчивыми, вкрадчивыми, как нельзя лучше подходившими для этой роли... любезность ягуара, обнаженные в улыбке клыки... родственники Насера, Лавалья, Мендеса, Юсефа... «не проходите мимо, любезные покупатели!» вы не представляете, какое количество валюты было там у заезжих магнатов!.. на рынке Бреннера торговля шла бойко!.. самый что ни на есть восточный базар! как в Бухаре: пять кило «Шишбанка»³! продано!.. заверните!.. завтра те же самые личности будут ошиваться на рынках Кремля в России, или Белого дома в США... очередная война в разгаре... десять, двадцать Хиросим в день, а жизнь идет своим чередом, просто кругом все грохочет... только и всего!.. флирт, громкие скандалы... и конечно же, вездесущий Меркурий!..

³ Речь идет о Хьельмере Шаште, директоре Немецкого банка с 1933 по 1938 год, потом он был министром экономики.

главное!.. будь то в сибирских рудниках, в Бухенвальде или еще худших местах заключения, да хоть под атомным пеплом, Меркурий присутствует везде! есть там его храмик?.. значит, все в порядке!.. жизнь продолжается... к Насеру с его каналом это тоже относится!.. мармелад!.. настоящие осетры из Ростова!.. все парашюты должны быть укомплектованы... и не чем-нибудь, а исключительно ящиками отборного доброго кьянти, да еще кубками и гранеными зеркалами, желательно «венецианскими»!.. ансамбли нейлонового дезабилье, «фасон Валансьен»⁴... высокая мода, ваше высокоблагородие!.. надушенные идола слишком пресытились пытками и виселицами... хочется немного отвлечься на рубашечки «ратафия-нейлон»⁵, так что все парашюты должны быть укомплектованы!.. имейте это в виду!.. сегодня эти лицемерные типы способны одним махом стереть с лица земли сразу пять провинций! щепотки нейронов достаточно, чтобы от Сен-Лазара⁶ не осталось и следа!.. даже гайки от локомотива не найдешь!.. они привыкли удовлетворять все свои прихоти!

Уверяю вас, что в Баден-Бадене, в Brenner Hotel было достаточно материала для подобных обобщений! там ведь были люди не только из Рура, из Консегн'а, но и из всех центральноевропейских и балканских банков, а также и ране-

⁴ Намек на знаменитые валансьенские кружева.

⁵ Ратафия – сорт ликера.

⁶ Сен-Лазар – вокзал в центре Парижа.

ные генералы, всего несколько, но зато со всех фронтов, особенно за столом министра Шульце, представлявшего Канцелярию... и никто из них, клянусь вам, не отказывал себе ни в чем... великолепная кухня, интриги, заговоры и часовые!.. вы думаете, я преувеличиваю... вовсе нет!.. просто констатирую факты!.. нужно, конечно, все это было видеть самому... в деталях! всего ведь не расскажешь... трапезы с жарким, тяжелыми яствами и бургундским... такое меню, что глаза разбегаются!.. сплошь одни деликатесы, десерты с земляникой и взбитыми сливками... мороженое с фруктами... сироп?... еще?... поменьше?... вы уверены?... и персонал, слуги, вышколенные, внимательные, ловящие на лету любой жест, ја и вздохи... обслуживавшие матерых подпольщиков, товарисчей, «сынков»⁷, гестаповцев, обитателей Вильгельмштрассе, tutti frutti⁸... кого угодно!.. та же самая рука, что подносит фазанов, лангуста под двумя соусами и сельдерей, успевает подсунуть сразу четыре «жучка» – в то же самое мгновение – каждому из двенадцати едоков... безукоризненность, внимание, обходительность!.. многие из них обслуживали еще Петэна и Геринга в «Рице» в Париже... да что там Герман! всех высших нацистских чинов и баронессу Ротшильд... в пику всей этой неудавшейся, оборванной,

⁷ Имеются в виду участники движения Сопротивления, входившие в СНК – Силы Национальной Консолидации (букв. по-франц. «*fifi*» – происходит от *FFI* (*Forces Francaises de l'Interieur*) по созвучию.

⁸ Прочий сброд (*umal.*).

очумелой расистской шантрапе!.. элита остается элитой всегда и везде!.. а остальным – митинги и дерьмо! собирайтесь, треплите языками, размахивайте кулаками, оттопыривайте мизинцы, ползайте на коленях, корчитесь в сортирах, жалкое отродье!.. у халдея из Белого дома, Кремля, Виши или «Бреннера» такая манера передавать вам салатницу, что ошибиться невозможно... у обычного недоноска после красной или цветной капусты, борща или пот-о-фе даже урчание в животе какое-то тоскливое... и неважно, выпил он бо-голе или водки!.. в Виндзоре, Кремле, Елисейском дворце пищеварительные процессы проходят совсем иначе!.. о каких проклятьем заклеяменных так печется «intelligentzia» в «Юманите»?.. о чем с таким пафосом мечтает?.. о пищеварении, как у Хрюхрющева или Пикассо!.. быть такими же проклятьем заклеяменными, как они!.. но не тут-то было!.. стиль, традиции, толстые ковры, вкрадчивые манеры!.. О-ля-ля, мужланы!

– Не желаете ли, прошу прощения, чуточку консоме?.. превосходный соус!..

– Тысяча благодарностей, Ваше Высочество!

Вот!.. можно и с тюрбо⁹!.. да что там говорить!..

Конечно же, Би-би-си, Браззавиль и Шо-де-Фон¹⁰ лучше нас знали о малейших переменах вокруг, о самых слабых

⁹ Вид рыбы.

¹⁰ Би-би-си, Браззавиль, Шо-де-Фон – названия радиостанций, передававших передачи «Свободной Франции», излагавшие точку зрения союзников.

хлюпаньях в биде... радиостанции всего мира через громкоговорители в коридоре каждый час сообщали нам новости из «Бреннера»... из Трабзона мы узнавали о том, что происходит в соседней комнате... о новых прибытиях и отъездах... е-мое! и это никого не смущало!.. а уж этот хлыщ, холеный «полномочный» Legationsrat¹¹ Ганс Шульце только и думал о том, как бы свалить... его волновала только собственная безопасность!.. барахло и семья в Восточной Баварии... нас же, ясное дело, пустят в расход!.. и разумеется, у него была своя «сеть»!.. лакеи, кухонные работники, коридорные и метрдотели должны были доносить ему абсолютно обо всем... с мельчайшими подробностями... обо всем, что происходило в комнатах: картишках, пьянстве, скандалах... ну а болезни были уже по моей части... рапорт каждое утро!.. так там было заведено, и в «Бреннер Отеле» даже никто и не пытался что-либо утаить... как я уже говорил... в своей предыдущей книге о Зигмарингене¹², до поры до времени все может идти нормально, пока «информация» собирается, скапливается, обрабатывается, перерабатывается... все нормально!.. и так из века в век! вспомните Рим, Ниневию, Византию, Вавилон... или те же Советы... очевидно, что так может продолжаться два... три тысячелетия... и в Советах, и у нас – «процессы века», политические скандалы, войны полиций и кровавые чистки... а потом опять трепот-

¹¹ Глава посольства (нем.).

¹² Имеется в виду роман Селина «Из замка в замок».

ня и голосование! Урра! да здравствуют питекантропы!.. не зря они вышли из пещер!.. трепотня, слезка, микропленки и сладкая жизнь!.. тщательно подобранные аперитивы и презервативы!.. а нашему Legationsrat'у Шульце больше ничего и не нужно было... информация и царская жизнь!.. я лечил всю его семью, они все, вместе с гувернантками и детьми жили в «солнечном крыле» отеля... этим-то он был вполне доволен!.. вполне!.. чего нельзя было сказать о кухне!.. она его не устраивала! там портили все его «буйабесы»¹³!.. хотя они и старались... но... тем не менее, делали это нарочно! наверняка! такому тонкому знатоку, как Шульце, который десять лет был в Марселе консулом! и предлагать подобное варево! это же вредительство!

– Доктор! Доктор! вы только попробуйте эту похлебку!.. какой-то суп для Армии Спасения!

Десять лет он был консулом в Марселе! имел влияние на правительство... даже на самых высших руководителей Марселя! он не уставал это повторять, и всячески это подчеркивал! немецкая армия отступала, можно сказать, теряла Европу, десятки армий были брошены, однако главной заботой в Отеле «Бреннер» был буйабес Шульце... и еще «особое» снабжение! морские ежи, чеснок, шафран, маленькие рыбки с Мавританского Побережья, двадцати видов, доставлялись на кухню точно по расписанию в специальном аквариуме, самолетом... невозможно себе представить, чтобы в

¹³ Буйабес – уха по-марсельски.

«Бреннер Отеле» могли хоть как-то пренебречь своими обязанностями, даже во время войны... тем не менее, этот буйабес не только давал повод для кривотолков... но и заставлял в этом усомниться!..

Я допускаю, что, возможно, там, в подвалах, на кухне, их немного трясло... Marauders¹⁴, эти болваны, делали вид, что метят в отель... делали вид!.. только и всего!.. мертвая петля, пируэт и привет!.. отправлялись бомбить деревню!.. а тем, в подвале, на кухне могло казаться, что пришел их черед... все кругом сотрясалось... и котлы... и тертый сыр для буйабеса... в конце концов, ни Шульце, ни шеф-повар не были уверены, что это не проказы поваренка...

Я вам еще не рассказал про казино!.. виноват, забыл!.. Казино «Свиданье с Европой», сплошь элита... знать, посылы, театр... «массы» тогда еще не путешествовали, и из Америки за три часа добраться было нельзя... представьте себе эти игровые залы, барокко в «трансильванском» духе, обитые малиновым бархатом и золотом... вот-вот появится Де Грие¹⁵... Манон «снова на сцене»... десять Манон!.. еще более прожженные!.. самые заядлые игроки!.. на красное и черное... ресницы, сиськи, ляжки... а вот уже и бюстгальтер на кону!

Краснорожие полковники, желтушного вида советники и дряхлые дамы, бледные сердечницы... бледные... у которых

¹⁴ Мародеры (англ.). В данном случае имеется в виду тип небольшого самолета.

¹⁵ Кавалер Де Грие – герой романа Прево «Манон Леско».

не осталось ни жетонов... ни сил подняться... уйти... на войне как на войне, в партере не хватает зрителей... только слышится треск: rrrr!.. рулетка... и пронзительный голос крупье... «ставки сделаны!»... Мелкопоместные дворяне из Бреннера наведывались сюда ненадолго... как и положено, со скучающим, безразличным видом... зато «беглые» коллабос, особенно дамы, взгромождались на стул втроем... а то и вчетвером... визжа от восторга при удаче...

Кондитерская при Казино постоянно была забита вдовами погибших бошей... залечивающих тут свои психические травмы... при помощи «ромовых баб»!.. «релижъез»¹⁶ и вот таких бриошей!.. пирожные с черникой и целые блюда эклеров... такое изобилие просто радовало глаз!.. правда, должен признаться, нам тоже кое-что перепало... позже было куда хуже!.. я вам уже рассказывал! в фальшивых пирогах Зигмарингена было больше гипса, чем муки... простите мое сбивчивое повествование... я начал с конца!.. замечательная история! но только правда имеет значение!.. уверен, вы все поймете! я-то сам понимаю!.. было бы желание, вот и все!.. что толку смотреть только на то, что происходит вокруг вас сейчас!.. не так уж сложно представить себе солдатских вдов на лечении, обжирających пирогами, птифурами, слоеными пирожными с клубникой... кофейники шоколада со сливками... совсем не сложно! из переполненных ртов капает... на выходе толчея! вращающиеся двери!.. гарсонам при-

¹⁶ Название пирожного.

ходится их выталкивать... этих засыпающих на ходу дам... чтобы они пошли где-нибудь вздремнули... отдохнули... в парке... на скамейке... или еще где... порыгали там... поспали... все тщательно переварили...

А вот крупье было не до отдыха... птифуры их не интересовали!.. все внимание приковано к жетонам! «делайте ставки!.. пятерка!»... к тому же, к каждому из них был прикреплен ученик... на табурете рядом, какой-нибудь безногий калека в униформе... все расписано по секундам! героический инвалид переквалифицируется!.. необходимо, чтобы он побыстрее научился запускать рулетку... и загребать!.. пять! три! четыре! «ставки сделаны!»... ловите миг удачи!.. энтузиазм, упорство, деньги... безукоризненное произношение!.. ведь баденское Казино одно из старейших в мире!.. здесь играли Берлиоз и Лист... и все князья Романовы... Нарышкины, Савойские... Бурбоны и Браганса... мы же, само собой, тут были чужими, как и в любом другом месте Европы... но так как, в конечном счете, все это было не более чем опереткой... то вам позволялось присутствовать в качестве зрителей... наблюдать за Рулеткой Истории... о которой я вам и рассказываю...

Крупье в точности как в Монте-Карло... понятное дело, все из «депортированных»... такие же напояженные пряди... такие же носы с горбинкой... смокинги с зашитыми карманами... все как в Остенде, Сопоте, Энгьене... даже режущие слух голоса... «делайте ваши ставки»... разве что

обучение безногих монашескими специалистами никогда ранее не практиковалось... в Великом Рейхе и об этом позаботились... теперь больше принято говорить о его недостатках! еще бы!.. теперь и о галлах, и о Людовике XIV, и даже о Феликсе Форе много чего говорят!.. а о побежденных все вытирают ноги!.. мне-то это известно... очень хорошо... В старинных хрониках войны назвались иначе: перемещения народов... вот уж точно подмечено! в июне 40-го, к примеру, французский народ и армия и впрямь переместились из Берген-оп-Зома в Пиренеи... при этом и народ, и армия наложили в штаны... а в Пиренеях все опять встретились!..

Фриц и Франсуа!.. даже не подрались, просто выпили, закусили и легли спать!.. перемещение окончено!.. а мы опять возвращаемся в Баден-Баден!.. все слова и мысли смешались в кучу!.. к чему было опять покидать Монмартр? да все из-за страха, что после четырехлетней передышки тебя разорвут на части на проспекте Жюно... о, жалкие людишки! все друзья и родственники только и ждали, когда меня замочат, всебыли заодно, готовились наброситься на меня, растащить всю мою мебель, снять с меня последние штаны, а ненужное спустить с молотка... что они в результате и сделали, ей-богу! да что там говорить, я сам виноват... я сам принес себя им в жертву!.. добренький Иисус и через десять тысяч лет готов ежедневно идти на крест!.. человечество хорошо усвоило этот урок! это же очевидно: все дороги забиты роскошными тачками с икрой, бриллиантами и отпускниками... а

желающих хоть чем-то пожертвовать что-то не видно!

Известно, что французские военные, обосравшись от страха, в 40-м стремительно уносили ноги из Берген-оп-Зома в Байонн... а мы, Лили, я, Бебер и Ля Вига¹⁷, в 44-м... с улицы Жирардон в Баден-Баден... у каждого своя поносная

¹⁷ Имеется в виду Робер Ле Виган (настоящее имя Робер Кокийо) – актер, ближайший друг Селина, родился в Париже в 1900 году и умер в Аргентине в 1972 году. Дебютировал в кино в 1931 и к концу своей карьеры в 1944 году, успел сыграть более чем в пятидесяти фильмах (среди них «Дети райка» Марселя Карне, «Набережная туманов» Марселя Карне, «Мадам Бовари» Жана Ренуара и т. д.). В своей трилогии Селин намекает на три фильма, в которых играл Ле Виган: «Голгофа» Жюльена Дювивье, где он выступал в роли Христа, «Гупи Красные руки» Жака Бекера, сценарий которого был написан Пьером Вери и где Ле Виган сыграл Гупи-Тонкина, бывшего бойца колониальной армии, больного лихорадкой; «Человек ниоткуда» Пьера Шеналья по повести Пиранделло «Покойный Матиа Паскаль», где Ле Виган сыграл Папиано, интригана, соперника в любви и преследователя Паскаля. Вообще выражение «человек ниоткуда» очень подошло бы и к остальным персонажам, сыгранным Ле Виганом. Ле Виган создал во французском кинематографе между двумя войнами нечто вроде мистического персонажа, заблудившегося или галлюцинирующего, похожего на того, каким Селин изображает его в своей трилогии. Они познакомились с Селином в тридцатые годы на Монмартре, где были соседями. Во время оккупации Ле Виган принимал активное участие в создании на парижском радио пронемецких программ, в частности передачи «В ритме времени». В начале августа 1944 года он уехал в Германию. В Баден-Бадене он встретился с Селином и Лили, за которыми поехал в Берлин, а потом в Зигмаринген, там между ними произошел разрыв. Ле Виган остался в Зигмарингене после отъезда Селина и Лили. После прибытия союзных войск он отправился в Швейцарию, где и был арестован. Его судили в Париже в 1946 году и приговорили к десяти годам каторжных работ. Отбыв три года в заключении, он был временно отпущен на свободу и уехал сначала в Испанию, а затем в Аргентину, где и провел последние годы своей жизни, снявшись еще в нескольких фильмах.

эпопея! приговоренный к смерти малыш Пустэн¹⁸, спасая честь и шкуру, запрыгнул в самолет и отправился в Лурд... но я не собираюсь пичкать вас Сравнительными Жизнеописаниями... Пустэн – это одно, а я – совсем другое... его хроника тянет на миллиарды!.. за мою же, сами понимаете, не дадут и ста франков «новыми»... статуи Пустэна торчат повсюду, а мое рыло даже на могильной плите и то не осмелятся выгравировать... у моей матери на Пер-Лашез плиту на могиле уже очистили, стерли нашу фамилию... вот что значит вовремя, где надо, не подстраховаться... вы не поверите, но в Ла Рошели я выдержал натиск чуть ли не всей французской армии, когда меня пытались склонить продать машину «Скорой помощи»! а она ведь была не моя!.. я человек долга и уломать меня невозможно! «Скорая помощь» из моего диспансера в Сартрувиле... вы представляете!.. я отвез ее туда, откуда взял, эту чертову колымагу! а заодно двух баб с бутылками красного и троих новорожденных... всю эту шоблу, в целости и сохранности! и кто об этом хоть что-то знает? о, черт побери, никто! а на кого, вы думаете, навесили все прегрешения? на меня! на меня!.. да их хватило бы на целую каторгу! двадцати Ландрю, Петьо и Фюальдесам¹⁹!..

¹⁸ Селин имеет в виду маршала Петэна.

¹⁹ Ландрю – знаменитый серийный убийца, действовавший во Франции с 1919 по 1921 год. Он публиковал объявления в газетах, знакомился с женщинами, убивал их, а трупы уничтожал. Был казнен в феврале 1922 года. Доктор Петьо во время войны предлагал заинтересованным лицам помочь им покинуть Францию и уехать в Аргентину. В своем кабинете на улице Сюер в Париже он их убивал,

вот если бы я загнал машину за бабки, которые мне тогда предлагали, вместе с младенцами, санитарками и старухами в придачу, я был бы сейчас героем Сопротивления, и мне бы тоже воздвигли вот такой монументище! а теперь, батюшки мои, повсюду слышится улюлюканье!.. вас обвиняют во всех смертных грехах! все возмущены тем, что вы недостаточно покорно подставляете свою вонючую шею под нож!.. жалкий трус!.. миллионы зрителей в амфитеатре требуют вашей смерти!.. и все из-за моей дурацкой честности... из-за того, что я вернул колымагу туда, откуда я ее взял, потому что она мне вовсе не принадлежала!.. была имуществом Сартрувиля! дурацкая честность!.. если бы я оставил ее фрицам, хрянцузам, «сынкам», да кому угодно, хоть баням или душевым, все ведь хотели ее купить, вместе с бабулями, санитарками и новорожденными! я был бы теперь респектабельным сытым рантье, а не старым грязным оборванцем...

Некрологи по утрам в «Фигаро», пожалуй, это единственное, что меня слегка утешает!.. «в своем замке в Олья-Ле-Топин выдающийся военачальник Трахтибидох от-

а трупы сжигал в топке котельной. Судья Антуан Бернардэн Фюальдес был убит в Родесе 19 марта 1817 года. Он был похищен прямо на улице, пока двое музыкантов, состоявших в стоворе с преступниками, заглушали шум схватки звуками музыки. «Дело Фюальдеса» получило на юге Франции большую огласку, но преступление так и осталось нераскрытым. По одной из версий, убийство организовала жена судьи маркиза Фюальдес, к образу которой Селин неоднократно обращается в своих поздних романах. В частности, под именем маркизы Фюальдес Селин выводит даму, управлявшую издательством Деноэля после загадочной смерти Робера Деноэля, первого издателя Селина.

кинул коньки... его безутешные родственники перед тем, как отправиться к нотариусу, благодарят всех... за искренние соболезнования... и т. д...»

Моя привязанность к «Фигаро» вполне объяснима... «Вестник Судьбы»... сколько жаждавших напиться моей крови уже откинули копыта... отправились кормить червяков, ханжеские рожи!.. прощайте, безутешные родственники!.. весь Ольнуа-Ле-Топин в трауре... и леса, и замок... вызывайте нотариуса!..

* * *

Очень может быть, что вскорости вся эта долина Ооса превратится в самую настоящую ядерную свалку... а что, еще годика два?.. впрочем, не будем опережать события!.. должен же я придерживаться хоть какой-то последовательности?.. вы, безусловно, сориентируетесь!.. но все мешать в кучу?.. черт!.. я оставил вас в отеле Lowen²⁰, так толком ничего и не объяснив... просто не успел... да и о беременных женщинах как-то вскользь... ну и пусть!.. одна книга уже у Галлимара, а им там все это глубоко безразлично!.. все эти сувениры и мемуары!.. там только и думают что об отпусках! а к беременным женщинам мы еще вернемся... во всяком случае, я надеюсь... но в самом начале из Парижа мы отпра-

²⁰ Название отеля, упоминавшегося Селином в романе «Из замка в замок».

вились прямым в Баден-Баден... об этом-то я вообще еще не сказал!.. и это уже непростительная оплошность!.. а между тем, места там вполне пристойные... и Мраморная Арка²¹ и Таймс сквер!.. и Медуэй²², и берега Ооса... Lichtenthall-allee!.. излюбленные места отдыха самых привилегированных и благородных особ Европы... ничуть не ниже рангом обитателей Эвиана или Бата²³!.. а это значит, что в этом мире нет ничего постоянного!.. колесо фортуны вертится, ставки сделаны!.. удача от вас отвернулась?.. весь мир против вас! вы выиграли?.. пользуйтесь моментом!.. вашим именем называют самые прекрасные проспекты!.. чиновники всех мастей готовы лизать вам зад!.. Казино «Ловите миг удачи»!.. ставки на Рулетке Истории нешуточные, а по правилам вы играете или нет – это никого не волнует!.. если у вас фальшивый жетон, ставьте его!.. какая разница!.. выиграете – и вас будут носить на руках!.. а наш жетон и впрямь казался мне чрезвычайно подозрительным... как-то я поинтересовался у мадам фон Зект, прогуливаясь с ней по аллее Lichtenthall... вдоль набережной Ооса... этой маленькой, беззаботно журчащей и плещущейся, одетой в гранит всех цветов речушки... почему нас всех поместили именно сюда?.. разве столь

²¹ Триумфальная арка, стоящая возле Ораторского уголка в Гайд-парке, на западном конце Оксфорд-стрит в Лондоне.

²² Медуэй – английская река, в устье которой находится город Рочестер. Селин описывает свое пребывание в тех местах в романе «Смерть в кредит».

²³ Французский и английский курорты, где расположены многочисленные источники минеральных вод.

малозначительным и невзрачным личностям место тут?.. в этом отеле?..

— О, не беспокойтесь, мсье Селин, они знают, что делают!.. вот увидите, даже эта страшная катастрофа будет разворачиваться по плану... в отступлении армии Рейха из России тоже все методично просчитано!.. десять тысяч убитых на километр... насчет Франции я не могу вам сказать... точно не знаю... но наверняка столько же на километр... принц Меттерних сказал мне вчера, что в Париже уже начались репрессии... имейте в виду, мсье Селин, наши безумцы сочетают в себе крайнюю скрытность, рыцарство и методичность... в этом сочетании есть что-то барочное, не так ли?.. вы скоро в этом убедитесь!.. искусство барокко — это ведь типично немецкое искусство... разве не так?.. типично!.. так что никакой спешки не будет, вот увидите, скоро вы сами во всем убедитесь, мсье Селин... послушайте, мой собственный дом в Потсдаме разбомбили Люфтваффе, лично я в этом ни на секунду не сомневаюсь! RAF²⁴ ни при чем!.. какому-то сумасшедшему понадобилось, чтобы я, мой дом и бумаги моего мужа исчезли!.. они прилетели как раз в полдень, в обеденное время... я была у дочери в Грюнвальде... о, моего дома больше нет!.. специальная правительственная команда перерыла все развалины! но они так ничего и не нашли... если бы не принц Меттерних, меня бы уже не было в живых, он заехал за мной в одиннадцать... и вот, как видите,

²⁴ Royal Air Forces — Военно-воздушные силы Великобритании.

Баден-Баден!.. представляете, когда-то, когда мой муж еще служил, мы собирались здесь что-нибудь приобрести... какую-нибудь виллу... но судьба распорядилась иначе!.. я тоже не совсем понимаю, почему они нас всех сюда поместили? хотя, в сущности, в этом нет ничего удивительного... вы ведь заметили... эти бомбы... они падают совсем недалеко от отеля... круглые сутки, не так ли?.. их даже уже перестали бояться... люди ко всему привыкают..., на них никто не обращает внимания!.. однако, мсье Селин, уезжайте отсюда при первой же возможности!.. отель «Бреннер» и его постояльцы спят!.. и видят сладкие сны!.. но всего одна бомба способна нарушить эту идиллию!.. впрочем, я шучу, мсье Селин... на самом деле, всем известно, что эта долина – райский уголок... нигде в мире вы не найдете таких источников, таких кустарников... такой тишины... разве что в Царском Селе?... а как вам эти плакучие ивы?... не листья – слезы золота и серебра в струях Ооса... и вправду, прелестно! а сколько птиц!..

– Чудо, мадам фон Зект!..

– При Максе Бадском²⁵ у нас, вероятно, было больше гнезд... о птицах в Lichtenthall заботилось специальное общество... им был отведен участок, весь засаженный звездчаткой и конопляным семенем... а у перелетных птиц был участок, усыпанный щебнем... тогда заботились обо всех...

²⁵ Макс Бадский (1867–1929) – немецкий государственный деятель, который в 1918 году содействовал отречению Вильгельма II.

Я решил не акцентировать ее внимание на том, что птицы старались держаться подальше от нас из-за Бебера, этого верного котяры, который все время был с нами!.. он не отставал от нас ни на шаг... и тоже думал о синицах, славках, малиновках... он и птицы тоже по-своему понимали друг друга...

Раз уж я так много говорю вам о мадам фон Зект, надо вам ее описать... небольшого роста уже немолодая дама, облаченная в фиолетовый атлас... полутраур... о, но совсем не грустная! готовая расхохотаться в любой момент... происходящее вокруг не столько угнетало, сколько развлекало ее... «драгоценности, которые я не надевала с тех пор, как я в трауре»... они все были на ней... три шейные цепочки, перстни и очень эффектные браслеты... «это какая-то церковная рака, мсье Селин, какая-то рака!.. все, что осталось от моего дома!.. нелепо выглядит, не правда ли?.. вы не находите?.. молодые девушки кокетничают, чтобы нравиться, а старухе нужно казаться богатой, только богатство оправдывает ее существование на этом свете!.. представляете, мои племянницы приезжали ко мне в Потсдам... накануне замужества... мой дом был таким огромным, даже слишком, целых пять этажей, у мужа там были свои кабинеты, а мне такой большой дом был даже ни к чему... я собиралась провести остаток своих дней здесь... а дом отдала бы им... но Гитлер все

уладил, не так ли?.. забавно!.. где теперь мои племянницы?.. я, вероятно, никогда их больше не увижу... а где, вы думаете, кончу я?.. в Отеле Бреннер?.. тоже под бомбой? о, но только не в Оосе!.. еще никому ни разу не удавалось там утопиться!.. ни одному игроку! даже самому неудачливому!.. в Монте-Карло вот утопиться легко! там море... а здешний Оос как будто создан специально для Казино!.. он бурлит, плещет, а утонуть в нем невозможно, никогда!.. вы слышите?.. и обратите внимание, мсье Селин, его плеск регулируется, меняется в зависимости от времени суток и погоды... регулируется барышней, специально приставленной к источникам, служащей Казино... этот Оос не должен ни слишком вспениваться, ни пугать, ни топить... он должен очаровывать!.. хозяева Долины предусмотрели абсолютно все... здесь каждый как бы погружается в сон... да вы и сами в этом могли легко убедиться...»

Ну к нам это вряд ли относилось... лично я ни в какой сон не погружался... а созерцал реальность, причем самую что ни на есть неприглядную!.. как и сегодня, в 59-м... буржуазия изо всех сил старается сделать вид, что с 1900-го ничего не изменилось... жалкий маскарад!.. конечно, что ни говори, но некоторый внешний лоск, следы былой роскоши, несколько сглаживают впечатление, успокаивают... кое-какие театральные эффекты, скрывающие многовековую историю преступлений... но по отношению к убогим тварям, вроде нас, все это, простите, превращалось в откровенную насмешку! у

животных, отправляющихся на бойню, редко возникает желание порезвиться... был там, правда, один замечательный памятник эпохи! на него мы даже в нашем затравленном состоянии обратили внимание: русская церковь... пять куполов, огромные золотые луковицы на фоне голубого неба... посмотришь и невозможно не воскликнуть: вот это да! о, какая ослепительная молитва!.. и поп там, все ждет!.. ждет возвращения царей... или, по крайней мере, какого-нибудь эрцгерцога... двое уже явились к нему после 17-го... правда, денег не дали ни копейки... зато забрали иконы... чтобы показать в Риме... больше поп их никогда не видел... этот поп тоже жил в «Бреннере», при кухне!.. он был достопримечательностью Долины, и в ожидании лучших времен хозяева поместили его в отеле... время от времени он показывал свою церковь... Лили, я, Бебер и мадам фон Зект с ним немного побеседовали... перед тем, как пойти дальше, к «аллее роз»... экскурсия заканчивалась там... со времен римлян... с первых терм... она там заканчивается... вам ведь нужно немного отдохнуть... «аллея роз» – это не для нищих! уличных попрошайек!.. или старперов!.. по аллее роз гуляют только хорошо воспитанные люди... цветы там растут со времен Тиберия...

* * *

Кустарники... очень густые... все розовые... как будто

охваченные пламенем... не передать... мы сидели там на мраморной скамейке, и мадам фон Зект в очередной раз рассказывала нам о своем пребывании в Китае, где ее муж, гениальный полководец, реорганизовывал армию Мао... нет, этот зловещий маленький клоун пришел не на один день!.. ах, мсье Селин, можете мне поверить!.. ее муж там был!

Знаете, мсье Селин, Дьявол торжествует, потому что вокруг него не остается людей, которые его хорошо знают... представляете, на что способен этот Адольф! Его ведь некому одернуть!.. еще один одинокий дьявол!..

Мне и вправду казалось, что дела шли все хуже и хуже... эта мадам фон Зект несла вздор, но, думаю, была недалеко от истины... никаких вестей от моей матери... ни от кого... что-то там по радио... про строительство баррикад в Париже... весь персонал «Бреннера» получал информацию из Лозанны... впрочем, весь город... крупье, парикмахеры, коммерсанты и сам Legationsrat, наш фюрер... гораздо больше доверяли «Радио-Соттенс», чем «Теле-Геббельс»... наш фюрер Шульце предпочитал отмалчиваться по поводу неизбежности победы союзников, но после каждого по-настоящему крупного поражения ходил заказывать большую мессу в церкви Терм, где он и его семья причащались... факт, говорящий сам за себя!.. в общем, нам было о чем поразмышлять в этом райском уголке... Мадам фон Зект показывала нам место, где раньше среди роз стоял «Павильон Философов», от которого еще осталось несколько кирпичей...

там Гримм, мадам де Сталь и Констан²⁶ встречались каждое утро... Мадам фон Зект бывала здесь еще крошкой, она знала каждый кустик, каждую тропинку, все местные лабиринты, приводившие в отчаяние гувернанток!..

– Я и Китай немного знаю... и Италию... и Испанию... и Монте-Карло... я вообще, должна вам признаться, мсье Селин, не привыкла себе отказывать... ни в чем!.. совсем как королева! дело прошлое, поэтому мне нечего стыдиться... но даже королевские особы вынуждены считаться с мнением своих слуг... самая избалованная миллиардерша имеет свой «распорядок дня»... о котором строго печется ее горничная... маленькие слабости ее хозяйки, торжественные приемы, любовники, выкидыши... ей необходимо помнить об этом и днем, и ночью... времена, кажется, уже не те!.. до Марии Стюарт нынешним далеко! но и участь Марии-Антуанетты им не грозит... и все же, мсье Селин, я, вероятно, умру невеждой... тупость!.. умножение четырехзначных чисел я так и не усвоила, случай безнадежный!..

Ну, надо сказать, Лили, танцовщица, тоже не утруждала себя умножением, за нее это делал я...

Как это забавно!.. мы веселились от души!.. а какая замечательная стояла погода!.. тепло, и легкий ветерок... насто-

²⁶ Имеется в виду Констан де Ребек (Анри Бенжамэн) (1767–1830) – франко-швейцарский писатель и философ, автор автобиографического романа «Адольф», близкий друг мадам де Сталь.

ящий рай...

Но я со своими нервами никогда не мог по-настоящему наслаждаться жизнью, стоило мне заметить, что ни перед калитками, ни на лужайках никого нет, я сразу же начинал волноваться, куда же все подевались особенно, если на часах было одиннадцать утра... время прогулок... да еще в такую погоду!.. розы вокруг нас излучали такое благоухание, что невозможно было дышать!.. в конце концов, даже безропотная Лили не выдержала и попросила мадам фон Зект перейти на другую скамейку... в тень, под платаны... мадам фон Зект рассказывала нам, как в «Бреннере», когда они еще только поженились, ее муж, капитан, вызвал на дуэль бразильского посланника из-за розы!.. да!.. темно-пурпурной розы... упавшей сверху... на их балкон... из окон посланника!.. все было подстроено! так считал ее муж... но! вмешался Его Превосходительство... и дело уладилось... исключительно благодаря принцу!..

– Принцу Меттерниху...

Мадам фон Зект собиралась поделиться своими воспоминаниями еще... ей было о чем рассказать... Achtung!.. Achtung!.. вдруг завывла сирена... внимание! внимание! и сразу же – фанфары!.. что это, объявление о какой-то победе?.. не может быть, отступление длилось, по меньшей мере, уже два года... сепаратный мир с Россией?.. это – другое дело!.. громкоговоритель находится довольно далеко... где-то

на середине между отелем и розарием... я слушаю... мы все застываем в напряженном молчании... речь идет не о победе!.. Achtung! Achtung!.. а о покушении на Гитлера!.. доигрались!

— А жив он или нет, они сказать не хотят?.. — замечает мадам фон Зект... и добавляет:

— Представляю, что будет, если он остался жив...

Мужайтесь, дорогой читатель... и до этого покушения вы, вероятно, постоянно натыкались на противоречия из-за обилия случайных фактов и ненужных отступлений... в моей бессвязной болтовне... но я думаю, что ковер можно лучше себе представить, если взглянуть на него сверху, снизу, вывернуть наизнанку, осмотреть все узоры сразу и все цвета... все оттенки!.. шиворот-навыворот!.. считать, что вы все это представляете себе, спокойно стоя или лежа на нем сверху, значит лгать... а правда заключается в том, что, начиная с этого покушения, все окончательно погрузилось в хаос...

Вот если бы покушение удалось, его бы убили, тогда бы порядок был восстановлен! но вы видите, к чему мы пришли, из-за того, что он ускользнул! все окончательно погрузилось в хаос!.. так что не удивляйтесь, что я рассказываю вам об отеле «Бреннер» в Баден-Бадене после «Lowen» в Зигмарингене... хотя туда мы попали гораздо позже!.. постарайтесь уж как-нибудь сориентироваться!.. во времени! и пространстве! я столько мучился над этой хроникой!.. но послушайте!.. художники и музыканты делают, что хотят!.. и их все носят

на руках, осыпают почестями и деньгами... кино, развлечения!.. а почему мне, историку, нельзя шить вкривь и вкось?.. меня что, за это полагается убить?.. ну это уж слишком!.. позор на мою голову!.. должен спастись в лохмотьях и язвах!.. ату его!.. на виселицу!.. мое почтение, мадам и мсье... вы уже сделали свои ставки? так пеняйте на себя!.. пасуйте!.. самоутверждайтесь!.. что, плохая игра?.. главное, хорошая мина!.. и крыша уже поехала?.. жаль!.. глупость!.. это дурацкое покушение все перепутало!..

Ах месье, медам, конечно же, этот «райский уголок» сразу же опустел!.. со скамеек и грабовых аллей!.. всех как ветром сдуло! после первого же *achtung!* *achtung!* все кинулись в подвалы «Бреннера»... чтобы их было не видно и не слышно!.. правда, неподалеку в бассейне вскоре снова слышались вопли! настоящий шквал!.. обитателям и персоналу «Бреннера»... в сущности, было глубоко плевать и на Адольфа, и на покушение... замочили они там его или нет... «ну и задница у тебя, шлюха! пойдем трахнемся! ныряй сюда, сучка!...»

Что еще за задница?.. «толстая задница»?.. у кого это?..

– Фюрер умер!

– Да что ты об этом знаешь, мочалка! ныряй, тебе говорят!.. лахудра! *unverschamt!*.. бесстыжая!.. *raus! raus!* пошла вон!..

Дело принимало дурной оборот... но тут вмешался кто-

то еще...

– Не трогайте ее! боши! извращенцы! оставьте в покое девушку!

– Девушку? дерьмо вонючее!..

Теперь там начинается драка! трах!... плюхх!

– Сосалка!

В розарии нам все слышно... там сцепились не на шутку... за и против!.. но чья же это все-таки задница?..

– Вали! вали отсюда, дура безмозглая!..

Проносится над долиной эхо...

– Вали отсюда, старая калоша!

Какая-то женщина выскакивает из бассейна... она бежит... по направлению к нам...

– Мадам фон Зект!.. мадам фон Зект!..

– Да, мы ее знаем!.. мадмуазель де Шамаранд!.. это из-за нее в бассейне вопят и дерутся!.. причем все это продолжается!.. шлеп!.. бац!.. тумак!.. еще одно самое громкое плюх!.. из бассейна!.. и еще одно!.. они валятся в воду!.. и продолжают в воде... а мадмуазель де Шамаранд уже тут... она садится рядом с нами... тяжело дыша... в изодранном в клочья купальнике... хватает за руку мадам фон Зект... и заливается слезами...

– Мадам! мадам! прошу вас... они меня ударили!.. они все сошли с ума!.. хотели меня убить, из-за того, что их фюрер умер!.. они и сюда придут, мадам фон Зект!.. и вас тоже убьют!.. они мне сказали!

– Ну, вовсе нет, дитя мое!.. фюрер не умер! он ведь не один!.. просто небольшое покушение! а вы чересчур обнажены, вот и все!.. мужчин в бассейне это возбуждает!.. ясное дело! у вас слишком открытый купальник! оденьтесь и идите туда! держите! вот мой носовой платок!.. вытрите слезы! пожалейте свои глаза!..

– Но мой пеньюар, мадам фон Зект!.. они сорвали с меня мой пеньюар... желтый с красным! и не хотят его отдавать!

– Видимо, мне придется сходить за ним самой!.. мне они его отдадут!

– Но, мадам фон Зект, они разъярены! вне себя от ярости!

– Не беспокойтесь, моя милая, старость вразумляет самых безумных... подождите меня тут! они отдадут мне ваш пеньюар как миленькие! желтый с красным, вы говорите?

Мы остаемся вчетвером... так и есть!.. она направляется туда!.. маленькими шажками... по песчаной аллее к бассейну... и почти сразу же возвращается с желто-красным пеньюаром...

– И они вам даже ничего не сказали?

– Нет, конечно!.. совсем ничего, дорогая!.. теперь одевайтесь!.. мы возвращаемся в отель!.. все вместе!

И действительно... мы вчетвером проходим через скопище каких-то ублюдков... которые буквально минуту назад буйствовали, а теперь совершенно успокоились... ни звука... мадам фон Зект оглядывается на них и останавливает-

ся...

– Вот видите! все-таки это не только их вина, дорогуша!

Что правда, то правда, наша барышня прибыла сюда всего три недели назад, но уже довела всех самцов в бассейне до безумия... каждый день в новом купальнике, и все более вызывающем... о, ягодицы у нее великолепные, я согласен... однако что она ими вытворяла!.. покачивания бедрами... извивы спины в бассейне!.. а во время плавания... от этой ее манеры плавать кролем начинало казаться, что у нее одновременно десять круп... исчезающих в пене... на воде, под водой... было от чего перевернуть бассейн... я хочу сказать, что у постояльцев... парикмахеров, крупье, официантов, банщиков... да и бездельников из отеля... выздоравливающих офицеров... конечно же, конечно, нервы были на пределе... покушение на Адольфа накалило атмосферу еще больше... а тут еще она со своей задницей! да без мадам фон Зект ее бы просто линчевали... но одно слово всех утихомирило... мы опять спокойно могли идти мимо целой орды массажистов, банщиков, кухонных рабочих... а от этих типов можно ожидать чего угодно, они только на вид такие услужливые! мадмуазель де Шамаранд, несмотря на свою прискорбную манеру подчеркивать седалище, в целом была очень милой, симпатичной и образованной особой... аптекарша из Барси-сюр-Од... среди «коллабос» оказалась случайно, просто по уши влюбилась в адвоката из Милиции²⁷,

²⁷ Имеется в виду одна из политических коллаборационистских группировок.

и тот отвечал ей взаимностью... они даже собирались пожениться... однако их идиллия длилась недолго, за два дня до Высадки²⁸ его прикончили «сынки», прямо в зале суда... она спаслась, но ее дом, аптека, все сгорело, и ее бабушка тоже... танк СС подобрал ее в люцерне! целый отряд маки²⁹ гнался за ней... но все же ей удалось улизнуть!.. ползком под пулями!.. ай да мадмуазель де Шамаранд!.. браво!.. все-таки в ней что-то было!.. в Жерардмере она присоединились к другим членам семей милиционеров, которым удалось уцелеть... и это еще не все!.. по дороге во Франкфурт, принимая ванны, она постепенно покорила все немецкое посольство... плюс крупье из Монте-Карло, которые намеревались открыть в Штутгарте еще одну школу, филиал местной... все-таки у нее больше не было ни кухни, ни дома, ни бабушки, а вокруг было полно темных личностей, готовых в любую секунду на нее наброситься, поэтому, как барышня неглупая, она решила, что ей лучше угождать и нашим и вашим, то есть кокетничать и с голлистами-крупье, и с нацистами из посольств... тем не менее, чересчур обнаженное тело, видимо, слишком нервировало молодых людей... особенно в бассейне!.. в чем вы и сами могли убедиться, слушая отголоски гнусной потасовки между ресторанными служками из Виши, ставшими «тайными сопротивленцами» в «Бренне-

²⁸ Имеется в виду Высадка армии союзников в Нормандии.

²⁹ Маки – участники партизанского движения во Франции в период фашистской оккупации.

ре», и обитателями Баден-Бадена, калеками-бошами, скорченными горбунами из госпиталей, которые тоже приходили в бассейн, чтобы насладиться «стриптизом»... доведенные до предела отчаяния, они способны были нас расстрелять, или забросать камнями... без мадам фон Зект так бы и было... воспользовавшись затишьем, мы снова выходим на берег Ооса... за нами кто-то бежит... фрейлен Фишер!.. эта тоже от нас без ума... даже не пытается скрыть свою злобу... американцы ее высекли... а мы во всем виноваты!.. внешность у нее почти как у Квазимодо, поэтому та порка вряд ли ей особо навредила... ее высекли в Алжире... в консульстве... где она была при Шульце, она и теперь его секретарша... природа ей удружила, на левой щеке огромное лиловое пятно, волосы рыжие, жесткие, как хвост коровы... а глаза: один серый, другой голубой... к тому же, она еще и косая... в общем, видок у нее был еще тот!.. а она гордилась этим!.. родом она была из Гарца, края ведьм... поэтому антураж у нее был тщательно продуман... в комнате повсюду картины и колдовские куклы... разные безделушки, тарелки... свисающие с потолка... и столько же ведьм верхом на метле... «вот увидите... – предупреждала она нас, – все закончится шабашем!» эта мысль ее утешала... она уже представляла себя помешивающей варево в котелке, куда, предварительно содрав с нас кожу, бросят нас и американцев... высадившись в Алжире, янки поставили ее раком... мы должны были за это ответить! как и весь мир!.. теперь она торопилась

к нам... что там еще стряслось?..

– Доктор! Доктор!..

Это мне...

Мсье Legationsrat хотел бы поговорить с доктором... срочно!.. вы не против?

– Мадмуазель Фишер, я к вашим услугам!.. следую за вами!..

Две минуты... и я уже у Шульце...

– Доктор, вы в курсе того, что случилось?

– О, немного, мсье министр... а что?..

– Нет, доктор, вы еще ничего не знаете!.. вот увидите!.. вы ведь хорошо изучили этот отель!.. везде уже побывали, не так ли?..

– Ну почти... мне кажется...

– Тогда, пожалуйста... если вы не возражаете... я выделю вам сопровождаителя... со специальным ключом... «универсальным»!.. вы же знаете! стучаться бесполезно... а вы открываете и осматриваете больных... если вам не трудно, захватите с собой сумку и все необходимое!.. этих – в первую очередь!.. номера я вам сейчас дам!..

Он пишет...

– 113... 117... 82... входите без стука!.. а то еще не откроют... и не говорите, что вы от меня...

– О, ни слова, мсье министр!

– Потом, когда вы окажете им первую помощь... возвращайтесь ко мне!.. о том, что вы там увидите, не должен знать

никто... ни один человек!.. ни один!..

– Могила, уверяю вас! Могила, мсье министр!

– Тогда спасибо вам, доктор!.. и мы еще увидимся... после...

Эти номера я знаю... 117... и еще лучше 113... ничего особенного!.. все это продолжалось уже несколько месяцев, просто нужно было быть чуточку повнимательней... эти типы, толстяки из «Бреннера», из самых роскошных апартаментов, таких, как 117, например, все были замешаны в заговоре, черт бы их побрал!.. бабок у них куры не клюют!.. а что, если они покончили с собой?.. Шульце посылал меня в этом удостовериться... меня это не особенно волновало... подошли они или просто напились... человек такое существо, что готов пить и обжираться до отупения по любому поводу... а я беру свой шприц, сумку с набором инструментов и ампулы... ну-ка, не повесились ли они? я знаю, что это недалеко, 113-й!.. так!.. глянем!.. тук! тук! тишина... коридорный открывает своим ключом... из темноты мне навстречу выплывает роскошная брюнетка... с распахнутой грудью, вся расстрепанная...

– Ах это вы! вы, дорогой доктор!.. входите же, входите!

Кажется, это вовсе не заговор, а какая-то пьяная оргия... сколько их?.. пять или шесть существ еще шевелятся где-то... там в глубине... ну и пусть!.. эта дама обычно всегда так холодна... с полупрезрительной улыбкой на губах... а

тут в распахнутом пеньюаре, полностью к вашим услугам... неожиданно она меня целует!.. вероятно, она не против, чтобы я тоже к ним присоединился? черт! этого мне еще не хватало!.. я только на секунду! сколько их тут?.. сразу и не разберешь... настоящая куча мала... мне удалось разглядеть только гарсона и коменданта... да еще маникюршу... та и во все совершенно голая... еще пять... шесть семейных пар... в полной темноте... они весь свет выключили, осталась только одна, единственная свеча... неужели они тут только обжимаются и все?.. песнопения?.. запах ладана... я начинаю кое-что различать, глаза привыкают и проникают сквозь темноту, как рентген... растрепанная красотка больше меня не целует... она отходит, падает на пол и начинает храпеть... ага, я замечаю на стене большую фотографию... фото Гитлера, висящее вверх ногами... с широкой черной лентой наискосок... через весь портрет... вероятно, они отмечали его смерть... вот почему Шульце так настоятельно советовал мне никому об этом не говорить, черт бы его побрал!.. их взрыв провалился!.. а они тут празднуют, будто все удалось! но Адольф-то и не думал подыхать!.. отнюдь!.. лысый полковник и мальчишка-лифтер рядом на ковре... пьяные вдрабадан!.. икают... и собираются блевать... остальные тоже... зрелище не из приятных... а вот Гитлер с траурной лентой и вверх ногами смотрится неплохо... я поворачиваюсь к коридорному: «Ладно!.. теперь 117!..» я замечаю, что у них тут еще и накрыты столы... три... четыре... буквально ломаются

от яств! разрезанные на куски куры... переполненные всякой снедью огромные компотницы... замороженные фрукты... меренги... никто ко всему этому даже не притронулся, настолько все уже обожрались... ящики шампанского... им бы этого хватило дней на восемь... брюнетка, которая была со мной так приветлива, храпит... и даже не замечает, что я ухожу... в остальных комнатах, должно быть, царит такое же веселье... 214... 182... хотя, может быть, там обошлись и без черной мессы... может быть, там музицируют... нанизывают жемчуг... все вполне пристойно... в трагических обстоятельствах одних всегда тянет поближе к крови, а другие делают вид, что ничего не происходит... снизу из салона доносились звуки пианино... нужно было спуститься на три этажа... я сказал коридорному: пошли! и не ошибся... не в одном!.. а сразу в двух-трех салонах... большие семейные собрания... о, какая идиллия! выздоравливающие промышленники и генералы... французские коллаборационисты... отцы, матери, дети и собачки... конечно, все они слышали о покушении... но вид у них был абсолютно беззаботный... все сосредоточены на музыке!.. я вслушиваюсь... *lieder*³⁰... романсы... кажется, поет наш Константи́ни³¹... голос у него есть, это бесспорно... мадам фон Зект аккомпанирует ему

³⁰ песня (нем.).

³¹ Пьер Константи́ни – французский политический деятель, активный деятель коллаборационизма, скрывался в Зигмарингене, откуда пытался бежать в Швейцарию, однако был задержан немецкими жандармами. После войны был судим, но признан невменяемым.

тоже очень профессионально... репертуар... вполне в ее духе... все оперы...

*Вы не поверите, но я признаюсь вам!
что я дерзнул любить!³²*

любимая мелодия мадам фон Зект... может быть, слегка устаревшая, но довольно приятная... особенно в этих старинных стенах... парча, бархат, витые шнуры, помпоны, высокие лампы, огромные абажуры...

Вы не поверите...

теперь Эмери!.. сын английского министра... если наш Константины – почти Геркулес, то Эмери скорее хрупок... джентльмен... денди... о, безо всякой претенциозности!.. ладно... раз они поют, тогда вперед... а этот аккомпанирует себе сам!..

Мадмуазель д'Армантьер, не так ли?
Мадмуазель д'Армантьер!

Голос у него внушительный... он мог бы быть «басом»...

Мадмуазель д'Армантьер...

³² Первые слова арии из оперетты А. Виллеметца, сюжет которой позаимствован из пьесы Саша Гитри.

hasn't been kissed for forty years!³³

А мадам фон Зект и с «мадмуазель д'Армантьер» не оплошала!.. она решительно бросается к клавишам!.. за другое пианино!.. пусть все немного встряхнутся!.. и тоже подтягивают!.. припев!.. по-французски!.. по-английски... представляете, какая идиллия...

Но тут я замечаю, что кто-то там, вдалеке, делает мне знаки... из вестибюля... это же Шульце... о, ему я ничего не скажу... мы вообще слишком много болтаем... я направляюсь туда... куда он меня ведет... коридор... другой... к крайнему крылу отеля... «гостиные для приемов»... куда никто никогда не заходит... одна гостиная «Privat»... он садится... я тоже... пусть он говорит³⁴...

– Доктор, все это скоро закончится! Вы, конечно, в курсе...

– Вовсе нет, мсье министр!.. я ничего не видел! ничего не слышал!

– Вы избрали верную линию поведения, доктор! пусть так! допустим!.. тем не менее, я вынужден вас предупредить, что все комнаты этого отеля должны быть сегодня же ночью эвакуированы!.. сегодня же ночью!.. очищены к завтрашне-

³³ На самом деле приводимая здесь Селином песня «Мадмуазель from Армантьер» была написана позднее, в 1952 году, ее исполняла популярная в то время певица Лин Рено.

³⁴ * ее не целовали сорок лет (англ.).

му утру: до полудня! Приказ министерства!.. никто из этих людей больше не должен оставаться в Баден-Бадене... у вас много больных?.. я хочу сказать: лежачих больных?..

– Двое... быть может...

– Их отправят в больницу... мадам фон Зект тоже должна уехать...

– Тоже в больницу?

– Куда хочет!.. хоть в сумасшедший дом... она же сумасшедшая... за ней придут сегодня вечером... только не говорите ей ничего!..

– Хорошо, мсье Шульце!..

– А вы, доктор, вы, в соответствии с моими инструкциями... вы направляетесь в Берлин, в Reichsarztammer³⁵... там вами займется профессор Харрас... завтра утром вы сядете на военный поезд... я сам отвезу вас на вокзал... лично!.. только ничего не говорите... никому!..

– О, будьте спокойны, мсье Шульце! а свою жену я могу с собой взять?.. и еще кота?.. и Ле Вигана?

– Конечно! само собой!

– Но больше никого, вы меня слышите?.. и ни с кем не прощайтесь... сегодня вечером я пришлю вам обед на троих прямо в комнату... и еще дорожную корзину... а завтра на рассвете будьте готовы!.. часам к пяти!..

– Хорошо, мсье министр!

А те, там, в другом крыле, как ни в чем не бывало... про-

³⁵ Министерство здравоохранения (нем.).

должали музицировать... их было слышно... немного... теперь они наслаждались пением другого исполнителя... на сей раз немца... очень красивый голос...

Vater! o Vater!

Шуман... больше я никогда не видел этих беженцев из Баден-Бадена... не так давно я узнал, что Эмери был повешен в Лондоне... такой уж это город – Лондон... аккордеон... топор... а между ними – псалом...

* * *

Надо сказать, что мы покинули улицу Жирандон не под звуки фанфар, а заваленные «крошечными гробиками»³⁶, и с того самого момента наши дела пошли под откос... я знаю, что у множества безмозглых типов, находящихся под постоянным воздействием алкоголя, никотина и газет, подобные предупреждения вызывают презрительную ухмылку! даже столь серьезные!.. еще бы! трезвоньте громче, чем при Лубе³⁷!.. упивайтесь «Сердечной почтой»!.. «Советами до-

³⁶ Речь идет о письмах с угрозами и изображением маленьких гробиков, полученных Селином в марте 1944 года в Париже, где он жил в доме на улице Жирандон, на Монмартре.

³⁷ Эмиль Лубе (1838–1929) – политический деятель, президент Французской республики с 1899 по 1906 г. Во время его президентства было пересмотрено дело Дрейфуса, который был реабилитирован. На это дело, видимо, и намекает

мохозяйкам»... «Домашним лечебником»... жизнь прекрасна!.. тупые механические гиббоны!.. питекантропы со степеную бакалавра!.. ах, конечно же, еще и при бабочке! а как же связь Времен?.. ну это несложно! представители подвида обезьяноподобных, вы надделаете в штаны при малейшем столкновении с жизнью... увы!.. связь Времен осуществляется через задницу!.. если вдуматься, то это даже забавно... шум, гам, трескотня!.. цирк да и только!.. через мутации, мифы и ядерный прогресс к ядерной фене!.. с Венеры на Марс и Луну... и куда же мы движемся? сами видите!.. уж я-то знаю, что говорю... я уже прошел небольшую тренировку в вертикальном, абсолютно прямоугольном цинковом гробу в полиции Копенгагена³⁸... так что если я и не иду в ногу со Временем... на то есть свои причины... да попробуйте сами... слямзите что-нибудь! в первой попавшейся лавке... вам тоже дадут испытать эту «космическую кабину»!.. давайте! давайте! смелее!.. банальный турист! познакомьтесь со страной поближе!.. потом сможете рассказать о своих приключениях!.. таких необычных!.. волнующих... возьмите того же Ахилла³⁹, он падок на это, наш филантроп преклонных лет...

– Вы что, все еще не закончили? Селин, вы должны мне

Селин.

³⁸ Селин упоминает здесь свое пребывание в тюрьме в Копенгагене, которое он подробно описал в романе «Из замка в замок».

³⁹ Селин имеет в виду главу издательского дома «Галлимар» Гастона Галлимара, публиковавшего его романы.

миллионы!.. не забывайте об этом!

Не далее, как в прошлом месяце, мы отпраздновали его «преклоннолетие»!.. будь он кривым, глухим, или что-то вроде того, на любые его отклонения и задвиги никто бы внимания не обращал, просто он натыкался бы на мебель, по много раз заставлял повторять себе вопросы, и это могло бы продолжаться сколь угодно долго, никто бы этого не замечал... а вот его «преклоннолетие» стало событием значительным... колонны служащих, редакторов и директоров школ, во главе которых шествовали хоровые капеллы, за ними – три-четыре символических нейлоновых гроба, украшенных лифчиками, черными чулками и венками иммортелей с широкими лентами: «нашему возлюбленному Ахиллу»... один из гробов наполнен безделушками... другой – новыми франками... еще один – очками... и конечно же, каждый, кто еще не был в отпуске, сразу же отправился отдыхать...

После всего этого я понял, что его «преклоннолетие» в целом ему удалось... специальный номер «Обосрения»⁴⁰... статья «Его года – его богатство!..» – тоже пошла ему на пользу, стала как бы подкрепляющим уколом в его подлости...

– Вы что, еще не закончили?

⁴⁰ Селин имеет в виду выходивший при издательстве «Галлимар» журнал «Нувель Ревю Франсез» («Новое Французское Обозрение»), который он в романе «Из замка в замок» окрестил «Новым Французским Обосрением».

– Нет, мсье Ахилл, еще нет!

– Только поменьше философии! не нужно всех этих интеллектуальных выкрутасов! я вас умоляю! у меня забиты ими все подвалы!.. я выбрасываю их в Сену!.. целые ангары, караваны барж, мириады тонн «тончайших наблюдений»! по самым разным поводам! умничанье в рукописном и печатном виде! пусть даже садистское, эпатирующее, кровожадное! даже легкомысленные остроты, Селин!.. мой «преклонный возраст» доставляет мне меньше хлопот, чем это огромное количество «непроданного»! можете вы себе такое представить?.. хорошо бы какой-нибудь Сизиф поднял весь этот хлам на крутой хребет, чтобы он скатился оттуда и подмял под себя этих рыгающих монстров-читателей, но он снова и снова обрушивается на мою голову! вдумайтесь в это, Селин!.. прошу вас! не забывайте, что вы должны мне значительные суммы!.. избегайте чрезмерной духовности, бегите от нее, как заяц от волка!.. не нужно постоянно балансировать над бездной!.. да, черт возьми! я уже человек преклонных лет! преклонных лет!.. это уж точно!

Таким образом, вам понятно, почему я решил не развивать дальше свои размышления... Ахилл, несмотря на свой «преклонный возраст» и «Обосрение», слишком многим рискует... мы сейчас же снова возвращаемся в Баден-Баден! забудьте все, что я только что говорил! праздные мысли! довольно нытья! мы снова в «Бреннере»... вы все помните?.. так вот, небольшой сюрприз!.. как только мы зашли в свою

комнату... тук! тук! стучат... мадам фон Зект!.. света нет... найти нас не так просто... лестничные площадки, повороты... ей пришлось обойти все номера... со свечой в руке...

* * *

Мадам фон Зект уже знала, что утром мы уезжаем...

– Простите мне мое неожиданное вторжение...

– О мадам!.. мадам!.. у меня есть некоторые основания думать...

– Не думайте!.. не думайте ни о чем, дорогой доктор! все это уже не имеет никакого значения!.. мы все во власти безумца... и вы, доктор! и вы, мадам!.. этот Шульце уже не понимает, что творит!.. на кого он еще собирается донести?.. он и сам не знает!.. но это же просто курам на смех, доктор! просто смешно! смешно!

Я тоже думал о Шульце... было чего опасаться... но помимо всего прочего! всего прочего! один телефонный звонок из Берлина и «безоблачной жизни» г... Шульце Легасьонсрата придет конец!.. ведь сейчас шла чистка среди высших эшелонов, так или иначе замешанных в заговоре... Шульце тоже мог оказаться к чему-то причастным...

Я приглашаю мадам фон Зект зайти...

– Нет... нет, доктор, прошу прощения!.. я только хотела попрощаться с вами... с обоими... я ускользнула из своей комнаты, но вы же знаете здешние коридоры!.. по меньшей

мере, по одному глазу – у каждой замочной скважины!.. какая глупость!.. конечно, они заметили, как я вышла!.. вы же понимаете?..

Она перечисляет мне имена... одна ее подруга... другая... уже уехали...

– Мадам Селин, мадам, у меня почти ничего не осталось... вы знаете... но все же вы доставите мне удовольствие, если примете этот маленький сувенир...

Я вижу веер...

– Вот видите, ничего особенного!.. я раскрасила его сама... тогда все девушки занимались живописью!.. а скоро уже и красок не будет... и всего вам наилучшего!.. завтра мы тоже уедем!.. все!

– Значит, вы тоже уезжаете?

– Да, сразу же после вас, в полдень!.. я – к сумасшедшим... а принц – в больницу... их обычная практика... одних – туда... других – сюда!.. но, доктор! доктор, давайте прощаться!.. а то нас уличат в заговоре!..

Она удаляется... замочных скважин она явно не боится... со свечой ее видно издалека... а коридор просто огромен... широкий... длинный... она еще раз машет нам рукой: «до свиданья»!.. до свиданья! ее комната на этаже самая крайняя...

Да, конечно, никакой последовательности!.. но, надеюсь, вы разберетесь! я вам уже описал Зигмаринген, Петэна, де Бринона⁴¹, Ретифа⁴²... шутка сказать!.. черт возьми! но в Баден-Бадене-то мы были до того!.. и только позже, гораздо позже, мы снова увидели маршала, Милицию и «ярых поборников Новой Европы», которые тогда еще или вовсе не родились, или сидели в траншеях... «Новая Европа» обошлась без них! еще бы! хватило бомбы! атомной!.. для меня это как дважды два!.. так же как и насчет китайцев, кстати сказать... не подлежит сомнению!.. хотя в газетах об этом и не пишут... и в «театральных колонках» тоже...

Но вернемся к нашему повествованию... мадам фон Зект попрощалась с нами... оставив на память свой веер... вот он!.. на следующее утро, как мы и договаривались, на расвете стучится Шульце... отель еще спит... но мы уже готовы, Бебер – в своей сумке... чемоданы в руки и вперед!.. на вокзал в сопровождении Legationsrat'a... уезжаем!.. поезд уже свистит... настоящий хаос наступил только через шесть

⁴¹ Фернан де Бринон – журналист, активно сотрудничавший с нацистами, во время оккупации представлял в Париже правительство Виши. Был приговорен к смерти и расстрелян 15 апреля 1947 года во Френ.

⁴² Имеется в виду Орас Ретиф – персонаж романа «Из замка в замок», командир отряда боевиков французских фашистов.

месяцев, а пока движение прерывалось на один, максимум два дня... подлатают кое-как, и в путь!.. эта моя манера опережать события, наверное, вас вконец сбילה с толку... ничего не понятно... все шиворот-навыворот... а еще провалы в памяти!.. уф-ф! сплошное блуждание во времени среди людей и годов... на самом деле, я думаю, что вся эта путаница – следствие перенапряжения и плохого лечения... чересчур много потрясений... удар за ударом... тут как-то один знакомый, который всегда ко мне хорошо относился, встречает меня и говорит: «Доктор, вы шатаетесь, как будто выпили, хотя я прекрасно знаю, что вы не пьете...», и действительно... правда, старики тоже разные бывают... прогуляйтесь по Нантеру⁴³!.. одна моя пациентка, примерно моего возраста, тоже едва держится на ногах и еще «р» так раскатисто произносит, но она и не скрывает, что закладывает за воротник... она постоянно тычет мне своей бутылкой в лицо... того и гляди треснет ею по башке!.. запросто! я себе подобных вольностей не позволяю... черт! теперь я оставил вас на перроне вокзала... в Баден-Бадене... там я еще прекрасно держался на ногах, и только через двадцать четыре часа в Берлине я заметил, что вызываю улыбки... я начал раскачиваться... и выписывать зигзаги... очень редко больные с проблемами мозга или мозжечка способны назвать точный момент, когда они впали в слабоумие... а я – на «Берлин-Анхальт»... у выхода!.. в нескольких шагах от перрона... о, на ногах-то я

⁴³ Нантер – пригород Парижа, где расположен приют для престарелых.

удержался... но ровно потом я уже не мог ходить никогда... больше всего меня волновало: как долго это продлится... да уж продлилось!.. и еще как!.. конечно, я не особенно лечился... но все же!.. потихоньку все могло бы и нормализоваться... пройдитесь по Нантеру... печальное зрелище... правда, нечто подобное можно увидеть и в Париже, возле Насьон... однако к делу!.. выйдя в «Берлин-Анхальт», я рисковал оказаться под колесами поезда... а то и сразу двух! тогда я сказал Лили: «Мне нужна трость!..» само собой!.. и мы отправляемся на поиски!.. но где ее найти?.. наводим справки... «пойдите туда!.. пойдите сюда!.. там точно есть!..» – спасибо! посмотрим! Лили берет меня под руку... ни одного открытого магазина не то, что с тростями, вообще ни с чем... ладно, надо оглядеться по сторонам!.. спрашиваем еще... «пойдите туда!.. пойдите сюда!»... большинство витрин разбито... некоторые искорежены... до неузнаваемости!.. ну и где же это точно есть? вот мы и у Бранденбургских ворот!.. на проспекте: под Linden⁴⁴!.. ни одной липы!.. они выращивали их веками... дальше!.. еще дальше!.. еще один широкий проспект... короче говоря, столичный Берлин практически весь в руинах... магазинов почти не видно... все за железными ставнями, а каждая вторая или третья витрина вообще завалены обломками кирпичей, водосточных труб и черепицы... настоящие горы!.. какие-то дряхлые старухи все

⁴⁴ Здесь Селин обыгрывает название берлинского проспекта – *Unterdenlinden* – что буквально означает «Под липами».

это собирают, точнее, пытаются складывать в маленькие аккуратные кучки, что-то вроде небольших укреплений, тут же на тротуаре... расчистка развалин... подбирают детские игрушки, песок, обломки и кирпичи... выжившие из ума старбени... а вот тростей по-прежнему не видно!.. ладно, идем дальше! как нам и говорили! поворот за угол... еще один... о, надо же!.. надо же! действительно!..

Здание и впрямь примечательное!.. девять этажей, не меньше... но в каком состоянии! окна зияют пустотой... ото-всюду свисает... железная арматура... всякий хлам, осколки стекла... сплошным слоем... какие-то лохмотья... развеваются на ветру... не представляю, что здесь можно продавать! задыхаясь от пыли... под ураганным ветром... мы проникаем внутрь!.. бомбы превратили все в винегрет! от полок не осталось и следа... от лестниц тоже... ни витрин... ни лифтов... все в каше до самого подвала... ах, да тут еще и персонал!.. старые хрычи в роли продавцов... о, зато очень любезные... улыбающиеся... два, три в каждом отделе... отделе с пустотой... под вывесками... «Шелк»... «Фарфор»... «Костюмы»... ну а где же трости?.. костыли?..

– О, конечно!.. как же... как же!.. это на четвертом!

Наверх!.. лестниц нет... только стремянки и небольшие лесенки... мы проходим мимо «Галантереи»...

– Leider! Leider! это недалеко! bald!

Пожилые улыбающиеся господа отправляют нас дальше... трости – на «пятом»... еще несколько лесенок... есть!..

не может быть! единственный отдел с товарами! трости – на любой вкус! и народ!.. единственное место, где идет оживленная торговля! военные, штатские... детишки... и торгуют здесь уже не старики, а исключительно калеки!.. увечные... кривые... даже безногие... такие же точно инвалиды, как и покупатели... в общем, какая-то «Ярмарка чудес»!..

Я сразу же, без проволочек, выбираю себе две трости, две палки, легкие, с каучуковыми наконечниками, просто загля-денье!.. беру их!.. и в кассу!.. двадцать марок!.. вот удовольствие!.. теперь мне никакие головокружения не страшны... абсурд, конечно!.. смешно радоваться, как мальчишка, когда ты дебютируешь в качестве хромого!.. но я был по-настоящему счастлив! оттого, что в этом огромном и пустом магазине нашелся-таки единственный отдел с продавцами и тростями на любой вкус...

Где он теперь?.. в какой зоне?.. что с ним стало?.. с этим магазином без лестниц?.. я поспрашивал... здесь... там... на меня смотрят... как на ненормального... никто ничего не знает...

* * *

Я со своими палками, Лили и Бебер, теперь мы совсем как туристы... ищем отель! городу уже досталось... кругом дыры и вздыбленные мостовые!.. странно, но самолетов не слышно... может быть, Берлин их больше не интересуется?..

поначалу я ничего не заметил, но постепенно врубился... в городе остались одни декорации... целые улицы фасадов с зияющей пустотой вместо интерьеров... за редкими исключениями... пожалуй, в Хиросиме все было уже гораздо чище, четче, ровнее... ведение бомбардировок – это тоже искусство, тогда оно еще не было доведено до совершенства... а там с двух сторон улиц как бы создавалась иллюзия... ставни закрыты... и что еще интересно, на тротуарах обломки, балки, черепица, трубы не валялись в кучах, как попало, а у каждого дома его обломки, аккуратно сложенные перед дверями, возвышались до второго или третьего этажа... причем обломки пронумерованные!.. если бы война вдруг завтра закончилась... не прошло бы и восьми дней, как они все бы расставили по своим местам... вот Хиросиму так восстановить было бы невозможно, прогресс имеет свои отрицательные стороны... а тут, в Берлине, все бы восстановили за восемь дней!.. балки, сточные трубы, каждый кирпичик уже пронумерованы и выкрашены в желтый и красный цвета... ярчайшее свидетельство непреодолимой тяги к порядку... дом уже мертв, остался один кратер, все его кишки, трубы, кожа, сердце, кости – снаружи, и тем не менее, эти внутренности разложены на тротуаре в определенном порядке... как животное на бойне... взмах волшебной палочкой! оп! и кишки опять на своем месте! оп!.. и уже опять скачет! если бы Париж был разрушен, представляю, как бы его стали восстанавливать!.. на что бы пошли все эти балки, кирпичи, сточ-

ные трубы!.. ну разве что на парочку баррикад?.. опять!.. а тут, в этом несчастном Берлине, я видел стариканов и старушенций моего возраста и даже старше, за семьдесят, а то и восемьдесят... некоторые уже слепые... и они все были заняты делом... складывали все на тротуарах перед фасадами, нумеровали... кирпичи сюда! желтую черепицу туда!.. осколки стекла в яму, все до одного!.. и ни секунды передышки!.. дождь, солнце, снег... Берлин никогда никого не настраивал на легкомысленный лад! под таким небом не до веселья... мы почувствовали это еще в Нанси... нужно готовиться к серьезным испытаниям, тяжелому труду, приступам тоски, семилетним войнам... тысячелетним... вечным!.. взгляните на их лица!.. или даже на их реки!.. их Шпрее... этот тевтонский Стикс... на ее медленное тяжелое течение... какая она илистая и темная... стоит на него посмотреть, как пропадает всякое желание смеяться... это сказалось сразу на нескольких народах... мы, я, Лили и Бебер смотрели на нее с парапета... и тут к нам подходит какая-то дама, немка... с явным намерением что-то нам сказать... она любит животных... и пытается погладить Бебера... его голова торчит из сумки... он тоже, как и мы, смотрит на Шпрее... эта дама интересуется: откуда мы... из Парижа!.. беженцы... у нее доброе сердце, и она нам сочувствует...

– О, но с котом у вас будут проблемы!

Раньше я ничего об этом не знал, и впервые услышал от нее, что домашние животные, «беспородные» кошки и со-

баки, «не подлежащие размножению», рассматриваются как ненужные... и в соответствии с Приказом Рейха должны быть в кратчайшие сроки переданы «Обществу защиты»...

– Поосторожнее в отелях! там их представители под надуманным предлогом могут вам предложить... провести «ветеринарный осмотр»... и вы больше своего кота не увидите!.. на них тренируются в СС, вырывают им глаза...

Теперь мы предупреждены... я выражаю ей свою признательность... будем внимательней в отелях!.. Бебер не подлежит размножению, он не породистый... однако паспорт у него есть... я сам водил его на осмотр в отель «Крийон»... к полковнику-ветеринару немецкой армии... «кот Бебер принадлежит доктору Детушу, проживающему на улице Жирардон, 4, и не является носителем какой-либо инфекции (фото Бебера)»...», а насчет породы полковник-ветеринар ничего не написал... вот мы и посмотрим в полиции!.. но разговоры разговорами, а как же нам быть с нашей визой?.. о, я все время об этом думаю!.. без правильно оформленного паспорта нас нигде не примут... Шульце ведь нас предупредил... «первым делом идите в полицию!»

– Ладно, малыш! идем!

Пришлось еще немного прогуляться... я обращаюсь к первому же schürro⁴⁵... сразу же за мостом... «отдел виз»?.. да, тут недалеко!.. он указывает мне на два... или даже три строения между Музеем и трамвайной остановкой... пре-

⁴⁵ Полицейский (нем.).

красно!.. подходим... объявление... что-то про «перемещенных лиц»... уже даже слышна чья-то ломаная речь... дети, бабульки, девушки... на первый взгляд, полная неразбериха, однако таблички вносят некоторую ясность... как и в случае с кирпичами... «Балканы» здесь... «Россия» там!.. «Италия» дальше... ну а мы, Franzosen, в самом конце... направляемся туда... стучимся... небольшая очередь... Herein⁴⁶!.. вот мы и у цели!.. теперь нужно добратся до человека за печатной машинкой... нас человек двадцать, а он один... мы готовы ответить на вопросы за других... мы не эгоисты, ответим за всех... за всю очередь... беженцы из Нуармутье... Гаргана... Марли... Вилльтанез... и никто не умеет говорить по-немецки!.. мы можем им помочь... но этому типу за пишущей машинкой просто не дают открыть рта... все сами лезут к нему с вопросами... и отвечают тоже все вместе... хором... от него им нужны только подпись и печать! он бормочет, что хотел бы посмотреть... ах, бумаги! ему нужны наши бумаги!.. вот! вот! бумаг у нас навалом! можно продавать на вес! и в сумках, и в карманах!.. интересно, что он собирается с ними делать, этот идиот? я наблюдаю за тем, как он перебирает все эти «документы», сертификаты, книжечки!.. в определенном возрасте это начинает страшно тяготить! можно впасть в настоящую депрессию... от такого обилия всевозможных свидетельств, копий, крещений, контрибуций... да еще в двух, трех экземплярах!.. тут выскаки-

⁴⁶ Войдите (нем).

вает еще один бумагомаратель... и требует наши фото... о, они у нас есть!.. особенно у Ля Виги!.. лучшие кадры его последнего фильма... служака пялится на нас... сравнивая наши физиономии... что-то его не устраивает! определенно!.. как, это вы?.. да не может быть!.. это не я, не Лили и не Ля Вига!.. никакого сходства!.. однако мы-то знаем, что это мы! мы! а не кто-то иной!

– Ach!.. nein!.. nein!

Продолжает наглотать шелкопер!.. мы не так уж и изменились!.. он что, ослеп? времени-то всего прошло! но ему на это плевать! и за кого он нас принимает?.. я тоже смотрю, сравниваю... конечно, вид у нас усталый... мы немного похудели, но не более того! а он нас кем считает? диверсантами?.. саботажниками?.. в газетах у них только об этом и пишут!.. как бы там ни было, но факт остается фактом: ему нужны другие фотографии!.. необходимо сняться еще раз, и желательно в фас... в лачуге на другой стороне Шпрее... «Фотоматон»... вдалеке виднеется палатка, желтая с красным...

– Странный тип, честное слово!

А может, он просто связан с этой палаткой?.. во всяком случае, на несходстве он явно подвинулся... судите сами: еще одна пара!.. вполне приличный господин с бородкой и его плачущая жена... приехали в Берлин, чтобы навестить сына в больнице... местной богадельне... сын был ранен на Востоке... маньяку в пенсне они тоже кажутся не похожими

на себя... приехали они из Каркассона... они пытаются ему что-то объяснить... приглашают нас в свидетели...

– Возможно, мы немного и изменились, но не настолько же, не правда ли, мадам?... тяготы пути, переживания?..

Мы смотрим, сравниваем... небольшие перемены есть, но узнать их вполне можно!.. этот чиновник в пенсне – либо маньяк, либо мошенник... в лучшем случае, опасный шутник... но мы в его власти, и он в наказание отправляет нас в угол ангара, дабы мы не мешали ему снимать копии с наших бумаг... сначала он должен их переписать... а затем еще и перепечатать... господин с бородкой из Каркассона, тсс! довольно шуметь!.. и как же он собирается с нами поступить?... что за шутки! о, Ля Вига с ним согласен!.. плевать он на нас хотел!.. с высокой башни!.. этот легавый щелкопер явно зарвался!

– Подумать только, мсье! он нас не узнает!.. меня!.. да мое фото на всех стенах! по всей Европе! к несчастью! увы!.. и в Америке! а этот болван меня не узнает! интересно, откуда взялся этот кретин?.. вот вам и их хваленая полиция!.. свора тупых ублюдков!.. на наш поезд бы его, пусть бы покатался, как мы!.. а я там был, да, мсье!.. на последнем поезде с Восточного вокзала... взгляните на мой чемодан!

Он направляется к скамейке напротив... достает из-под нее свой чемодан... ставит его наверх!.. открывает... оттуда вываливается куча изорванного в клочья белья... рубашки... носовые платки... штаны...

– Вот видите!.. как только мы проехали Эперне, мы превратились в мишень!.. поезд-мишень!.. две насыпи!.. то с одной стороны, то с другой! тю-ю! тю-ю! рrrрт! да что там мои чемоданы!.. сколько трупов?.. никто не знает! у меня было еще три сумки!.. пришлось их оставить! маки теперь хозяйничают во всей Франции!.. я в этом убедился... на собственном опыте!.. а в Париже что, иначе?.. и в Париже то же! как, вы не знали?.. можете мне поверить!..

Стоя здесь, он как бы заново рисовал себе всю картину...

– Вы не представляете! даже этих серых мышек, телефонисток!.. вырывают языки, связывают парами, и в Сену!.. с моста Конкорд!

Эти двое, бородач и его слезливая дама, кажется, сомневались... ах, не может быть!

– Вы мне не верите, мсье?.. что ж, тогда можете сами прогуляться сейчас по любому парижскому мосту, а потом поделитесь со мной впечатлениями!..

Их скептицизм его крайне раздражал! разве наши чемоданы не были в дырах?.. вот вам доказательство! три... четыре пули!

– Пошли, Фердина! я больше не могу тут находиться!

Он выходит и увлекает меня за собой... мы сразу же натякаемся на дверь с табличкой... Abort... туалет... и заходим туда...

– Это же стукачи! ты что, не видишь? ну те, что якобы из Каркассона!.. очнись! они же хотят нас заложить!..

– Ты так думаешь?

– Уверен!.. в этой конуре полно микрофонов, они там всюду!..

Хорошо... я приму это к сведению...

– Фердина, если мы хоть чуть-чуть задержимся здесь и не уйдем отсюда!.. сейчас же... немедленно!.. мы не уйдем отсюда уже никогда!

Я с ним согласен...

– Сходи за Лили!.. а этому типу за столом мы скажем, что отправляемся пообедать напротив и скоро вернемся!.. мы оставляем ему наши бумаги! все наши бумаги! и вернемся с фотографиями!.. он вымогает у нас бабки, можешь мне поверить!

– Ты прав!

Я делаю знак Лили... подсказываю к столу!.. естественно, в силу своих возможностей!.. нашего чиновника уже нет, он пошел есть... черт! там уже другой! тот выслушивает... Он, конечно, не против, чтобы «мы вернулись», но он нас предупреждает, что мы останемся без еды, если не представим паспортов!

– Я дам вам «талоны»... пока это все!..

Hausgericht⁴⁷!.. очень скромная пища!..

Да! да! конечно!.. главное, отвязаться от него, вырваться из этой конуры! а эти двое из Перпиньяна! может, тут и ни при чем? никакие не стукачи!.. странно, правда, что они ни-

⁴⁷ Домашняя еда (нем.).

когда не видели Ля Вигу... ни в театре, ни в кино!.. что это за личности?.. непонятно!.. от таких лучше держаться подальше!..

– Давай, Фердина! пошевеливайся! надо успеть, пока другой легавый не вернулся!

Поторапливает он нас...

– Сперва давай пожрем!.. нет, послушай, сначала сфотографируемся! я тебе еще не все рассказал, Фердина!.. про наш славный поезд! последний улетный с Восточного вокзала!.. нас обстреливали четыре раза, малыш!.. Эперне... Мезьер... и еще в Бельгии!.. две насыпи полны маки! вот такие дела!

Он решил повторить все заново!

– Взгляни-ка на мой чемоданчик!

Он снова его открывает... и оттуда опять все вываливается... все его тряпье!.. стоящие в очереди должны знать, каково было ему ехать в этом последнем поезде!.. а эти двое из Каркассона, что заливаются слезами, вообще не нюхали пороха!

– Вот какова сегодняшняя Франция!

О, наконец-то! кто-то его узнал!.. один!.. еще десяток!..

– Ле Виган!.. Ле Виган!.. это же он!

Он раскланивается... направо... налево... выражает им свою признательность... и снова упаковывает свой скарб... все свои лохмотья... время не ждет...

– Ну что, малыш, в путь!

А путь не такой уж и далекий... на другую сторону проспекта, в «Тюрингер Хоф»... мы решили, что, в конце концов, сфотографироваться можно и потом... Лили несет Бебера в своей сумке...

– Ты что, уже совсем идти не можешь?

Спрашивает он меня...

– Могу! просто с ней как-то легче!

– Да, ты стареешь!

Себя самого он в старости просто не представлял! лучше об этом не думать!..

– Но послушай, дружище, ты же на десять лет моложе! посмотрим, что с тобой будет годика через два!..

Неудивительно, что я ковыляю, а он прямой как штык...

Вот мы и у «Тюрингер Хоф»!.. у дворца: о, правда, довольно обшарпанного... между развалинами двух домов... от которых, можно сказать, осталось мокрое место... а «Тюрингер» еще держался, разве что один балкон обвалился... ладно, входим... регистратура... в самом центре огромного зала с золоченым потолком... я достаю наше «разрешение»: «талон на питание»...

– Stimmt!.. хорошо!.. вы хотите есть?

– Да!.. да!.. конечно!..

Отвечает за всех Ле Виган...

– А комната вам нужна?

– Две комнаты!.. одна для меня и моей жены!.. а другая вот для него, нашего друга!..

Портье своим видом напоминает о лучших временах: более чем просторный редингот, украшенный изящным золотым шитьем, и почти адмиральская фуражка... но тут он замечает Бебера!.. его голову!.. Бебер тоже пристально смотрит на него...

– У вас еще и кот?

Черт, увидел все-таки!.. хлоп!.. он закрывает свой журнал!.. мы его больше не интересуем!

– Животных здесь быть не должно!

– Ну так и что?

– И что теперь?

Можно, конечно, было с ходу на него наехать: бош, лакей, дерьмо и т. д., да пошел, мол, ты!.. но вряд ли бы нам это помогло...

– Покажи ему свой чемодан, болван!

Говорю я Ля Виге... он послушно демонстрирует свое рванье... все свои изодранные в клочья тряпки... а я пихаю ему в нос свои костыли... мол, я не могу стоять на ногах...

– Мы же ранены! ранены! verwundet⁴⁸! и моя жена тоже!..

– Тогда обратитесь туда!.. там принимают с животными...

Он пишет на карточке название: «Зенит»...

Шинкельштрассе...

Мне не хочется, чтобы Ля Вига опять начал нести какой-нибудь бред, поэтому я стараюсь сам все уладить...

Спасибо, господин портье, мы сейчас же туда отправля-

⁴⁸ Ранены (нем.).

емя... а не могли бы вы позвонить в этот «Зенит»... предупредить о нашем приходе?

Он явно рад, что от нас избавился!

– Ja!...ja!...ja!...

Я достаю бумажку в сто марок, складываю ее в четыре... восемь раз... потом пихаю ему в ладонь... и с силой стискиваю его руку в своих руках... он сразу же соединяется с «Зенитом»... я слышу приглушенный диалог... «все в порядке!.. stimmt! можно ехать!» они готовы нас принять! потому что мы не скупимся на чаевые...

Я заранее заготавливаю еще одну бумажку в сто марок, чтобы нас там должным образом приняли... надо же нам хоть где-то пристроиться!...

– Ну все, Ля Вига, трогаем!

Пошутили, и ладно!.. если нас еще и из отеля «Зенит» выставят, то куда мы тогда пойдем?... я предупреждаю Лили и нашего знаменитого друга... чтобы впредь, прежде чем что-либо сказать, они советовались со мной!.. во избежание каких-либо осложнений!..

Но сперва эту Шинкельштрассе нужно еще найти!.. адмирал-портъе даже сооблаговостили выйти... и все нам показать... а, четвертая?... нет, третья?... налево?... теперь все понятно!.. еще бы!.. правда, я эти фасады уже знаю: кажется, что это самая обычная улица, а ее больше нет... все ее внутренности, балки, кирпичи, лестницы болтаются на окнах... или же свалены в груду перед дверями... небольшие кучки

кирпичей, заметные издали, в сущности, это все, что осталось от большинства зданий... постепенно к этому привыкаешь... тротуар теперь так сузился, что по нему мог пройти только один человек... между высокой стеной обломков и так называемыми домами... ну а от «Тюрингера» до этой улицы Шинкель было две минуты ходьбы и все время вдоль раздолбанных фешенебельных витрин... и ставен... видели бы вы нас! ведь в городе, где уже нет настоящих домов, всегда очень ветрено... в Хиросиме, должно быть, было ужасно! трах!.. и в вас летит окно!.. того и гляди, прибьет... с костылями вы... или без... у меня эта Шинкельштрассе до сих пор перед глазами стоит... дом 15... куча обломков – на уровне первого балкона... «Отель Zenit»... на сохранившемся маленьком кусочке таблички: «нит»... все верно, значит!.. звонок не звонит! и черт с ним!.. вперед!.. нас никто не встречает! ладно, глянем хотя бы, что осталось от этого отеля «Zenit»... может, кого-нибудь найдем... в глубине я замечаю что-то вроде дворика... на котором тоже полно обломков, кирпичей и прочего мусора... но совершенно не разобранного и не разложенного по кучкам... куда там!.. как на свалке... кроме того, там еще и экскременты... что ж!.. полный букет!.. и все это почти в абсолютной темноте... тьма и плесень... где-то там сбоку должен быть первый этаж... ни окон, ни дверей... одни драпировки... интересно, живут ли в этих развалинах?.. я кричу: эй! эй!.. из кучи трухи кто-то вылезает... да это мужик!.. вы не поверите, но самый что ни на есть

настоящий!.. борода, сапоги, рубаха навыпуск... да еще скалится во весь рот... ну хоть этот с нами приветлив!.. он обращается ко мне на ломаном немецком... а я кое-как отвечаю ему по-бошски... в общем, мы друг друга понимаем... он тут в «Зените» за директора, а приехал он, по его словам, из Сибири... пленный, что ли? депортированный?.. власовец?.. я его ни о чем не спрашиваю... но его уже не остановить!.. он сам все выкладывает!.. слово за слово... хвалы Сибири!.. а как же без этого? насколько все-таки эта Сибирь богата! как там много дичи! цветов! деревьев! какие там все гостеприимные! нет, я и представления об этом не имею!.. об этих долинах! пастбищах!.. кустарниках!.. а какие там гардении! нет, мне этого не понять!.. он так мне все это расписывает, что мы, видимо, должны были бы тут же, сразу все бросить!.. и отправиться в Сибирь!.. но постойте! конечно! мы бы с радостью! да вот в Берлине застряли... а может быть, он на ставке в «Интуристе»? надо будет у него уточнить... а это, должно быть, его жена выглядывает из-за драпировки... тоже настоящая баба, с раскосыми глазами и в платке на голове... эта не так разговорчива... надо ее подбодрить... Ля Вига направляется к ней... с аккуратно сложенной сотенной в руке... ну, конечно, она видит, что мы люди приличные, и показывает своему мужику, что нас можно принять... впустить внутрь...

– Комнату?

Конечно, комнату! и как можно быстрее!.. две комнаты!

само собой!.. где угодно! на третьем этаже?.. и это неплохо... главное, не будем спать на улице... а жратва?.. тоже, что ли, по талонам?.. нет, он предлагает нам супа, своего собственного супа, целых три котелка, и еще черного хлеба, и пива... да этот отель только с виду неказистый, а принимают нас тут совсем неплохо!.. русская оккупация не так уж и страшна! спешно поднимаемся на этаж!.. лестница!.. многие ступеньки отсутствуют... выше подняться невозможно... «четвертого этажа» нет вообще... дальше – открытое небо... ладно, сойдет и «третий»! любые номера!.. какая разница!.. «открывайте! смотрите!»... есть вполне приличные!.. двери, правда, не открываются!.. разбухли и перекосились... ну-ка, попробуем все вместе!.. стены и перегородки сразу же подаются!.. отлично!.. на нас обрушивается целая стена!.. и в перегородке рядом образуется проход... мы видим комнату... входим в нее... полно алебаstra, обои, кирпичи... о, целых две кровати!.. для Лили, меня и Бебера... а как же Ля Вига? в комнату рядом! черт, двери лучше не трогать!.. это мы уже поняли! если продолжать в них ломиться, может рухнуть весь коридор!.. а то и весь «Зенит»? легче просто проходить сквозь стены... достаточно найти трещинку и засунуть туда палец! Ля Вига своим ножичком ловко выковыривает кирпич за кирпичом... без видимого напряжения... главное, подальше от дверей!.. ну вот, готово!.. комната вроде нашей, правда, без ночного столика... и раковины... небольшое зеркальце... треснутое, но все-таки!..

– Послушай, Фердинанд, ну и вид у меня!..

– Да нет! немного усталый, но это же понятно!

Больше всего на свете он любит изображать из себя страдальца... Христос в оливковой роще... последствия фильма «Страсти»⁴⁹... а теперь еще Восточный вокзал, обстрел его поезда, его изодранные в клочья рубашки, общее состояние Франции и впрямь могли его слегка травмировать... но и Христа было бы достаточно... насколько я знаю этих актеров, да и режиссеров тоже, стоит им хоть раз сыграть Христа, это уже на всю жизнь... чуть что, они перевоплощаются в Христа... первым делом поинтересуйтесь у актера, играл ли он Христа, если – да, значит, приготовьтесь... ну а если женщина сыграла Деву? она будет продолжать ее изображать и в сто лет... мне вовсе не хотелось, чтобы Ле Вига прямо сейчас, войдя в роль, распластался крестом на железной кровати... наше положение, по моему мнению, и без того было в высшей степени драматичным... ну-ка, быстро! пошевеливайся!.. напоминаю я ему о нашем супе, мужике и наших котелках... было бы очень любезно с его стороны, если бы он сходил, глянул... не забыли ли там о нас... он вглядывается в глубину двора... кажется, там кто-то идет!.. шаги... это бородач!.. но меня интересует совсем другое... я спрашиваю его: давно была последняя тревога?

– О, каждую ночь! но уже не бомбят! с бомбами поконче-

⁴⁹ На самом деле, речь, видимо, идет о фильме «Голгофа» Жюльена Дювивье, где Ле Виган играл роль Христа.

но!

Хочется в это верить, но мне кажется, что эти самолеты-лунатики запросто начнут все сначала... на самом деле, через несколько месяцев они обязательно вернутся и устроят здесь грандиозное шоу!.. просто мы попали в период небольшого затишья... пока они занимались границами и Лондоном, а не Берлином... и все-таки, мы нашли себе убежище, пусть не очень надежное, но все равно... выбора-то у нас не было!.. окажись мы в Париже, представляю, что бы с нами стало... да нас бы там заживо поджарили!.. так что жаловаться не на что! лучше уж «Зенит», чем пекло!..

Мы садимся на наши железные койки и думаем... а подумать есть о чем... Бебер отправляется на разведку... кошки так устроены, что, попав в новую обстановку, даже если они подвергаются большой опасности, им непременно нужно осмотреть всю местность и окрестности... все жизненное пространство вокруг... вот почему, вывозя их в деревню, надо быть предельно внимательным... повинаясь инстинкту, они убегают и могут плохо кончить... здесь, в «Зените», все «жизненное пространство» исчерпывалось коридором... Бебер тут же очутился в самом его конце... Лили его позвала... но он не вернулся... пришлось ей самой искать его... за обоями... я тоже отправляюсь вслед за ней, и мы втроем, Лили, я и Бебер вместе все кругом осматриваем... ничего! пустота... о, зияющая пустота в добрых семь этажей, воронка от огромной бомбы, в которой запросто могло поме-

ститесь несколько зданий... можно сказать, «Зенит» оказался на волосок от гибели!.. бомбардировки – это ведь как потеря!.. тряхануло?.. и вы вычеркнуты из списка живых!.. если вам на сей раз повезло, значит, досталось другим! в сущности, тоже своего рода развлечение для досуга... на кого бог пошлет? на него? на нее? на меня?.. обследуя «Зенит», мы в этой игре здорово поднаторели... тем временем Ле Виган возвращается с котелками... и какими! борщ со сметаной... вслед за ним входит сам мужик с бутылками минеральной воды... какое это все-таки блаженство!.. ах, еще и хлеб... черный... этот мужик нас балует! и даже не просит талонов... а теперь и полежать не грех, имеем же мы право немного отдохнуть... окон тут больше нет... точнее, почти нет, одни рамы... с остатками стекол... а этот русский и впрямь симпатичный, он приносит нам два больших ковра, чтобы мы могли повесить их вместо занавесок... так, цепляем... и готово... вот теперь можно и переждать... в уютной обстановке, можно сказать... каждый у себя!.. но в контакте друг с другом... чтобы пройти к Ле Вигану, например, нужно лишь поднять два квадратика гипса... а в коридор можно попасть только от него, повернув четыре кирпича... и двери не нужны!.. от дверей лучше держаться подальше!.. а то еще рухнет весь этаж! ну а Бебер, тот везде пролезет... через трещины... крысиные норы, занавески... через некоторые трещины пошире и Лили может пройти... она забралась в самый конец коридора... и зовет меня к себе... мне

совсем не хочется туда идти...

– Ну иди же! иди!

– Что ты там нашла?

– Еще одну дыру!

Ладно!.. я делаю над собой усилие... на четвереньках... через небольшой проем внизу стены... Ля Вига тоже встает на четыре кости и ползет... вот мы и на другом конце этажа... еще один «обрыв» над кратером, но уже с другой стороны!.. от него нас отделяет только подвешенный к потолку ковер... а за ковром – пустота, еще одна пропасть... в которой запросто поместилось бы три дома... а может быть, они уже там?.. боюсь, что да... Отелю «Зенит» повезло, ведь он мог рухнуть в ту или другую сторону... и частично уже рухнул, так как уцелело лишь три этажа... чудом уцелело, можно сказать... кстати, надо бы поинтересоваться у мужика, где остальные постояльцы... «sight-seeing»⁵⁰?.. new-Berlin?.. шу-чу, конечно!.. но если серьезно! наши фотографии!..

– Ля Вига! наши фотоматоны!

Легавый с паспортами, должно быть, ломает голову над тем, куда мы подевались, он наверняка уже вернулся с ужи-на... паршиво, если он решит, что мы плюем на него! черт!.. но сперва нам нужно отдохнуть! хоть немного!.. особенно после супа с капустой... грех жаловаться, но все-таки он тяжеловат... мы снова встаем на четвереньки и направляемся к другой щели, побольше и поудобней... это Бебер ее нашел,

⁵⁰ Осмотр достопримечательностей (англ.).

широченную... а я ее даже не заметил... так!.. вот мы и у себя! все в гипсе, песке и пепле... надо бы помыться!.. я кричу:

– Иван! Иван!

Я не знаю, как его зовут, но на Ивана он не должен обижаться... может быть, у него есть щетка? нам бы и скребок не помешал, чтобы соскребать с себя весь этот гипс... и всевозможную грязь...

– Иван! Иван!

Никто не отвечает... можно ложиться... Ля Вига почти сразу же начинает храпеть... да я и сам уже почти заснул... Лили дремлет... Бебер пристроился между нами...

Ближе к ночи вдруг завывли сирены... сперва одна... потом целых сто!.. они-то и нарушили наш безмятежный сон...

– Ля Вига!.. Ля Вига!

– Не обращай внимания! русский же сказал, что они больше не бомбят! они просто над нами пролетают!

Иван в коридоре, я слышу его шаги... что он там еще затеял?

– Но послушай, не от ветра же здесь все порушилось?

Пытаюсь я возразить...

– Брось! брось, говорят тебе!.. они летят по своим делам! Ля Вигу не переубедишь...

А, вот и Иван! он заходит... с минеральной водой и еще тремя котелками картошки и свеклы! откуда он все это берет?..

– Иван, а нет у тебя немного мяса?.. не для нас!.. для кота?

– Да! да! да! Ich will!⁵¹

Да, этот Иван совсем не промах, как я погляжу... он за-
служил еще сто марок... ради Ивана я готов ими пожертво-
вать!

– Ля Вига!.. Ля Вига!.. к столу!

Он, зевая, вылезает из своей щели...

– Послушай, а в России все так живут? – хочу я знать...

– О! viel besser! гораздо лучше!

А в Сибири?

– Noch viel besser!.. еще лучше!

– Что ж, видимо, надо решаться!

– Решайтесь, не пожалеете!

Но это еще не все... Иван стоит и наблюдает... нравится
ли нам содержимое котелков?

– Merkwürdig! Иван! замечательно!

Насчет Сибири, по-моему, нам и вправду надо подумать!

– Нет, ты лучше скажи, как быть с легавым?

Размышляет вслух Ля Вига!

– Он, наверное, уж и думать о нас забыл!

– А как же фотографии?

Я решительно настаиваю на том, что они нужны! Иван
возвращается с маленьким кусочком мяса... насколько я мо-
гу судить... это мясо не пахнет... хотя какое-то блеклое...
не то чтобы я хотел показаться привередливым, к тому же,
принимая во внимание все обстоятельства... место... «ви-

⁵¹ Здесь: Я сейчас! (нем.)

дишь лишь то, на что смотришь, а смотришь на то, что уже запечатлено в уме»⁵²... Бебер принюхивается к этому ку-сочку блеклого мяса... и впивается в него, он и не думает отказываться... вопрос исчерпан... главное, он наелся!.. Ля Вига возвращается к своему матрасу и сразу же начинает храпеть... нам, я думаю, тоже пора... никаких разговоров... только вой сирен... они завывают уже целый час... даже два... трезвонят из-за пустяков... ни одной бомбы... как Иван и говорил... «сотрясение воздуха», не более!.. подремлем же, пока есть возможность... отдохнем!.. а я понаблюдаю за приближением зари... мне к подобным ночным бдениям не привыкать... интуиция мне подсказывала, что Иван где-то поблизости... должно быть, наблюдает за нами... через какую-нибудь щель или дыру...

– Komm, Иван! komm! заходи!

Пусть не стесняется!.. я хочу с ним немного поговорить... его хождение вокруг действует мне на нервы... а вот и он!..

– Иван! а где же другие постояльцы?

– All weg! все уехали!

Так, понятно, с номерами здесь проблем нет!

– А как насчет кофе?

У его жены, внизу, наверняка найдется... я даю ему еще сто марок... если так будет продолжаться, он разбогатеет...

⁵² Цитата из произведения французского философа и психолога Теодюля Рибо (1839–1916), которую Селин уже приводил в романе «Из замка в замок» (см.: Л.-Ф. Селин. «Из замка в замок». Стр. СПб, «Евразия», 1998).

Ивана это устраивает!.. он удаляется и вскоре появляется вновь, неся на подносе три чашки, кофейник, сухое молоко и гору черного хлеба... ломтей и краюшек...

– И сахару, Иван!

А сахар у него в кармане... пожалуйста... каждому по два больших куса!.. никто не внакладе!..

– Ну Иван!.. Kunstler⁵³!.. тебя голыми руками не возьмешь!.. ты заслужил, чтобы тебя отправили обратно на родину!.. в Сибирь!.. представляю, какие хоромы ты себе там отгрохаешь!.. nach Siberia!

– Ach! ach! ach!..

Хотим и веселимся!.. не плакать же мы сюда приехали!.. отель «Зенит» чертовски поднимает настроение! судите сами!.. мы проглотили и его фальшивый кофе, и его черный хлеб, а хлеб, доложу я вам, был еще тот, наполовину из опилок... и его сахар... который даже и сахарином-то назвать нельзя!.. не говоря уже о том, что кофе был теплый!..

– Слышь, Фердина, иди посмотри!

Я пробираюсь к нему, подхожу к окну и поднимаю занавеску... Шинкельштрассе уже пробудилась... повсюду взад-вперед снуют люди... я вижу, что почти все они из бригад сборщиков-сортировщиков камней, обломков и черепицы... а как шустрят!.. мужчины, женщины и старики разбились на группы... и копошатся, собирая все новые и новые кучи... одну за другой... скоро на тротуарах совсем не останется ме-

⁵³ Артист! (нем.).

ста, а кучи все прибавляются, становятся все выше и шире, настоящие пирамиды... я вам уже говорил, что кругом остались одни фасады, которые колышутся, шатаются, трясутся и гнутся под ветром... ну а те, кто вынуждены вкалывать на сборке, вылезая из своих дыр на рассвете... дневные крысы... не то чтобы они особо спешили или лезли вон из кожи, но действуют дисциплинированно... уж больно слабые искореженные ревматизмом руки у этих истощенных дряхлых существ... интересно, что они жрут? и кто это?.. русские?.. прибалты? местные клошары?.. все в брюках... ну почти... я вглядываюсь... те, что в юбках, тоже больше напоминают мужчин... еще и курят, кажется... есть что курить?.. скоро тут от домов и вовсе ничего не останется... только пыль и кратеры... «Зенит» в ближайшем будущем тоже скроется под грудой обломков... со стороны входа они уже закрывают два этажа... бригады дряхлых могильщиков трудятся во имя будущего! а Гамлет, тот был всего лишь малолетним JЗ⁵⁴... ему следовало бы отбросить диалектику, атаковать Замок и стереть его с лица земли... это пошло бы ему на пользу! отвлекло бы от копания в себе! я наблюдал за действиями этих стариков, почти призраков, можно сказать, за тем, как они, не спеша, но очень методично собирают черепицу, тщательно осматривая все вокруг... в том числе и кучи на противоположной стороне, возле «Зенита», где сложены наши об-

⁵⁴ В период последних месяцев войны и сразу же после войны аббревиатурой JЗ обозначали подростков от 13 до 21 года.

ломки... ничего не скажешь, сознательные люди... все «тютелька в тютельку»... если бы вдруг все пошло прахом, вся планета превратилась в хаотичное скопление нейтронов, эти бригады и микроэлементы разложили бы по кучкам: три-четыре – на каждую столицу, я думаю... пяток – на Бруклин-Манхэттен... о, не обращайтесь внимания!.. это я так, кстати! мы же вроде были на Шинкель-штрассе... от Парижа останутся две кучки!.. но нас это уже не касается! я опять с вами!.. мы смотрим на улицу... на людей, что разбирают завалы... и не только кирпичей... рушится буквально все... дымоходы... водосточные трубы, ванны... но у меня не выходят из головы наши фотоматоны!

– Ты запомнил, где они?

– Да!.. конечно...

Отлично!.. рядом с «Тюрингером»... откуда нас выкинули!.. оп! встаем! пусть полиция от нас отвяжется! бегом за нашими изображениями! хотя бы даже искаженными до неузнаваемости! я зову Ивана! он тут как тут!.. я прошу, чтобы он ничего не трогал, а мы пока сходим в «Полицию»... вернемся через пять минут!.. мы ведь не собираемся глазеть на витрины!.. уже на улице я замечаю, что без палки мне не обойтись, приходится останавливаться через каждые три шага... я совсем как эти дома... так же качаюсь... мы опять идем по улицам... и, кажется, тем же самым... тут тоже полно стариков... которые что-то собирают, складывают... курят невесть что... и тоже одеты в тряпье, обмотки и жал-

кое подобие юбок и брюк... не хуже, чем в Шанхае, об ужасных условиях которого теперь все твердят... а вот и наш фотоматон!.. нам не пришлось его долго искать!.. о, да тут полно народу!.. однако у меня двойное право на обслуживание вне очереди!.. инвалид войны и врач... вот моя нарукавная повязка!.. «Силы самообороны Безона»... я натягиваю ее на руку... и не глядя на окружающих, прохожу внутрь хибары вместе с Лили, Ля Вигой и Бебером... вокруг слышится ропот!.. я демонстрирую свой «красный крест»... чтобы все видели... и еще громким голосом объявляю... «Министерство иностранных дел!..» можно было бы и покруче загнуть!.. что это сам Вельзевул со свитой... главное – добраться до барышни, чтобы нас не вышвырнули вон, так как мы не вовремя... барышня, не вдаваясь в детали, сразу же всех нас рассаживает... каждый – перед большим стеклянным глазом... Ля Вига настаивает, чтобы ему дали сосредоточиться... секунду... он должен немного привести себя в порядок... внимание!.. *так! так! так!*.. готово!.. мастер не желает ничего слышать!.. она показывает нам на толпу людей снаружи!.. наши три табурета тут же занимают другие!.. а мы выставлены вон!.. в такую же комнатуху, дожидаться результатов... две минуты! ух!.. мне не по себе... наши хари вылезают наружу!.. теперь у нас достаточно времени... можно на себя полюбоваться... и мы любимся... Лили, я, Ля Вига и впрямь изменились!.. легавый из *Polizei* был прав... собственная внешность меня никогда особенно не интересо-

вала, однако на сей раз действительно было на что посмотреть!.. глаза, точнее моргалы, навывали, почти как при базедовой болезни... а щеки, наоборот, ввалились!.. губы обвисли, как у утопленников... у всех троих!.. выглядели мы, и в самом деле, ужасно... три монстра... ничего не скажешь!.. но каким образом мы превратились в этих монстров?.. как и в случае с тростью, все произошло внезапно... но я ведь хромал еще в Баден-Бадене... наверное, и наши физиономии уже в «Бреннере» были как у потрепанных погрязших в пороках клоунов?.. чего же мы так испугались?.. однако видок у нас был еще тот!.. на Ля Вигу и вовсе нельзя было смотреть без смеха, а ведь это был шармер, которому не было равных ни в жизни, ни в кино, ни на сцене... все дамы были от него без ума! а в «Фотоматоне» он получился таким же нелепым, как и мы... затравленный, испуганный... и Лили тоже, в жизни такая миловидная, с правильными чертами лица, сама невинность, тут вдруг превратилась в злобную разбойницу... волосы дыбом, как на шабаше, у ведьмы, собравшейся в мир иной, а ведь ей нельзя было дать и двадцати...

– Что-то у нас в Германии не заладилось...

– Так и спятить недолго!..

– Легавый опять скажет, что это не мы!..

Можно не сомневаться!.. проблем не оберешься... лучше туда не соваться!.. будь что будет!..

– Возвращаемся в отель!

Долго мы еще собираемся болтаться по улицам?... лучше бы этого не делать!.. я еще не привык к своему новому положению, к тому, что, оставаясь самим собой, я одновременно стал совершенно неузнаваемым... позже я к этому приспособился, очень хорошо приспособился, у меня появился двойник, что-то вроде мертвеца, сгорбившегося под тяжестью жизни, мертвеца с костылями... убийца, который вас прикончит, всего лишь опять отправит вас на кладбище, где вы должны быть уже давным-давно... лично я еще в 14-м... даже не в 44-м!.. нет, на выборы меня не затащат, потому что я и так знаю, что меня ждет... только кладбищенским зрителям по-настоящему известно, кто есть кто... только они способны оценить все оттенки, цвета, прошлое... но как? не стоит ломать себе голову... вы попались!.. в могилу! однако шутки шутками, а нам надо было что-то решать с нашими фотографиями... полиция ни за что их не примет!.. они никуда не годились... поэтому я и предложил... когда мы снова оказались в «Зените»:

– Давайте проверим на Иване!..

Мы ведь ничем не рискуем... я его зову... он за стеной... я протягиваю ему наши фотографии... он берет их, переводит, и так, и сяк... головами вниз, но ничего не понимает... мы превратились в картины Пикассо... в общем, мы основательно вляпались... вот если бы дело касалось суда или тюрьмы, тогда бы нас сразу узнали... или же кто-то решил бы обнести нашу квартиру... в таких случаях никто по-

чему-то не ошибается... однако в Берлине все только началось, тогда я еще и представить себе не мог, что ожидает людей, оказавшихся вне закона... кто сильнее, тот и прав!.. я заказываю еще три котелка и что-нибудь для Бебера... с такими фотографиями, как у нас, лучше не скупиться... я достаю еще две банкноты по сто марок... вот!.. мне не известны политические симпатии Ивана... главное, чтобы он усвоил: я желаю ему добра... вне всяких сомнений, в уцелевшей части «Отеля Zenit» больше нет никого, кроме нас троих... обитаемы лишь наши две комнаты!.. тем не менее, тут есть даже телефон... периодически до меня доносится его дребезжание... причем довольно часто... интересно, где находится этот аппарат?.. во дворе или на первом этаже? а может быть, в глубине одного из кратеров? но кто же сюда звонит?.. Ле Виган тоже не может этого понять... однако мы решаем не задавать лишних вопросов!.. лучше еще разок оглядеться по сторонам!.. путь к Ля Виге теперь уже окончательно проторен... всего несколько кирпичей... мы опять глядим на улицу, на снующих по этой Schinkel стариков, на то, как они все вокруг разгребают, раздрючивают, раскладывают по кучкам... если бы война затянулась до десяти лет, здесь бы возникла новая улица из черепицы и кирпича... а вот опять и Иван с красным борщом со сметаной и маленьким кусочком блеклого мяса для Бебера... Лили показывает мне на что-то... в доме напротив, один из этажей которого оказался как бы подвешенным между колоннами здания... совсем как

гамак... этажей над и под ним больше не существовало... сдуло!.. ко всему прочему, это был не обычный этаж... а витрина цветочника... подвешенный цветочный магазин... розы, гортензии, ломоносы... все это болталось между колоннами в виде гамака... от дома больше ничего не осталось, кроме этой воздушной антресоли... и большой лестницы... единственный обитаемый этаж, я думаю, на всей Шинкельштрассе... о, не считая, конечно, наших облепленных гипсовыми плитками комнатухек в «Отеле Зенит»... Я обращаюсь к нему:

– Послушай, Иван!..

Я показываю ему на другую сторону улицы... что это за магазин в виде гамака?

– Da? da? blumen? geschäft?.. цветочник?

– Nein!.. nein! doktor Pretorius!

Что еще за Преториус!.. а может быть, на этих антресолях торгуют свадебными или похоронными принадлежностями, такое тоже вполне возможно... букеты и венки? нам их не видно... но наверняка так и есть... условия уж больно подходящие... мы тоже купим себе побольше цветов... украсим ими наш уголок!.. в горшках!.. благоустроим домашний очаг!.. герани... Лили предпочитала ломоносы... у каждого из нас были свои предпочтения... интерьеры, цветы... а для Бебера – трава... у Преториуса наверняка все это есть! ах уж этот Преториус!.. но сперва надо было покончить с котелками!.. тут тоже было не все понятно... красный борщ со

сметаной?.. откуда он мог взять эту сметану, наш бородатый Иван?.. на вид такой неотесанный, а свои дела устраивает неплохо!.. даже красный борщ?.. скажите на милость!.. ну а теперь, когда мы покончили с котелками, почему бы нам не сбегать туда, напротив? чем мы, собственно, рискуем? во-первых, посмотрим, кто такой этот Преториус... не выдумка ли? заодно купим себе парочку гераней... доктор Преториус... да существует ли он?.. у дома напротив полно людей, занимающихся расчисткой тротуара... сможем ли мы вообще подняться к этому фанфарону? ладно, там видно будет!.. пошли!.. мы спускаемся и пересекаем улицу... пробираемся между двумя рядами кирпичей... уточняем, где лестница... там!.. я замечаю веревочную лестницу, поднимающуюся до четвертого этажа... а уже оттуда спускающуюся на антресоли! что за бардак!.. для человека с тростями под мышкой задача не из легких... должно быть, этому парню там наверху нравится наблюдать, как его клиенты ломают себе шею... а такое наверняка уже случилось!.. о, мы уже у цели... «Доктор Преториус»... это и вправду его имя... оно выгравировано на меди... на табличке, висящей на металлической проволоке... тут в Германии каждый «doktor»... доктор цветочник?.. а вот и он сам!.. он заметил, как мы подошли... и сразу же обращается к нам по-французски...

– С кем имею честь?

– Моя жена!.. Г-н Кокийо⁵⁵! и ваш покорный слуга!

⁵⁵ Робер Кокийо – настоящее имя Ле Вигана.

– Больше я ничего не говорю... хватит и этого... на вид он человек вполне приличный, воспитанный, в меру упитанный... лет пятидесяти... в очках...

– Пожалуйста, сюда!

Он идет впереди нас... слегка прихрамывая...

– Прошу меня извинить... я случайно слышал ваши слова... в этом пустом здании прекрасная акустика!.. но я вовсе не цветочник!.. мне очень жаль!.. очень жаль, мадам! а насчет доктора, это правда... я доктор права... и адвокат...

– О, простите нас, мэтр!.. мы ошиблись!.. Иван, что живет напротив, ничего нам толком не объяснил!..

Тот, кого вы называете Иваном, ничего не понимает!.. его зовут Петров... он глуп, как и все русские... тупица, пьяница и лжец... как все эти люди с Востока... а здесь, не так ли, наше хорошее с ними обращение только сбивает их с толку... они перестают что-либо понимать, видеть и слышать, забывают, как их зовут!.. там им каждый день устраивают порку... а как только их перестают бить, они впадают в горячку!.. что касается Петрова, которого вы зовете Иваном... то он считает, что я цветочник!.. конечно, у меня есть цветы... но только для украшения моего жилья, а не для торговли!.. он часто приходит ко мне... продает мне свою сметану... я уже сто раз ему повторял: «Я адвокат, Петров»... но, видимо, нужно бить его до крови, чтобы он это запомнил!.. привычка!

– О, конечно, дорогой мэтр, вы правы!.. абсолютно правы!

– Я очень люблю цветы, и в Бреслау у меня был целый сад тропических цветов... в двух теплицах...

– О, вы жили в Бреслау?

– Да, мсье, и думаю, у меня есть все основания утверждать, что моя контора была самой известной и уважаемой не только в Верхней Силезии... но и в Вене!.. как в сфере уголовного, так и гражданского права!..

– И судя по всему, вы часто и подолгу бывали во Франции, дорогой мэтр?

– О да!.. я даже защищал в Тулузе диссертацию о Кюжасе⁵⁶ на французском языке...

– Но дорогой мэтр, это же сразу видно! стоит вам только открыть рот!

– Значит, вы находите, что я неплохо говорю по-французски?

– Неплохо?.. неплохо?.. да лучше просто невозможно, дорогой мэтр!.. так уже нынче языком не владеет никто... разве что несколько великих писателей... Дюамель, Делли⁵⁷, Мориак... а кто еще?..

– Ах, неужели? вы так думаете?.. я чрезвычайно польщен!.. но садитесь! присаживайтесь, прошу вас! сюда, ма-

⁵⁶ Жак Кюжас (1522–1590) – французский юрисконсульт, который первым начал изучать и комментировать римское право. Родился в Тулузе.

⁵⁷ Делли – псевдоним близнецов (брата и сестры) Фредерика (1875–1949) и Мари де Ля Розьер (1875–1947), авторов многочисленных популярных в тридцатые-сороковые годы душещипательных романов. Для Селина Делли – символ дурного вкуса.

дам!.. мне кажется, этот диван гораздо удобнее, чем кресла! конечно же, все это приобретено на толкучке!.. мое имущество так и осталось в Бреслау!.. все, до последней бумажки!.. ну а вы?.. осмелюсь предположить!.. вы тут в Берлине как туристы?.. и уже успели осмотреть город?..

– О, только мельком... очень поверхностно...

– В таком случае, раз уж вы остановились напротив, как-нибудь захватите меня с собой, и я с огромным удовольствием покажу вам самые живописные места... этот город полон тайн, как и ваш Лион... он имеет сильно подмоченную, и я бы даже сказал, дурную репутацию... крайне мрачного города!.. города педерастов и чудовищ!.. вы конечно же, тоже слышали нечто подобное?..

– О, это из зависти, мэтр! обычная болтовня!

– Но вы увидите!.. вы сами все увидите!.. а пока, прошу вас, будьте как дома! располагайтесь же! располагайтесь! и эти цветы!.. берите, сколько хотите, для своей комнаты! «Зенит» не самое уютное место!.. я знаю!.. комнаты в плачевном состоянии!.. этот отель сильно пострадал во время последних бомбардировок... впрочем, как и вся улица!.. на этой улице остались одни фасады... мест, пригодных для жилья, почти нет... люди живут даже в воронках... говорят... ну, а я, как вы можете видеть, восстановил все сам... из того, что попало под руку!.. переоборудовал эти антресоли! потолок и перегородки из других зданий... напротив... по соседству... мебель тоже из разрушенных кварталов... особен-

но из Alt Koln⁵⁸... друзья, чем могли, помогли... в этом доме все жильцы погибли... в собственных квартирах... все тела опознаны... все по закону... восстановленное и занятое мной жилище, в котором я, как гражданин, проживаю, регулярно платя налоги, переходит в мою собственность... так гласит закон 1700 года, его еще никто не отменял!..

Он оживляется!.. видать, сел на своего конька!.. пенсне так и прыгает на носу... о, пусть только попробуют подвергнуть сомнению!.. его право! право обычного гражданина!.. хотя он и не цветочник!.. как вбил себе в голову этот Петров, эта грязная скотина, животное, нуждающееся в плетке, эта завистливая славянская свинья!

– Я жду, пока все образуется!.. чтобы вернуться в Бреслау? нет!.. я ведь уже здесь прописался!.. тут я и открою свой офис!

– Конечно! конечно, мэтр!

– А как вы видите, мы находимся в самом центре!.. в двух шагах от Канцелярии!

Он с размаху ударяет себя по лбу...

– Как? как? вы не знали?

Он даже встает от изумления!.. смотрит на часы... Канцлер... Канцелярия тут, совсем близко!.. уже почти четыре часа! в двух шагах!.. нам это интересно?..

– О конечно!.. еще бы!.. мы были бы просто счастливы! какая удача!

⁵⁸ Старый Кельн (нем.).

Бебера в сумочку, и в путь!.. недалеко, он не соврал... минута ходьбы...

Но неужели это и есть их Канцелярия?.. огромный прямоугольник из камней, напоминающих гранит... напоминающих гранит, но еще более суровых и мрачных... вполне под стать тому, что здесь происходит!.. в сравнении с этим Пантеон и Инвалиды кажутся игрушечными... к тому же, еще и расположено все это на крошечной площади, более пригодной для какой-нибудь унылой супрефектуры... а двери у этой Канцелярии просто колоссальные... бронированные, сразу видно... и это еще не все! а как же Адольф?.. мы же пришли ради него!.. он что, там внутри? заперт?.. он должен выйти?.. я спрашиваю Ля Вигу... но он не в курсе... черт!.. тогда я обращаюсь к небезызвестному вам Преториусу... «тсс!.. тсс!» отвечает он мне... «вот они! вы слышите фанфары?..» лично я абсолютно ничего не слышу!.. кроме нас на этой маленькой площади никого нет!.. нас троих, точнее, четверых, Лили, меня, Ля Виги и его... больше ни души!.. мы стоим и ждем... эта «Правительственная площадь» и впрямь совершенно безлюдна... ни часовых, ни вояк, ни шуппо... мне становится немного не по себе... зачем он нас сюда притащил?.. ну, посмотрим на его Канцелярию... все ясно!..

– Ладно!.. возвращаемся!

– Тсс!.. тсс!

Он во что-то вслушивается!.. и поворачивается ко мне:

– Вот они!..

Однако я ничего не вижу... и ничего не слышу...

– Может, ты видишь что-нибудь?

Спрашиваю я у Лили... потом у Ля Виги... нет!.. тоже – ничего!.. этот тип начинает меня беспокоить... поначалу я немного сомневался... но теперь все встало на свои места!.. никто ничего не видит и не слышит... а он, наоборот, все больше и больше расходится!.. кричит!.. вопит!.. встает на цыпочки!.. *heil!.. heil!..* выделяется он рядом с нами... с фетровой шляпой в руке!.. *heil!.. heil!..* вне себя от восторга!.. но что он видит?.. ведь кругом ничего нет... ничего... это я определенно могу сказать: ничего!.. он что, смеется над нами? а может, прикидывается?.. площадь абсолютно пуста... даже магазины вокруг закрыты... а он видит Гитлера!

– Посмотрите, он входит!.. двери открываются!.. бесподобно! бесподобно! *heil!*

Он еще трижды выкрикивает *heil...* кажется, он не прочь, чтобы и мы к нему присоединились?.. наконец он опять надевает свою шляпу... все...

– Возвращаемся!

Я ни о чем его не спрашиваю... мы все молчим... идем... и слушаем его... а он говорит без умолку... Гитлер выглядел прекрасно... толпа была просто счастлива!.. мы ему не возражаем, он абсолютно прав... так продолжается до его дома на Schinkelstrasse... колонны, развалины... цирковые трюки... по лесенкам – до площадки «четвертого этажа», а

оттуда – по длинной лестнице до его гамака-антресолей... смертельный номер! а уж мне с моими головокружениями... наконец мы на месте... и откуда у него столько мебели?.. он начинает мне это объяснять, причем здраво, как вполне разумный и рассудительный человек... просто тут, в Берлине и окрестностях, у него есть кое-какие связи... он скупает мебель беженцев, тех, кого разбомбили, кто умер... о, но не все без разбору!.. а только самое лучшее! я и сам вижу, что это правда, он не врет... мебель хорошая!.. комоды, столы, кресла, вполне приличные! я не могу сдержать своего любопытства...

– И что, это все легально?

– Абсолютно!.. параграф 4! все того же закона от 1700 года!.. реконструкция! я все реконструирую!.. я тут живу!.. я плачу налоги!.. все правильно!.. все законно!

Да он не промах!..

– Потсдамское постановление от 13 декабря 1700 года...

Ну что тут скажешь!..

Я слушал его, а сам думал, что с нами на улице Жирардон поступили точно так же, причем тоже, видимо, на вполне законном основании... в соответствии с каким-нибудь замечательным Постановлением! и нам уже никогда ничего не вернуть!.. куда ни ткнись, и у бошей, и ваших сограждан все давно схвачено! всегда найдутся те, кто погреет руки на вашем несчастье!.. в какой они будут форме, под каким флагом – неважно... воры и убийцы есть везде! за Рейном, на Кавка-

зе, в Турени, в Арабиджане, в Коннектикуте, не обольщайтесь, повсюду обитают все те же представители подвида обезьяноподобных!.. и в Нижнем Провансе, и в Верхней Силезии можно встретить таких псевдоманьяков-потрошителей, досконально, от корки до корки изучивших Кодекс!.. они-то и заберут у вас все!.. вас схватили? двух мнений быть не может: повесить!.. за статьей дело не станет!.. 75... 113... 117... на ближайшей виселице!.. где угодно!.. готовьте веревки! *ку-ик!* но этот тип, мне кажется, сильно рисковал... не сегодня-завтра все это грозило обрушиться ему на башку, все эти редкие безделушки, экзотические растения, подвесные витрины, когда его достанут!.. как только RAF опять вплотную займутся Берлином!.. мы ведь, вне всякого сомнения, попали сюда в момент небольшой передышки!.. на какие статьи и параграфы будет он тогда ссылаться? может быть, времен Фридриха? и куда он тогда отправится вместе со своим воображаемым Гитлером?

Вот вам и антресоли!.. вот вам и Канцелярия!.. однако следует признать, что на время этой передышки он устроился лучше, чем мы... в его болтающейся, как разукрашенный цветами гамак, каморке было куда веселее... ну а эти его видения?.. все возможно!.. нервы, последствия бомбардировок?.. я интересуюсь у него:

– Вы, вероятно, все потеряли, дорогой мэтр? вас ведь бомбили?.. там, в Бреслау?..

Я этот Бреслау немного знаю, жуткое место, общая атмо-

сфера еще более гнетущая и леденящая душу, чем повсюду в Пруссии...

— Да, все!.. абсолютно все! страшные материальные потери!.. ach!.. ach!..

Он машет рукой, мол, все это его мало волнует! совсем не волнует!.. но!.. но!..

— Но моя жена, моя дорогая Анна!.. и мой младшенький Хорст, шести лет... вот они!

Безусловно, это печально... однако это не все:

— Еще два сына!.. в России... уже шестнадцать месяцев никаких известий... и от моего брата и племянника во Франции!.. тоже никаких известий!

Мы опять дружно вздыхаем!.. ах!.. вот так... все сгинули, пропали без вести, а он тут отделяет себе интерьер в адвокатской конторе... позже на авеню Жюно я испытал нечто подобное на собственной шкуре, когда вот такие же добропорядочные обыватели сначала обобрали нас до нитки, а затем спокойненько к нам вселились... сама чистка ведь длится совсем недолго, просто нужно вспороть вам брюхо и хорошенько вас выпотрошить... секундное дело! вы возвращаетесь, а все уже кончено!.. ваш наследник читает газетку и курит трубку, а его мадам в трещащем по швам бюстгальтере шьет, портит воздух и рассуждает... где же им провести?.. свой отпуск? отпуск? внучка бренчит на расстроенном пианино... вам тут больше нечего делать!.. вас тут не ждут, можете спокойно подышать!.. в общем, Преториус не отчаи-

вался... обосновавшись в своем гамаке, среди мебели, которая, как бы там ни было, теперь стала его собственностью, он продолжал строить планы на будущее... если платишь налоги... можно ничего не опасаться!.. а между тем, его благополучие было весьма непрочным, все его барахло в любой момент могли выбросить на мостовую... достаточно было маленькой бомбочки! и привет!.. я прекрасно представлял его себе с кучей барахла, в качестве владельца настоящей лавки старьевщика где-нибудь на улице Прованс или в Пале-Рояле... а чего только у него не было, как я успел заметить: и чучела птиц, и коллекции насекомых... и самые разнообразные ткани с орнаментами... он потерял свою жену Анну, сына Хорста, и, очевидно, еще многих близких, включая брата, но это вовсе не мешало ему думать, что его несчастья когда-нибудь закончатся и к нему опять вернется его обывательское благополучие, ведь если платить налоги, то о будущем можно не беспокоиться, особенно когда располагаешься в нескольких шагах от Канцелярии... так что ему оставалось только ждать... я тоже так считал!.. я был полностью с ним согласен... Ля Вига и Лили тоже восторгались его вкусом, его необыкновенными безделушками, великолепными цветами и блестящим французским...

– Вы действительно так думаете?

– О-ля-ля!

А то ли еще будет...

Я даже привстал, чтобы лучше видеть... лучше все рас-

смотреть... одна вещичка... другая... это ж надо! надо!.. но не может быть!.. я не верил своим глазам... тот самый веер?.. я его узнаю... это он!.. я с трудом сдерживаюсь, чтобы не выдать своих чувств... это же из Баден-Бадена... веер мадам фон Зект... точно он, его ни с чем не спутаешь... однако им я скажу об этом в отеле... в подобных обстоятельствах лучше держать язык за зубами... уж я-то это знаю, можете мне поверить! поэтому я поворачиваюсь к нему и начинаю еще сильнее рассыпаться в похвалах его цветам, его мексиканским вазам... доброй воле, которую он проявляет, заботясь обо всех окрестных развалинах... да о том же «Зените» напротив!.. три марки – за тонну обломков, десять марок – за квадратный метр террасы!.. какая щедрость! однако о веере я помалкивал! он еще раз зачитал нам все положения, подтверждающие его права... а Лили отобрала для себя с десятков цветов! тех, что ей больше всего приглянулись!.. теперь, чтобы вернуться к себе, нам сначала нужно будет спуститься по лестнице на тротуар... а уже туда он спустит нам на веревке корзину!.. ведь нам так будет удобнее? мы делаем все, как он сказал!..

– Завтра, в то же время? мы же теперь друзья... мы поедем в Шарлоттенбург! вам это интересно?

– О конечно, мэтр, безусловно!

Вот мы и на тротуаре! наконец-то!.. а вот и корзина спускается... быстрее! быстрее! мы ему чрезвычайно признательны! счастливо! счастливо!

– Спасибо, мэтр!.. спасибо!

Быстро на противоположную сторону!.. к себе! мы пробираемся через обломки... главное, чтобы старики нас не замуровали!.. они на нас даже не смотрят... скорее на нашу лестницу!.. она еще существует!.. и наши комнатухи тоже...

– А теперь послушайте меня, вы оба!.. вы ничего не заметили?

Шепчу я им...

– Нет!.. только его цветы!

– А Гитлера вы не видели?

– Нет!

– И кто, по-вашему, этот Преториус?

Ля Вига понимает меня с полуслова...

– Фердина, да это же легавый!

– А чего ему от нас нужно?

– Чтобы мы сболтнули что-нибудь не то!

– Значит, он облажался! но он наверняка попробует еще раз! а кое-чего вы все-таки не заметили... там у него!.. висит на занавеске в глубине комнаты!

– И что это?

– Значит, вы ничего не видели!

– Однако, может быть, у меня глюки! Лили, куда ты положила веер мадам фон Зект?

– Ну, у нас все в одном чемодане, так что проверить несложно... Лили вытряхивает все на кровать, ищет... ничего!.. веера нет!..

– Так вы ничего не заметили!.. он там, напротив, у Преториуса!..

– И что теперь?

– А теперь нам надо сваливать отсюда, и побыстрее!

– Но Преториус ведь сюда не приходил!

– А Иван?

– Они что, в сговоре? ты так думаешь?

– Болван, я же тебе сказал, если мы не слиняем отсюда! и немедленно! нам конец!.. черт с ней, с пропажей!.. подумай лучше, во что мы можем вляпаться!..

– До него всегда плохо доходит, когда речь идет о практических вещах, до Лили тоже... к счастью, все решаю я!

– Если мы тут останемся, нам кранты!..

– И куда теперь?

– Есть у меня один адресок!

Не думал я, что мне придется воспользоваться этим адресом! но теперь было не до церемоний!.. будь, что будет! в полицию в «отдел виз» с фотографиями, на которых были наши «антиподы», лучше не соваться!.. помочь нам мог только один человек: Харрас... знакомство и впрямь компрометирующее! супер-СС! ну и пусть! aleajasta⁵⁹! Цезарь совершил свой переход не просто так, с бухты-барахты, так и мы, решив обратиться к Харрасу, знали, на что идем! не какой-нибудь там нацистик... четвертинка на половинку... а профессор Харрас, глава Ордена Врачей Рейха... после это-

⁵⁹ жребий брошен (*лат.*).

го уж точно не отмоешься, хотя роковую черту мы переступили еще тогда, когда покинули нашу родину... всегда труден только первый шаг!.. и в подделывании чеков, и во взламывании копилочек, и в кражах с витрин, и в предательствах, во всем!.. один шаг!.. и вы катитесь вниз по наклонной плоскости!.. все быстрее... и стремительней... уже ничто не может вас остановить!.. Лили и Ля Вига меня прекрасно понимали...

– О да! ты совершенно прав!..

Они со мной согласны... однако наши передраги начались не вчера!.. они преследуют нас еще с Монмартра!.. Ля Вига перед отъездом соорудил у себя на кухне что-то вроде баррикады, из кроватей, столов, стульев и стиральной машины... но в конце концов они его все равно сцапали!.. так было и с Бонно, и с Лиабефом, и с фортом Шаброль⁶⁰... стоит мне за-

⁶⁰ Селин ссылается здесь на три различных случая, когда парижской полиции приходилось брать штурмом дома, где скрывались преступники. Взятие виллы в Шуази-ле-Руа, на которой заперся известный бандит Бонно, происходило 28 апреля 1912 года. Осада «форта Шаброль», точнее, здания на улице Шаброль в Париже, в котором забаррикадировался Жюль Герэн, главарь антимасонского и антисемитского общества «Великий Запад Франции», продолжалась с 13 августа по 20 сентября 1899 года. Герэн был арестован и приговорен к десяти годам заключения, вскоре замененных на каторжные работы. 8 января 1910 года Лиабеф напал на группу агентов полиции, убил одного, а второго серьезно ранил. Он только что вышел из тюрьмы Френ, куда, по его уверению, попал по ошибке, якобы за сутенерство. Своим нападением он хотел отомстить за это ложное обвинение. Его процесс, состоявшийся в мае 1910 года в Париже, имел большой общественный резонанс. Социалисты даже организовали митинг в его поддержку, а в день его казни (1 июля 1910 года) – демонстрацию перед тюрьмой Санте.

икнуться про форт Шаброль, как меня охватывают воспоминания, будучи ребенком, я сам, собственными глазами видел и эту осаду... и капитуляцию... позже про этого Герэна всякое писали, уж больно подозрительный был тип... но сотрудничал он с легавыми или нет, а в Аблоне на набережной возле Шлюза понтонеры Первого инженерного полка у меня на глазах грузили его на судно, после того, как он благополучно скончался... было это во время большого наводнения 1910 года... а у меня эта картина так и стоит перед глазами, ведь впечатления детства всегда бывают самыми яркими...

Ля Вига решил не прятаться за своей баррикадой из матрасов, потому что они могли поджечь все здание... его консьержка, добрейшая женщина, умоляла его:

– Уезжайте, мсье Ле Виган! вы же знаете, что все вас любят!... вы еще вернетесь!..

Я тоже подумывал о том, чтобы все там взорвать, на улице Жирардон... вряд ли я мог рассчитывать на почести, вроде тех, что был удостоен этот продажный анархист Герэн... я бы прямоком попал на виллу Саид... или в зубоврачебный институт⁶¹... Кусто⁶² бы меня туда и отправил... вместе со

⁶¹ Вилла Саид находилась в 16-м округе, во время войны там располагалась парижская резиденция коллаборационистского правительства Пьера Лавалья, а потом она была преобразована в тюрьму. Зубоврачебный институт на проспекте Шуази был также местом заключения подозрительных лиц.

⁶² Поль-Антуан Кусто (1906–1958) – журналист, редактор коллаборационистской газеты «Же сюи парту», главным редактором которой он стал в 1943 году, после ухода с этого поста Робера Бразильяка. Весной 1945 года Кусто был аре-

своей «Же сюи парту»... ваши враги могут не напрягаться, ваши соратники сами с вами разберутся!.. я, Лили и Ля Вига запросто могли оказаться на колах... под свист и улюлюканье наших друзей!

Ладно, все это, конечно, очень интересно, но нам нужно сматываться, и немедленно! причем сортировщики, которые собираются на ужин возле номера 26... и дальше... не должны видеть, как мы отваливаем... поэтому – незаметно в *Untergrundbahn*⁶³... я давно уже заприметил станцию в конце нашей улицы... уточнять мы ни у кого ничего не будем, уж лучше заблудиться, чем быть узванным... у меня был план их *Untergrundbahn*... я купил его в Париже, в 39-м году, я тогда еще подумал: а вдруг пригодится!.. бывают же предчувствия... правда, совсем неопределенные, неясные!.. такого я себе и представить не мог! в самом страшном сне! куда там!.. единственное, о чем я заранее позаботился: план их метро... это все, что я смог предвидеть... жалкий прорицатель! я обращаюсь к Ля Виге:

– Теперь запомни, это в *Grunwald*!

– Что в *Grunwald*?

стован, осужден и в ноябре 1946 года приговорен к смерти, однако через год был помилован. Умер от рака 17 декабря 1958 года. В то время, когда Селин писал свои романы, Кусто уже стал членом редколлегии газеты «Ривароль», со страниц которой яростно нападал на Селина, обвиняя его в продажности и предательстве. Именно поэтому в своей трилогии Селин часто объединяет Кусто с Сартром, так как последний также обвинял Селина в продажности.

⁶³ Подземка (нем.).

– Болван! ну Харрас! наш покровитель Харрас! его так зовут!

После этих моих слов он надолго задумался, сидя на кровати и уставившись неподвижным взглядом куда-то вдаль... кажется, он снова вошел в роль... к которой частенько возвращался... «человек ниоткуда»...

– Да Харрас же! я тебе уже все объяснил!.. проснись... в Грюнвальде!.. на плане – семь остановок!.. Верховная Палата врачей Рейха!.. *Профессор Харрас!*.. мы едем туда!.. и имей в виду!.. он нацист!.. пардон... *ober! ober Alles!*.. но выбирать не приходится, малыш... так что отбрось сомнения!.. либо он, либо тюряга! ясно тебе?

– Да, малыш, пожалуй, ты прав...

Я вернул его на землю... он встрепенулся:

– Так где это, ты говоришь?

– Грюнвальд! почти что Булонский лес... смотри!.. семь!.. восемь остановок!

Я все ему показываю... и разъясняю...

– Мы садимся в конце Шинкельштрассе... нет! не там!.. мы сядем на *Unterdenlinden*... на следующей остановке!..

– Так!.. а Иван?

– Скажем, что мы сейчас вернемся! мол, идем в *Polizei* показать наш чемодан, так как нас попросили это сделать...

– Будь по-твоему!

– Лили, ты все поняла?

Ну за нее я был спокоен, она вообще мало с кем говорила,

кроме Бебера в сумке, и то при помощи понятного только им двоим языка... вот мы и на лестнице... затем на тротуаре... так никого и не встретили... Ивана нет!..

– Слушай, Ля Вига, а ты не посмотрел?

– Где?

– Да под кроватями!..

– Нет!.. там никого не было!.. и все-таки, прикинь! нас же могли подслушать!

– Ты прав!.. впредь будем осторожней!

Я спрашиваю в окошечке три билета до «Грюнвальда»... метро у них, как в Париже... переходы, лестницы... но есть и отличие... такой бессмысленной толчеи, как в Берлине, больше нигде не встретишь... понять вообще ничего невозможно... в каком направлении идти? в том? по этому переходу до конца? по другому?.. все спотыкаются!.. толкаются... *bitte! bitte!* простите!.. на всех языках!.. Лили тоже приходится извиняться... и Ля Виге... так есть ли смысл спрашивать у кого-нибудь из этих одержимых, как доехать до Грюнвальда?.. на какой это станции?.. где пересадка? с какого перрона?.. не лучше ли дожждаться поезда?.. там все должно быть написано!.. о, да тут табличка!.. и еще какая!.. с сотней станций, не меньше! красными неоновыми буквами!.. а под ней все та же алчущая и лепечущая толпа... нашел! нашел!.. не нашел!.. *bitte!* пардон! *versegoul! Teufel*⁶⁴! в самопальных холщовых тапочках на веревочных подошвах! да-

⁶⁴ Черт! (нем.)

мы, детишки, папики!... *bitte!* уверен, многие и вовсе не умеют читать, однако стараются не подать вида... просят, чтобы им прочитали: мол, они потеряли свои очки... потомки древних израильтян, полулатыши, полутриестцы, афрояпонцы... раньше они умели, а теперь совсем позабыли свой язык... интересно, какой?... вы только представьте себе, сколько раз со времен Сараева вокруг них все перевернулось, сколько сменилось президентов, вдоль каких рек и гор проходят теперь границы, тут поневоле разучишься читать!... каналы, переходы, нефть!... офигеть можно!... какие уж тут названия?... что тут вообще можно понять? только то, что все они окончательно заблудились!... и вынуждены дни и ночи проводить на скамейках по меньшей мере двадцати окрестных станций... что, впрочем, не так уж и плохо!... все лучше, чем на улице!... «*Kraft! donnerwetter! ach!* черт побери!» тут есть даже бродяги из Аньер⁶⁵, которые с трудом понимают язык фрицев, но зато извергают целые потоки ругательств на наречии приграничной Монголии и объясняются между собой на смеси скандинавского аргю и местной *lager*⁶⁶ фени... откуда они взялись?... с принудительных работ на всевозможных заводах!... те, что побриты наголо, из армии Власова... ну, конечно же, европейцы тут тоже есть!... иначе откуда бы взялись все эти *ach! bitte!* им тоже нужен какой-то перрон?... уж лучше бы сначала нашли свои шлепанцы!... может быть,

⁶⁵ Пригород Парижа.

⁶⁶ лагерной (нем.)

перрон № 5?.. или 6?.. а нам нужно в Grunwald! выдержка редко мне изменяет, однако... я же дал себе слово ни с кем не заговаривать... и тут я замечаю служащую в малиновой каскетке...

– Bitte! пардон!.. Grunwald!

– Hier! здесь!..

Не знаю, поняла ли она меня... надеюсь!.. и тут вдруг грохот!.. из туннеля! как от шквала камней!

– Не отставать!

Он останавливается!.. все, кто стоял рядом с нами возле большого панно, бросаются вперед... на штурм поезда!.. конец топтанию и нерешительности... толпа уплотняется... и сметает все... совсем как в Нью-Йорке, между пятью и шестью... нужно втиснуться!.. людей и вещей раз в двадцать больше предельно допустимого!.. однако при такой концентрации усилий сюда можно было бы запихнуть весь Берлин!.. вместе со всеми огромными тюками... Мэрией!.. и школами!.. на вагон так давят!.. что все вокруг сплющивается, слипается... оооох!.. двери автоматически закрываются!.. почище, чем у нас на Республик... или на Лиля⁶⁷... уж о том, что внутри, и говорить нечего!.. одно сплошное месиво! из людей, ног и голов!.. главное, не задохнуться, осторожно... *птим!*.. *динг!*... в такт колесам! выдыхаем на тинг! на птанг расслабиться!.. наш непоседа Бебер тоже намертво зажат в своей сумке пятьюстами пассажирами вагона...

⁶⁷ Станции парижского метро.

не протолкнуться!.. а на остановках, когда «двери открываются», давка усиливается еще... ах, это *Tiergarten!* я уточняю... да, это *Tiergarten*, конечная станция!.. раньше надо было спрашивать!.. мы выходим... с большим трудом... я опять обращаюсь к барышне в малиновом чепчике... колымага на *Grunwald* от другого перрона!.. наконец-то мы разобрались!.. как нам ехать! нужно было сделать две пересадки!.. я еще раз прошу ее все подробно объяснить... так просто я от нее не отстану, она ведь единственная служащая на всей платформе... а вокруг уже все ревут! и довольно злобно! надо же, какое словечко! «*fallschirm!*»... парашют!.. это в наш огород!.. я уже это слышал... все из-за наших «канадских» курток... ребятишки нас заприметили... их тут уже не меньше десяти... а то и двадцати!.. и все тычут в нас, парашютов, пальцами!.. деваху в малиновой каскетке это мало волнует... обычное дело... все ребятишки из *Hitlerjugend*, у них нарукавные повязки со свастиками: «Молодежь Гитлера»!.. сегодня это молодежь Аттилы, Петэна, Тьера, де Голля, а завтра уже Хрюхрющева, Рамзеса, да хоть самого Черта... просто раздайте им новые повязки! и они вылезут вон из кожи! добывая вам скальпы врагов!

«Молодежь Гитлера» поднаторела в охоте на парашютистов... вся Германия, впрочем, в то время была помешана на этих «*fallschirmjager*», парашютистах и диверсантах!.. газеты пестрели фотографиями юных героев, которых награждал сам Гитлер! железный крест с бриллиантами!.. Канцлер,

обнимающий мальчишек и девчонок... так что мы с нашими «канадками» здорово влипли! завтра все увидят, как какой-нибудь Звездевул обнимает ребятишек, которые отрезали нам головы... и пусть пока ни вы, ни ребятишки еще ничего не слышали про этого Звездевула, можете не сомневаться, верные сыны Империи уж родились и где-то дрожат в ожидании своего часа... в общем, сезон охоты на парашютистов был в самом разгаре... детишкам, помимо железного креста, полагалась еще и премия в 1 00 000 марок, не говоря уже о почетном звании «Зигфрида-ударника»... мы влипли, и как я мог заметить, находились в плотном кольце окружения... даже уже вышедшие на улицу снова возвращались назад, чтобы поглазеть на нас... пленников «Гитлерюгенда»!.. дело принимало серьезный оборот! толпа вокруг вопила все громче и громче... причем, там были не только боши, но и иностранцы тоже! смешались все языки! о, да тут есть и наши сторонники: «*da! da!*» – которые нам сочувствуют!.. *da! da!* они кидаются к нам с распростертыми объятиями!.. вне себя от восторга!.. *parachutt!* и эти туда же!.. мы свалились с неба, чтобы им помочь!.. это одна или две семьи... со звездами «*OST*»⁶⁸... *da! da!* их, как и Ивана, немецкие военные привезли сюда с Востока для занятий сельским хозяйством, разминирования дорог, приведения в порядок улиц, разборки завалов!.. в нас они видели своих освободителей! ведь на нас были «канадки»!.. этого достаточно! мы могли

⁶⁸ Ostarbeiter – восточный работник.

быть только американцами или же диверсантами!.. хотя на самом деле наши куртки были из Парижа, с улицы Монж, где жила портниха Лили, мадмуазель Брансьон... я им так и кричу: *von Paris! von Paris!* да пошел ты! они предпочитают считать нас канадцами!.. весь перрон! вся толпа с двух перронов... с трех станций! ах так! пусть тогда посмотрят на наши «канадки»!.. на этикетки на воротнике!.. ведь они не из Нью-Йорка!.. с улицы Монж!.. «мы сожгли урожай! взорвали пути!»... вот, пожалуйста!.. все без толку!.. одни вопят: урра!.. другие: смерть им!.. и я, глядя на то, в какое они пришли возбуждение, и дети, и взрослые, я начинаю отчетливо понимать, что нас вот-вот разорвут на части... о том, чтобы убежать или скрыться, и речи быть не может... прибывают все новые и новые орды!.. может быть, попробовать все объяснить полицейским?.. однако вокруг – ни одного *schuppo!* а может, девушка в малиновой каскетке уже отправилась за подмогой? как бы там ни было, но мы попали в серьезную переделку... давка почище, чем в вагоне... одни при виде «парашютт» воют от восторга... другие убеждены, что мы «монстры, поджигатели и диверсанты»... я уже лишился одного рукава!.. Ля Вига тоже!.. кажется, они решили начать с рукавов?.. я уже готовлюсь к тому, что нас сейчас совсем разденут... и прямо тут, на платформе, растерзают... и вдруг, Провидение!.. какой-то низенький мужичонка неожиданно узнает Ле Вигана...

– Не может быть! неужто это сам Ле Виган?

Это француз лет тридцати в кепчонке и с окурком в зубах...

– Ты что, тут работаешь?

– Да! да! конечно!.. принудработы... тут все на принудительных! они совсем обнаглели!.. но ничего, скоро их поставят на место!.. а ты уже прописался?

– Еще нет!.. но мы пропишемся!

– Все трое?

– Да, все трое!..

Ля Вига держится уверенно... тип в кепчонке пускается в пространные объяснения... перемежая свою речь смачными ругательствами...

– Послушай, меня зовут Пикпюс⁶⁹! это ничего, что я на «ты»?.. ну, они у меня еще попляшут! я тут у них уже на семи заводах вкалывал! на последнем делал краны!.. я же Пикпюс из Булони, ты понял?.. меня выгонят, а я снова нанимаюсь!.. сейчас вот еду в Магдебург на черепичную фабрику, там нужны люди! мы туда вчетвером, всей компашкой можем податься! где наша не пропадала! попросись туда!.. и он пусть попросится!.. и твоя жена тоже!.. я напишу тебе

⁶⁹ Пикпюс – название бывшей деревни, располагавшейся к востоку от Парижа, присоединенной к пригороду Сент-Антуан (1786), и название одного из кварталов Парижа (12-й округ). Кроме того, это название четырех католических организаций: кающиеся братья Назарета или Пикпюса, кающиеся монахи Третьего Ордена Пикпюса, Братья Святого Сердца Иисуса и Марии, и монахи того же ордена (основанного в 1601 г.). Именно в монастыре кающихся монахов Третьего Ордена Пикпюса, расположенного по соседству с площадью Трона, были похоронены 1305 человек, гильотинированных на этой площади во время Революции.

название этой фирмы... они не откажут, у них там некому работать!.. и пускай тогда их легавые попробуют меня найти! на них я вообще решил забить!.. в Ганновере меня звали Лакосс! ты не представляешь, как мне это обрыдло!.. скрываться!.. в Эрфурте я был Анатолем! теперь вот Пикплюс!.. ты запомнил?

Все кругом даже приутихли, стали к нам прислушиваться... а ему хоть бы что...

– Слышь, а может, тебе ксива нужна?.. так этого добра у меня навалом!.. глянь-ка сюда! с усами!.. без!..

И впрямь, неплохой выбор!.. настоящая коллекция! все карманы забиты!.. а еще в одном кармане... фотографии...

– Ну как, впечатляет?

Он замечает, что я по-настоящему поражен... теперь уже весь перрон на нас уставился...

– Плевал я на этих фрицев! хочешь жить, умей вертеться!..

– Да!.. да!.. а как же!

– Мы с ним согласны!

– Норвэн!.. Этьен! это мы!

Объявляет Ля Вига! да так громко! что ему вторит эхо! под всеми сводами! на обоих перронах! это наши боевые имена!.. пусть все их запомнят!.. во дает!.. мы по-прежнему в центре внимания!.. но больше никто не пытается оторвать у нас рукава, все слушают Ля Вигу, который орет громче, чем Пикплюс! авторитет все-таки!

– Само собой, я сменю погонялово! теперь я Норвэн Этъен⁷⁰!...

– Ага!.. понятно!.. корочки я тебе достану!.. у нас уже все отлажено! а фотки у тебя имеются?

Еще бы!.. «без тени сходства»! у каждого по дюжине!

Мы протягиваем ему три...

– Ну а вы тоже себя назовите!.. только как-нибудь иначе!

– Жан Лабаррак⁷¹!.. и Эмили!

Я не стал долго думать... сойдет...

– Превосходно!.. ОК!.. Магдебург! зачем записывать, когда можно запомнить?.. *Firma Yasma!* черепица! в общем, найдете!

– Ясное дело, найдем!

Но тут опять нас обступают немцы... еще одна шайка *Hitlerjugend!* эти волчата крайне озлоблены... и возбуждены! и их не меньше сотни!..

– Да что вы с ними цацкаетесь, дурачье! вмазать им как следует, и дело с концом!

Неожиданно Пикпюс врывается в толпу... и сразу же: *пфлаг!* ну-ка! и еще! *бенг!* он как будто танцует! эти *Hitlerjugend* продолжают вопить!.. ну ничего, Пикпюс сейчас их всех успокоит!.. весь перрон!.. так им!.. кулаками!.. ногой под зад!.. этим «малолетним пидорам», как он их называет...

⁷⁰ Жан Марке де Норвэн (1769–1854) – французский историк, служивший у Наполеона I.

⁷¹ Антуан Лабаррак (1777–1850) – французский химик и фармацевт.

но мало того, он еще их и отчитывает!.. наставляет!

– Вы что, не видите, что это сам Ля Вига?.. артист Сопровождения? вы что, его не узнали? пидорасы сраные!

Пусть вникнут, на кого они наехали! сопляки! нет, определенно, он сильно рискует... на тех, кто столпился на этих двух платформах, вероятно, и без него орут все, кому не лень... плевать! он вопит все громче и громче!

– Это же Ле Виган, взгляните повнимательней! герой и артист!.. и он тоже!.. и она!..

Это уже о нас!.. обо мне и Лили!.. нам остается только поприветствовать собравшихся на перронах...

– Подумать только!.. подумать только!.. они собираются взрывать поезда?.. безмозглые идиоты!.. да они же явились сюда, чтобы вас освободить!.. тупые скоты!

– Bravo! bravo! – дружно вторят ему оба перрона...

Пикпюс повлиял на настроение масс... стоявшие на перронах только что готовы были разорвать нас на части... теперь же, после слов Пикпюса, все видели в нас героев-десантников!.. мы были обязаны Пикпюсу жизнью!.. он укротил толпу!.. оставалась, правда, одна небольшая загвоздка, в лице детишек из *Hitlerjugend*, которые, несмотря на то, что их хорошенько вздрючили, отделали, наставив им фингалов и фонарей, по-прежнему были чем-то недовольны... особенно эти упертые маленькие стервы, девчонки!.. они опять взялись за свое!.. *fallschirm! fallschirm!* они понабежали сюда с улицы... на подмогу! с лестниц!.. и их уже было не сто!..

добрых две сотни!.. вместе же с остальными не меньше тысячи! одних Пикпюс укротил!.. но не всех! с этими он так и не справился!.. и они никогда нас отсюда не выпустят!.. мы им не нравились! о, но секундочку! адрес!.. адрес Харраса? Пикпюсу еще одной схватки не выдержать!.. силы противника все прибывали и прибывали... а он едва держался на ногах от усталости!.. я понимал, что еще немного, и его сбросят под поезд!.. бедняга Пикпюс!.. один против тысячи!.. но ведь есть же у нас «адресок»?.. правда, в кармане его у меня не было, так как я зашил его себе в штаны... подальше от посторонних глаз, потому что решил подстраховаться: мало ли что!.. так уж я устроен, что всегда предпочитаю быть начеку, даже в мелочах... короче, я стаскиваю с себя штаны прямо на виду у всех... все, естественно, недоумевают... что это я делаю!.. а я вынимаю из глубины маленький клочок бумаги... вот он! наш адрес!.. я поднимаю его вверх и демонстрирую присутствующим... *Reichsgesundheitskammer! Professor Harras, Grunwald, Flieger Allee 16*... ребяташки облепили меня со всех сторон... не повернуться... к счастью, нашелся один грамотный... он читает им вслух...

– *Wollensieuns nicht fuhren?* – спрашиваю их я – «не хотите ли нас проводить?» да!.. да!.. *ja!.. ja!*.. конечно, хотят!.. кажется, их это заинтересовало... *ja! ja! ja!* эти ребята знают, как туда добраться!.. переход, окошечко, перрон... мы покорно следуем за ними! Пикпюс тоже одобряет наши действия... сам он уже не в состоянии даже пошевелить рукой...

более того, он и говорить не может... сорвал себе голос, когда кричал, поэтому он обращается к нам шепотом...

Вы что, собираетесь замочить этого типа?.. как там его?

– Харрас!

– Не знаю такого!.. но он из СС?

– О, еще бы! главврач СС!

– А ствол у вас есть?

– Нет, забрали на таможне...

– Тогда держи гранату!.. английская!

Он роется у себя в кармане... и что-то мне передает... точнее, засовывает мне в «канадку»... у меня нет возможности ни смотреть, ни говорить, но она у меня... я чувствую ее тяжесть...

– Умеешь пользоваться?

– Нет!

– Ну, это просто... выдергиваешь чеку и бросаешь!.. у тебя пять секунд!.. чтобы убежать... это супер!.. от этого чувака останется мокрое место! и от его хибары тоже! от всего вместе! одна секунда на бросок... три! четыре! пять!.. делай ноги! не теряй времени или ложись! замешкаешься – и ты в заднице! понятно?..

– О да!

Уж куда понятнее!.. он сам тоже идет вместе с нами и ребятами... однако на сей раз, уж извините, придется сделать крюк! мы опять проезжаем те же станции... затем пересаживаемся, раз... другой... давка, толчея, хотя уже не та... а,

вот и *Grunwald*! все выходят!.. Пикпюс, мы, ребята... идем на свет... да, все правильно... вот и надпись: *Fliegerallee*... и справа, и слева за деревьями виднеются многочисленные домики... ну ничего себе!.. у большинства домиков водосточные трубы, окна, остатки рам болтаются снаружи... крыши тоже разворочены... нам нужен № 16... это справа от тротуара... мы так и идем вместе с молодежью Гитлера, всей толпой...

– А ты ее не потерял?

Пикпюс не особенно мне доверяет! он думает, что я оставил ее в метро!..

– Да пощупай сам! маньяк!

– Он щупает, убеждается, что она на месте...

– Ты все понял? чека?... бросил! лег! и готово!

Но я думал только о том, чтобы она не взорвалась у нас по дороге!.. представляю, что с нами станет!.. 27? может, напротив?... там, на другой стороне... дверь с двумя часовыми... и красная надпись: «*Reichsgesund*»... точно!..

– Слушай, Пикпюс, тебе лучше сюда не соваться!.. взгляни на эту надпись!..

– Он смотрит... ребята тоже... золоченая желтая свастика рядом с надписью подтверждает, что мы не ошиблись адресом!..

– *Sehen sie?*.. видите?

Показываю я им... они сразу же замечают часовых, которые жестами предлагают нам уйти... о, секундочку!.. вот моя

бумага!.. трясу я ею!.. они позволяют мне подойти, но одному!..

– Профессор Харрас?

Я хочу его видеть!.. из кустов выходит офицер... я представляюсь...

– *Ich bin ein Artz von Paris!* я врач из Парижа!..

– *Gut!.. gut!.. wer sind die da?*⁷²

Он имеет в виду мальчишек, которые увязались за нами... и Лили с Ля Вигой...

– Моя жена Лили... и мой друг Ле Виган!..

– Я не хочу, чтобы нас разлучали...

– *Gut! gut!*

А ребята? он спрашивает о них...

– Да так, зеваки!

– Ну все, довольно! *weg! weg*⁷³!.. – обращается он к ним!.. и они тут же все исчезают... вместе с этим Пикплюсом!.. ни души!.. да это какое-то волшебное заклинание, а не *weg! weg!*.. теперь остались только мы втроем... кажется, он хочет нам что-то сказать?..

– Прошу вас! я в курсе! вы остановились в отеле «Зенит»!

Да он, как я вижу, и по-французски может говорить, если захочет... и вообще, нас тут уже ждут... в странах с диктаторским режимом, даже превращенных в руины, о вас всегда все узнают раньше, чем вы куда-нибудь успеете явиться са-

⁷² * Хорошо!.. хорошо!.. А это кто? (нем.).

⁷³ Прочь! Прочь! (нем.).

ми... так что и говорить ничего не надо... очень удобно!.. мы следуем за ним... сперва через очень большой сад, скорее, даже парк... тут тоже всюду полно развалин... соседние виллы, наверное?... точнее, то, что от них осталось! еще обломки стел и статуй... с мотками колючей проволоки... а вот высоченная оранжерея, правда, без единого стекла... мы проходим через нее... офицер впереди нас идет очень осторожно... может, здесь заминировано?... хорошо бы у него спросить... но какое у него звание в СС?... наверное, какой-нибудь *Sturmfuhrer*? он неболтлив... мне необходимо избавиться от этой штуковины... но как? еще, чего доброго, рванет!.. может, рассказать о ней эсэсовцу?... должен же он знать, что у меня в карманах... миновав развалины и груды кирпича, мы очутились перед туннелем... все, вероятно, там, в глубине... судя по внешнему виду этого эсэсовца, какой он весь из себя лощеный, холеный, отутюженный... это должен быть комфортабельный грот... я уже много раз тут в Германии... встречаю такие, переоборудованные под жилье... я, конечно, точно не знаю, но наверняка так и есть... он меня предупреждает: *vorsicht!* осторожно! *minen!* они тут все заминировали на случай нападения... чтобы сразу же взорвать и туннель, и все остальное!.. к счастью, этот *Sturmfuhrer* забыл проверить наши карманы!.. неожиданно мне приходит в голову мысль показать ему Бебера! хорошо бы он вылез, высунул свою голову... он ведь любит так делать... а у меня с собой, если подумать, не только граната... есть и еще кое-что!.. неболь-

шой «маузер», например, бритва, два мыла для бритья, три коробка спичек, кусок сала... и это, разумеется, еще не все!.. просто невероятно, какое количество всякого хлама ты вынужден повсюду таскать с собой, когда тебя выбрасывают из дома на улицу... с ума можно сойти, сколько всего человеку нужно для жизни, даже для очень-очень скудной... Матте, министр сельского хозяйства, позже, в Зигмарингене, понимал это лучше других... как-то я заговорил с ним о бегстве в Швейцарию... «запомните, доктор, в лесу вам не обойтись без самого необходимого!.. ножа и спичек! чтобы отрезать ветки и разжечь небольшой костер! еда всегда может подождать!.. но первая же холодная ночь без огня станет для вас последней...» и Матте был совершенно прав!.. огонь – это настоящая душа жизни, даже самый пустяковый огонек из трех былинки... это как колесо в велосипедных гонках: без него не видать вам «Тур де Франс», как своих ушей!.. но это касается только ножа!.. и спичек... а граната и чека – это уже слишком!.. я очень хорошо себе представлял, сколь высоко мы можем взлететь из-за этой гранаты с чекой в моем кармане! и чего этот эсэсовец так осторожничал?.. он так внимательно следил, чтобы мы не сходили с узенькой тропинки... конечно, он опасался мин... если бы он знал про мой карман?.. этот парк был просто огромен... скалы, высокие деревья... и почти все деревья повалены... я оглядывался по сторонам в поисках воды... куда можно было бы сплавить мою штуковину!.. тут было несколько грязных заросших травой и

илом болот... но слишком далеко от нашей тропинки... я бы не хотел, чтобы из-за меня кому-нибудь разворотило кишки!.. а вдруг она разорвется под носом у этого эсэсовца?.. тогда мне крышка!.. нет, пусть он спокойно проводит нас к Харрасу, а остальное его не касается!.. Харрас же, несмотря на весь свой нацизм, был человеком неглупым, немного философом, и потому не склонным впадать в крайности, в общем, он был мало похож на всех этих простоватых тупых скотов из Партии... горилл с нарукавными повязками... он нас выслушает... я на это очень надеялся... в противном случае, мы обречены... мигом повяжут, и в машину!.. мы уже достаточно засветились! да с тем же Преториусом хотя бы!.. с его глюками и *heil!* а этот вор, наш Иван... все одно к одному!.. и фотографии! и Пикпюс!.. понимаете, если на вас объявлена охота, легавым может оказаться кто угодно... Харрас был нашим последним шансом... еще одна узенькая тропинка!.. кажется, этот парк никогда не кончится!.. куда он нас ведет?.. о, да тут кратер!.. с водой в глубине... воды столько, что в ней купаются... множество голых мужчин...

– Финский бассейн!

Неужели это все финны?.. огромная изба рядом – это их баня... они туда заходят, разогреваются, а потом выскакивают и с ходу кидаются вниз головой... и так без остановки... один!.. за другим!.. пока эсэсовец распространяется о тонизирующем действии подобных бань, в которых он сам частенько бывал, и т... д... и т... п..., я извлекаю эту черто-

ву гранату из глубины своего пиджачка и кладу ее на край бассейна... пусть она туда свалится... я ее слегка подталкиваю... так, чтобы никто не видел... *буль!* она погружается! теперь если она и взорвется, то в воде!.. хорошо бы она оказалась не настоящей, игрушечной!.. авось пронесет!.. и почему меня постоянно в чем-то уличают? даже теперь, когда мне 60?.. во всех клубах, на всех террасах, вечеринках, в отхожих местах!.. ну и черт с ними!.. возьмите тот же Конвент! море крови, виселицы, потоки угроз, а сейчас все это уже ничего не значит... во всяком случае, гораздо меньше, чем самый ничтожный завтрак!.. главное, что там, в парке, мы были все еще живы... по крайней мере, нам так казалось... *Reichsgesundheitkammer*, Грюнвальд... надеюсь, никто не заметил, как я избавился от этой безделушки... а может, это просто макет?.. впрочем, избавились, и ладно!.. но где эсэсовец?.. я оглядываюсь по сторонам!.. ищу его... как в воду канул! исчез!.. ха, да к нам идет какой-то толстяк... он в халате и совершенно невероятных размеров... я его сразу и не узнал!.. это же он!.. он! он тоже вышел из избы!..

– О, мой дорогой Селин!..

– Очень мило...

– Мое почтение, мадам, рад вас видеть!

А я его не узнал!.. сам Харрас!.. в свою очередь я тоже ему представляю...

– Мсье Ле Виган, знаменитый актер!

Ле Виган кланяется... мы все просто счастливы видеть

друг друга!.. о, зато теперь-то уж мы окончательно себя скомпрометируем, обнажистились до мозга костей... не так ли?.. как бы там ни было, а это вам не хухры-мухры! Президент *Reichsgesund*... должно быть, полковник, не меньше!.. я видел его в форме, точно полковник!.. для «профессора» его возраста не такой уж и лысый... энергичный симпатяга, натура тонкая и уравновешенная одновременно... вот свойство характера, которое у нас совершенно отсутствует: лукавая глубина... неотразимая мудрость клоуна... и чем же тут командовал Харрас?.. этим погребом за колючей проволокой? туннелем?.. он же, насколько мне известно, был фюрером всех практикующих врачей Рейха, *Gross Reich* и протекторатов... всех!.. кудесников, гомеопатов и даже *felchers*, этих рыцарей Красного Креста, укротителей эпидемий... вы и не представляете, какой властью был наделен этот улыбающийся тучный Харрас! уж он-то кое-что мог... например, найти нам какую-нибудь работенку подальше, желательно «фельдшерскую»... препарирование дохлых крыс в глубине моравских долин... я очень хорошо себе представлял нас в роли «фельдшеров»... особенно за отлавливанием «подозрительных вшей» в Герцеговине... это как раз то, что нам нужно! мы готовы на все!.. с Харрасом я чувствовал себя раскованно... тут откуда-то издалека, должно быть, из туннеля до нас доносятся звуки фанфар...

– О, дорогой Харрас, это в честь падения еще двадцати пяти вражеских городов! не иначе, как снова взят Ростов!..

а в придачу и Севастополь!

– Ну а вы-то как, дружище Селин?

– Да никак, дорогой профессор!.. ваши полицейские никак не могут нас узнать! мы изменились до неузнаваемости!.. у нас фальшивые фотографии!.. хотя вы ведь нас узнаете? не так ли?

– О, чепуха!.. я все улажу!

Я говорю ему, что он прекрасно выглядит... судя по всему, он в отличной форме!

– Вас преследуют неудачи! Но, Селин, вы всегда сами и создаете себе проблемы!

Громко хохочет он!..

– Вы в Берлине... и не идете ко мне!

На мой взгляд, смеяться тут было не над чем, хотя его жизнерадостность и вселяет в меня некоторый оптимизм! мы сделали все от нас зависящее, чтобы спастись!.. и веселого в этом было мало... а после того, как нам пришлось бежать с Монмартра, нам стало и вовсе не до смеха... какой уж тут смех!.. но такой уж этот Харрас был весельчак!.. и тем не менее, этот шутник мог наконец-то обеспечить нас жратвой, ночлегом, и разобраться с Полицией... а для нас, меня, Лили, Ля Виги и Бебера это было важнее всего...

– Слышь ты, скоро у нас будет хавка и он займется фотографиями!..

Толкаю я Ле Вигана, чтобы вернуть его на землю, так как он снова отключился!

– Да, старик, ты прав!

– А взгляни-ка на его халат!

Я даже даю ему его пощупать... супергубка! Наверняка из Лондона или Америки! где он его достал?.. ну это не секрет...

Из Лиссабона!.. и для вас найдется! там внизу, в казематах, у меня полно всякого барахла!

Добрая душа, этот Харрас! грех было этим не воспользоваться! тем более, что речь шла о таких пустяках!.. конечно, он был нацистом! но только теперь, спустя годы, думая о том, сколь многие тогда погрели себе руки, сколько евреев и нацистов успели сколотить себе миллиардные состояния, и в общем-то, совсем неплохо устроиться, я понимаю, какими наивными целочками мы были... подождите, вот выпустят Жоановиси из карантина⁷⁴, он вам еще и не такое расскажет!.. если уж Герцогиня, случайно опрокинувшая своей задницей трон, сумела заработать на этой трогательной истории около трехсот миллионов⁷⁵... то о такой героической

⁷⁴ О деле Жоановиси Селин также упоминает и в своем романе «Из замка в замок». Жоановиси (он же господин Жозеф) во время войны сделал себе состояние на спекуляции металлом. Он вел двойную игру, обслуживая одновременно оккупационные власти и Сопротивление. В 1949 году был приговорен к пяти годам тюрьмы. С 1951 года жил в Манде (Лозере), где сколотил новое состояние. В 1957 году снова привлек к себе всеобщее внимание тем, что убежал в Израиль, откуда был выслан в январе 1959 года. После этого он прибывает в Марсель, где был заключен в тюрьму. На этот «карантин» и намекает Селин.

⁷⁵ Намек на вышедший в 1956 году французский перевод мемуаров герцогини Виндзорской.

личности, как наш мсье Жозеф, и говорить нечего!

О-ля! ля-ля! опять меня заносит! так вы ничего не поймете!.. просто какой-то навязчивый маньяк... каких немало!.. любитель потрепать языком!.. мы же вроде как куда-то пришли? вы совершенно правы... к профессору Харрасу в просторный парк *Reichskammer*... я не верил своим глазам!.. он стоял передо мной! тут еще было что-то вроде дворца, выпотрошенного и полуразрушенного... отовсюду торчат нетронутые побеги молодого виноградника... и причудливые огромные узоры из колючей проволоки!.. парк Монсо тоже порядком запущен, но такой свалки я еще нигде не видел! головы статуй, разложенные по многочисленным кучкам, как будто после игры в шары... все в гипсе и песке... такое впечатление, что тут специально везде расставили декорации из руин... я обращаюсь к Харрасу...

– А вы, случайно, не собираетесь тут все взорвать?

– 14 июля, Селин! 14 июля⁷⁶! не раньше!

– Но 14 июля уже прошло!

– В таком случае, в день рождения Адольфа!

С ним можно было не стесняться!.. наоборот!.. он видел нас насквозь и считал пораженцами... однако мы говорили по-французски, и это было самым главным, за это нам прощалось все!.. с нас нельзя было спрашивать как с обычных людей, так как ненормальность была заложена в самой нашей природе! он был из числа тех бошей, что совершенно

⁷⁶ 14 июля – национальный праздник Франции, День взятия Бастилии.

теряют голову, млеют от восторга и радости, как дети, от соприкосновения со всем, что хоть как-то связано с Францией... ни наши задвижки, ни наше пылкое вранье их не смущают! так, пустяки, ребячество!.. а наша животная изворотливость? плутовская традиция!.. к тому же, у нас замечательное «историческое чутье»!.. ach, was nun⁷⁷?.. мы все еще не утратили «вкус к жизни»!.. в общем, нам есть чем гордиться... и тевтоны – чуть ли не единственные наши поклонники на планете, которые смотрят на нас с неподдельным обожанием... не сомневаюсь, что когда-нибудь именно их солдаты с радостью отдадут за нас свои жизни... за наши прекрасные натуры! вы скажете, что мы-то уж этого точно не дождемся! ну тогда за тех, кто придет нам на смену!.. пускай за них, какая разница!.. Харрас, бош и стопроцентный нацист, во все не требовал, чтобы мы разделяли взгляды Гитлера! отнюдь!.. ему было достаточно того, что с ним говорили по-французски!.. были бы мы немного евреями, немного неграми, немножко испанцами... о, о-ля-ля! тогда конечно! хотя возьмите те же Соединенные Штаты! ну и что?.. этот Харрас вовсе не был зашоренным придурком, иначе он бы не обращался ко мне сейчас: *тсс!* я слышу, как над парком пролетают самолеты...

– Это не немецкие! точно не немецкие!.. Селин, вслушайтесь!

– Мы вслушиваемся...

⁷⁷ ах, что же еще? (нем.)

– Musik!

Ласкающее слух мурлыканье!.. не то что их Heinkel⁷⁸! тя-желая медь!.. уж в этом-то мы немного разбирались! но может быть, он наконец-то объяснит мне, чем он сейчас занимается?

– Я путешествую, коллега! путешествую!.. наведываюсь дважды в месяц в Лиссабон, чтобы встретиться там с людьми, узнать их настроение... обмен мнениями... не проморгали ли они тиф?.. у нас на Востоке ведь ничего нет?.. нет!.. и не будет!.. все пушечное мясо провакцинировано!.. и у них!.. и у нас! о-ах-ха-ха!

Да уж, весело, ничего не скажешь!

– А как вы считаете, коллега, что сейчас могло бы остановить войны?

– Новый вирус!

– Но у нас его нет!.. и у них тоже! ооах-ха-ха!

Я смотрю, он довольно неплохо во все врубается...

Где я познакомился с этим Харрасом?.. выкладываю все начистоту!.. на Елисейских Полях, во время просмотра фильма!.. сугубо технического фильма о тифе в Польше... моя специальность – это тиф... правда, теперь я с этим тифом завязал!.. после того, как меня засыпали гробами!.. никогда не показывайте что-либо серьезное обывателям!.. задницы, пожалуйста! сиськи во весь экран!.. еще лучше! вели-

⁷⁸ *Heinkel* – название одного из немецких заводов по производству военных самолетов.

колепные пирушки! супертачки! состязания суператлетов!.. самое то!.. а серьезное выйдет вам боком!

Но больше всего мне нравилось в Харрасе то, что он не только отличался от других ничтожных стукачей, но, ко всему прочему, был еще и важным начальником... а раз уж мы очутились в расположении его Подразделения, пусть он нам тут все покажет!.. не только этот кратер финской бани! и шародром с головами статуй!.. кое-что, вероятно, находилось и под землей?.. да!.. да!.. да!.. я хотел видеть все!

Вот, мы следуем за ним... в туннель... под развалины... ах, это вам не подвесной этаж-гамак Преториуса... снаружи вообще ничего не видно... Харрас идет впереди... какой-то грот... проблески света... еще один... с письменными столами вдоль стен... огромный зал, совсем как в Нью-Йорке, но, по меньшей мере, в двадцати метрах под землей... и машинистки точно такие же, как в Америке, симпатичные барышни в брюках...

– Ну что скажете, Селин?

– Настоящая новая Европа!

Оказывается, у него есть еще другие бюро! двумя этажами ниже... откуда доносится гул вентиляции... с такими же улыбающимися машинистками... Харрас обходит всех, как паша, отвечая на приветствия краткими heil!.. все в том же своем добротном халате, лимонно-желтом с небесно-голубым... вот еще небольшая лесенка... библиотека!.. целый этаж реестров... рядом под сводом, еще грот с картотека-

ми... я думаю, что в Канцелярии все должно быть примерно так же... двадцать пять метров под землей... поэтому мы ничего и не заметили... у Адольфа, может быть, и еще глубже... однако, на самом деле, тот легавый с визами меня сейчас волновал куда больше...

– Харрас, коллега! тут кое-что! всего одна секунда! не могли бы взглянуть на наши фотографии?

Я протягиваю их ему...

– Можно нас узнать?

Он смотрит... затем поднимает глаза на нас...

– Конечно нет!.. я-то вас узнал... но вот человеку со стороны будет сложновато, особенно «polizei»...

– Как же нам быть с разрешением на пребывание?

– Ах, чертов Селин! вечно он о чем-то волнуется!.. но это ерунда! пустяки!.. я позвоню... после чая!.. они вам его принесут!

– И мне тоже?

Ля Вига был еще более недоверчив, чем я... теперь он совершенно не походил на «человека ниоткуда»...

– Ну конечно же, мой дорогой Ле Виган!.. и вы его прочтите!

Тем не менее, он замечает, что мы ему не слишком доверяем...

– Послушайте! я сейчас же позвоню!

Какая-то барышня... telefon! Polizei! он должен позвонить... heil Hitler!.. и потом сразу же... вполголоса, спокой-

но... все, что он хотел сказать!.. и наконец, наши имена...
Ля Виги, Лили, мое...

– Ну вот и все!.. готово!

Он вешает трубку...

– Вы получите их через четверть часа!

Порой общение с власть имущими доставляет истинное наслаждение... черт! ни фиги себе, предательство! если тебя преследуют по пятам гиены, то, прыгнув в пасть волку, ты хотя бы можешь им чуточку досадить... все лучше, чем быть разорванным крысами, родственниками, друзьями... возлюбленными... тут, под землей, в Reichsgesund нам, по крайней мере, позволили немного отдышаться, на улице Лепик у нас такой возможности не было... о, естественно, я понимал, что долго это не продлится!.. неделю-другую!.. а пока, скорее спать! однако Харрас хочет нас сначала покормить... благо есть чем... он отправляет двух молоденьких приветливых девушек за всем необходимым... и вскоре я вижу, как те же приветливые девушки возвращаются с целыми подносами сэндвичей!.. а хлеб-то не черный!.. белый, и с маслом... ну, все!.. все! я вижу только их... сэндвичи... сэндвичи... сэндвичи... и больше ничего...

* * *

Только проснувшись, понимаешь, что спал!.. «внимание!.. внимание! *achtung!*!..» из громкоговорителей всех под-

валов, бюро, коридоров... а акустика здесь такая, что может повредить и барабанные перепонки, и своды... но что там еще за внимание?.. Ля Вига едва начал засыпать в своем кресле... вот вам и «гарантии нашей безопасности»!.. вот вам и их комфорт!..

– Плохо дело, Фердина!

«Улююююю» доносилось до нас сверху, с поверхности, эхо сирен... о, и еще: *ppp!*.. *ppp!* очень похоже на пальбу... должно быть, там стреляли... но в кого?..

– Ля Вига!.. а Лили?.. где она?

В кресле рядом ее не было...

– Она пошла с Бебером!

Боже мой, он ее отпустил!

– И ты ее не остановил?

– А ты?

Он прав, мне бы следовало быть повнимательней, хотя я и устал, но у Лили была какая-то маниакальная страсть к прогулкам, совершать которые ей не могли помешать никакие запреты... очевидно, ей даже нравилось их нарушать... в Сартрувиле, к примеру, она отправилась гулять с Бебером по берегу Сены в одиннадцать часов вечера... напротив, на противоположном берегу, появляется немецкий дозор... естественно, они ее засекли с ее фонариком... *паф!* *паф!*.. на следующий день мы уехали на машине «Скорой помощи» вместе с младенцами, пожарными насосами и муниципальными архивами... еще семь грузовиков... Сартрувиль...

Сен-Жан-д'Анжели...⁷⁹ вспоминая о пальбе немцев... с противоположного берега... она потом долго смеялась... я же тогда высказал ей все, что я об этом думаю... все, черт возьми!.. и теперь я не сомневался, что она пошла с Бебером именно потому, что это было запрещено... я хватаю свои трости... Ля Вига идет за мной... лестница... коридор... поднимаемся наверх... туннель... ага, так я и думал!.. о, этого только не хватало! ужасный грохот! воздух раздирает вой сирен! *уууууу!* что это, бомбардировка?... однако разрывов бомб совсем не слышно... только *паф!* и *ррр!* уличное сражение? наверное, парашютисты, но уже настоящие, не шуты вроде нас... стреляют, кажется, из винтовок... и совсем близко... я начинаю кричать...

– Лили!.. Лили!..

– Да вот я!.. вот!..

Ах, она жива!

– Ты ранена?

– Нет!.. только вот Бебер не хочет вылезать!

У меня прямо сердце упало:

– Вылезать... а где он?

⁷⁹ Селин часто возвращается в своей трилогии к событиям, пережитым в первые месяцы войны, когда он работал в диспансере в Сартрувиле. Там он находился в момент наступления немецких войск, и там, накануне бегства из страны, Лили едва не попала под пули немецкого патруля. Селин и Лили покинули Париж в машине «Скорой помощи». Они добрались до Ля Рошели, где Селин работал в больнице. Последующие несколько недель они провели в лагере для беженцев в Сен-Жан-д'Анжели.

– Там! там! в той дыре!

Я ковыляю туда... о, да Лили со своим фонариком!.. а светит-то как!.. настоящий прожектор! освещает весь перелесок... на свет сбежалось, по меньшей мере, человек десять... и все заглядывают в дыру между кирпичами под осколками... десять бородатых «ландштурмов»...⁸⁰ Лили не обращает на них внимания... она зовет своего Бебера... он должен быть там, в этой дыре под осколками... а вот и Харрас!.. собственной персоной!.. слава богу!.. к тому же в прекрасном настроении!.. и в новом халате, оранжевом с фиолетовым... он что, их коллекционирует?.. и все из Лиссабона!.. он мог бы открыть магазин! ну, как бы там ни было, а мы его ужасно развеселили!.. он показывает нам на шарящие по облакам лучи! какой там переполох! все небо в движении! серьезная тревога! и как это Лили и *Volksturm* удалось всех так расшевелить! как это все-таки забавно!.. и как по-французски!

– Ах дорогая мадам! дорогой Селин!.. мадам переполошила всю берлинскую *flach*⁸¹ своим маленьким фонариком!.. оох!.. оох!.. сейчас они начнут палить из пушек! вот увидите!.. оох!.. оох!..

Мне ничего не остается, как посмеяться вместе с ним...

– *Volksturm* из парка тоже решили, что мадам – парашютистка! вы же слышали?.. они начали стрелять друг в друга!

⁸⁰ Ландштурм – ополчение 2-го разряда в Германии.

⁸¹ *Flakabwehr* (нем). – противовоздушная оборона.

двое ранены!.. оох!.. *ach!*.. ну и идиоты же у нас в армии!.. испугались мадам!.. и кота!.. из-за них и *flach* всполошилась!..

И действительно, по облакам скользит уже не меньше ста лучей... на севере... юге... востоке... ищут эскадрилью...

– И во *flach* у нас тоже полные кретины! коллега!.. такие же болваны, как и *Volksturm*!.. лучше бы они осветили все дыры! тут!.. здесь!.. Бебер же не на небе!.. не правда ли? он под кирпичами!.. я им сейчас позвоню, туда во *flach*... они тут неподалеку!.. в Потсдаме! пусть поработают!.. у них ведь есть башня!.. и прожектор... для патрулей!.. ну, вы же знаете?.. в Сан-Суси⁸²?

– *Telefon, Otto!*.. *telefon!*

Отто, это его адъютант... я вижу, как он тащит на плече огромную бобину... приносит... разворачивает... Харрас берет трубку...

– *Hier!*.. *Hier* Харрас!

Харрас говорит... и, видимо, о чем-то очень смешном... это он говорит о нас... с кем-то там из *flach*... ну просто обхохочешься!.. *ach!*.. *ach!* *ooah!*.. офицер СС снова уносит трубку и провод... и тут же лучи начинают перегруппировываться... от облаков к нам... на нас!.. вниз... сперва один... потом три!.. наконец все!.. вы не представляете, как вокруг стало светло! светлее, чем днем! сквозь кустарники... струится мертвенно-бледный свет... и военные, и кучи кирпичей, и Харрас становятся мертвенно-бледными... в своем ха-

⁸² Название старинного парка в окрестностях Потсдама.

лате он теперь напоминает огромного ослепительно-белого снеговика... только губы темные... я обращаюсь к нему:

– Теперь они начнут по нам стрелять?

– Пока нет, коллега! но только пока!

Шутить так шутить...

Однако его интересует Бебер... куда он подевался? проклятый котяра! да вот же он! за деревом!.. сидит себе как ни в чем не бывало... Лили держала его на поводке, а он – прыг, и исчез... еще один прыжок через обломки... теперь он перед нами... что это там еще у него?.. крыса!.. еще теплая... он держит ее за загривок... Харрас внимательно осматривает крысу со всех сторон...

– Ну, эта-то сдохла не от чумы!..

И предлагает:

– А может, нам наградить Бебера?

Ну а Бебер уже полностью поглощен своим туалетом!.. крыса его больше не интересует!.. он начинает с кончика своего хвоста... лижет!.. вылизывает!.. сначала одну лапу!.. потом другую...

А эти тупицы Volksturm, переполошившие всю flach!.. разумеется, из-за Лили и ее зажженного «фонарика»! теперь уставились на Бебера, на то, как он тщательно себя вылизывает... моет себе нос, ухо... в свете пронзительных лучей прожекторов flach, оторвавшихся ради него и его крысы от облаков...

– Сейчас он проведет лапой по уху! – объявляет один из

них...

– Если он проведет по уху, то пойдет дождь!..

Так, внимание!.. очень ответственный момент! большинство Volksturm придерживаются того же мнения... и действительно, он проводит себе по уху!.. затем проводит еще раз!.. более того, он это ухо выворачивает! один раз!.. другой!.. сомнений быть не может! все ясно!

– Leutenant Otto! telefon!

Отто опять тащит бобину... Харрас по-прежнему в шутовском настроении... теперь он сообщает этим типам из flach, что скоро пойдет дождь, так как Бебер вывернул себе ухо, а что касается прожекторов, то достаточно, их можно уже и погасить! тут же все исполняют!.. мы опять остаемся с одним фонариком... и снова спускаемся в свои пещеры... к нашим сэндвичам и креслам... там всех нас ждут еще и просторные халаты... такие же толстые и махровые, как у Харраса... и тоже красные с желтым, в цветах... мы снимаем свои куртки... уф! самое время съесть пару сэндвичей... наконец-то мы можем немного поспать... и Бебер тоже...

Кстати, чуть не забыл, наши документы уже лежали в креслах, подписанные и с печатями...

* * *

Спать... спать... ну да!.. вы уже задремали... все заботы отступают... и вдруг какая-то мысль... еще одна... вы воро-

чатесь...

– Ля Вига... Ля Вига... – шепчу я...

– А с тобой он вообще не говорил?

– Нет... но еще поговорит...

– Да ну... ты уверен?

– Зуб даю!..

Но как бы там ни было, а в этом Reichsgesund, под землей мы не так уж плохо устроились... пещеры, конечно, но зато душевые кабины, кондиционированный воздух, неоновое освещение... и с халявой полный порядок, тут вам и сандвичи, и салат из свеклы, и овсянка, и еще сандвичи... из питья, правда, только вода и фруктовый сок... пива не было... о, но нас это вполне устраивало!.. учитывая все обстоятельства, в которых мы оказались, я бы с удовольствием провел так еще лет двадцать... жить под землей – это все равно что путешествовать в подводной лодке: миновал полюс, и готово!.. остается только удачно всплыть!.. хотя вот насчет нашего удачного всплытия у меня были большие сомнения... я себе его очень плохо представлял... Харраса я старался ни о чем не спрашивать... я заметил, что он поместил нас в самые нижние, резервные помещения... кроватей у нас не было, только громадные софы, вероятно, тоже из Лиссабона... ему же от нас было нужно, чтобы мы просто говорили с ним по-французски и еще исправляли его ошибки... в сущности, он и так говорил неплохо, но он хотел усовершенствоваться,

совсем как Фридрих⁸³...

– Друзья мои, я уже слишком стар, а эта война все длится и длится... больше всего на свете я люблю Версаль! именно там мне бы и хотелось закончить свои дни...

Около полудня мы поднимались подышать воздухом, снова наверх, к дневному свету, правда, ненадолго, и в сопровождении лейтенанта Отто... вместе с Бебером... небольшая прогулка, лавирование между мотками колючей проволоки... до бассейна у финской бани, откуда наши немецкие друзья радостно машут нам руками... граната не омрачила наших отношений... разве они могли нас в чем-то заподозрить?.. потом по тропинке обратно, след в след за лейтенантом Отто... памятуя о его предупреждении: всюду мины!.. славный парк!.. и flash не нужна! мы сами, своими силами тут такой трам-тарарам устроим!.. мало не покажется!.. завершив лавирование по парку, мы возвращаемся в подземелье, по дороге обмениваясь любезностями с барышнями-секретаршами... причем про фронт, самолеты или политику никто даже и не заикался!.. только о Бебере и его причудах... поймал ли он еще крыс?.. барышни, в свою очередь, рассказывают нам о людях, живших там, наверху, до войны... никого не осталось... из тех больших грюнвальдских семей... бомбардировки, разруха... стараясь изобра-

⁸³ Видимо, Селин имеет в виду Фридриха II (Великого) (1712–1786) – короля Пруссии с 1740 по 1786 год, который приглашал к своему двору Вольтера и других французских ученых и философов.

зить хоть какую-то деятельность, я изъяснил готовность просматривать телеграммы... Харрас не возражал... в соседнем подвале... телетайп работал круглые сутки... два случая тифа у Тцара-Плово... одна желтуха в Саламине!.. в общем, ничего серьезного... особенно в сравнении с эпидемиями 17-го!.. примерно та же картина, по словам Харраса, наблюдалась и в противоположном лагере, в стане врагов!.. а ведь с ними были и Индия, и весь Ближний Восток!.. и тем не менее, они тоже кусали себе локти!.. подумать только, долины Евфрата!.. да там еще во времена Моисея, стоило только начаться какой-нибудь крупной заварушке, как тут же жуткая зараза обрушивалась на войска! а теперь и там, как я видел, «telescript: ноль»!.. а сколько злобы, первобытной всепожирающей ненависти и жажды мести скопилось к 18-му году, но всего три-четыре залпа, и все успокоилось! жажда порой бывает очень полезна... три бидончика воды!.. и все тут же покрываются гноем!.. а теперь хрен!.. шакалы вцепились друг в друга мертвой хваткой!.. миллионы солдат в пустыне, и ни у кого ни в одном глазу! ни одного случая даже в смрадных оазисах и гнилых болотах! знаете, к какому неутешительному выводу пришли в «высших эшелонах власти» Лиссабона... эти американо-русские англо-боши... «мы слишком много сделали прививок, эта война никогда не кончится»... и, к сожалению, они правы! иначе Харрас не тратил бы все свое время на путешествия и покупку всех этих соф, подушек, одеял и добротных халатов! а также этой

снеди, ветчины, риегов, цыплят в желе, которых хватило бы, чтобы продержаться в подвалах Gesundt еще сто лет... он любил порассуждать о тонкостях своей профессии... наши взгляды на природу эпидемий во многом совпадали... просто не стало настоящих вирусоносителей!.. в этом все дело! войны разрушительны, спору нет, но, в сущности, они ничего не решают!.. микробы утратили к вам интерес?.. горе вашим бедным батальонам! многочисленные конфликты обречены на полный провал... без микробов даже атомная бомба, уверяю вас, не сможет повлиять на исход войны... вирус тихонько подкрадывается к грозной армии, и вы лишаетесь своего командного состава, две-три недели, и все уже блюют, всех пробрало! души и кишки зовут к Миру! вот так все на самом деле и решается! это-то и имели в виду в Лиссабоне... а как еще развязаться с этим предприятием?.. напалм, газ, сера, – так, мелкие неприятности! по-настоящему крупной инфекции нигде не наблюдается! так что же остановит эту гнуснейшую из войн в 44-м?.. все накопленные тысячелетиями вирусы куда-то подевались! маршалы способны еще больше разжечь пламя войны, ввергнуть в нее весь мир, но ни один микроб им не подчиняется... всемогущие правители могут сговариваться, подносить друг другу тонны пушечного мяса, целые города, провинции, колыбели, больницы, пленных, горы трупов, действуя с неслыханными доселе размахом и жестокостью, но и они не в состоянии остановить ни одну войну! без вмешательства микробов войну не оста-

новить! миллионы и миллионы под ружьем, ждут приказа... а миллиарды блох бездействуют! два тифозника в Загребе!.. одна ветрянка в Чикаго!.. есть от чего прийти в отчаяние! даже в долине Вардара⁸⁴, где последние двадцать веков не мог долго продержаться ни один завоеватель, теперь все спокойно, ни одной дохлой крысы!.. ни одного комитаджи⁸⁵, заболевшего лихорадкой... человечество здорово вяпалось... не маршалы и дипломаты диктуют условия мира, а вши и крысы... но они устранились!.. ну а мы-то, я, Лили, Бебер и Ля Вига, тоже сюда попали не просто так, наверняка все уже было согласовано на самом верху! если и не в Париже, то уж в Берлине точно!.. так что напрасно Харрас ходил вокруг да около, я видел, что он хочет мне сказать что-то еще... но все как-то не решается... тем не менее, три дня, проведенные в этих катакомбах, снова вдохнули в нас жизнь, и плевать мы хотели на telescript! сэндвичи в избытке, минеральная вода, комфорт, мягкие софы, у каждого – по махровому халату и, что самое главное, полный покой... но вечно так продолжаться не могло... как-то, воспользовавшись минутой, когда из громкоговорителя доносились фанфары и «новости», Харрас шепнул мне...

– Завтра, Селин, мы съездим в одну деревню, тут непода-

⁸⁴ Вардар – река, протекающая по территории Югославии и Греции, долина которой была театром многочисленных военных действий во время Первой мировой войны.

⁸⁵ Комитаджи – турецкое название борцов за независимость Македонии.

леку...

Я предпочел не уточнять у него, зачем... мы опять спустились в свою камеру... и я сообщил Лили и Ля Виге, что завтра мы едем на экскурсию... мы были готовы ко всему... однако нам оставалось только гадать, что ему могло от нас понадобиться... может, решил избавиться?..

На следующий день к семи часам мы были уже на ногах... он же сказал в семь... он собирался нас куда-то везти... хотя мы предпочли бы еще поспать... эта прогулка нас не особо прельщала...

А вот и Харрас, ровно в семь, при полном параде, в форме, с кортиком, ордена, аксельбанты, сапоги...

– Вероятно, я смешон, коллега?... но там, куда мы едем, это необходимо! оооах!

Ему-то смешно!

– Вы что, собираетесь нас расстрелять?

– Нет! нет!.. пока нет!

Ладно! поживем – увидим!.. машина очень большая... не газогенераторная... на бензине!.. он сам садится за руль... на дворе сентябрь... прекрасная погода... в сентябре у них за городом все окрашивается в красный цвет, все листья... и похолодало уже основательно... едет он не так быстро... мы пересекаем Грюнвальд, повсюду вдоль аллеи – развалины вилл... потом еще один парк... затем луга... и наконец, бескрайнее серое поле... на котором, естественно, ничего не растет... оно все покрыто чем-то вроде пепла... не слыш-

ком привлекательный пейзаж!.. два... три дерева... какая-то ферма вдалеке... рядом с ней крестьянин, который, как мне кажется, пашет землю... Харрас замедляет ход и останавливается, он хочет нам что-то сказать...

Друзья мои, сейчас я покажу вам древнее гугенотское селение... Felixruhe! это там по дороге, налево... вы не слишком устали?.. пять километров! не больше!..

– Нет!.. нет!.. нет!

Мы полны энтузиазма!.. вперед к Felixruhe!.. дорога очень узкая!.. его «мерседес» едва помещается!.. однако добираться мы стремительно... представьте себе нормандскую деревушку, вроде Маркувиля, но пришедшую в полное запустение, на стенах и крышах не осталось живого места... все окна и двери заросли мхом и колючками... повсюду труха от соломы...

– Вот оно, гугенотское селение!

Путь дальше нам преграждает маленькая речушка, перебраться через которую невозможно... мост слишком ветхий и явно не предназначен для машины... мы останавливаемся... и сразу же оказываемся в окружении толпы... люди повылезали из всех щелей, с крыш, из хижин, с полей... старики, преимущественно старухи, и множество ребятни... остальные, должно быть, в поле или же мобилизованы... все босиком... а сколько эмоций!.. подходят... ощупывают машину... стекла... Харрасу это не нравится... pfoui! pfoui! он предлагает им разойтись!.. и вылезает из машины... мы все

уже на земле... зачем он нас сюда привез?... не на экскурсию же?..

Знаете, гугенотов теперь уже не осталось!.. это все поляки!.. вслушайтесь в их речь!.. славяне тут все заполонили! как у вас берберы в Марселе!.. еще бы!.. теперь и в Берлине одни поляки! и неудивительно!.. переселение народов!.. отсюда! туда!

Он показывает нам сначала на восток, а потом на запад!

– А вы вот так!.. с юга!.. на север!..

В Грюнвальде на подобные обобщения он бы не решился... даже в шутку... а здесь, судя по всему, он чувствовал себя куда раскованнее... как будто скинул с плеч какую-то тяжесть... но какую?..

– А теперь, дорогие мадам и мсье, будьте так любезны, подождите нас немного... мне нужно кое-что сказать вашему мужу... эти поляки воры, но, к счастью, очень пугливы!.. ждите нас в машине, и они не подойдут... а мы с вашим мужем немного побеседуем, пять минут, не больше!..

Я вынужден следовать за ним... с этими политиками всегда так: я должен сказать вам пару слов с глазу на глаз... прогуляемся!.. а нравится вам это или нет... вас никто не спрашивает...

– Ну и?

Я невольно смотрю на его огромный «маузер»... хотя эта пушка и является обычным атрибутом его наряда...

– Нет! нет! пока нет, Селин! ооох!.. мы только погово-

рим!.. в Грюнвальде это невозможно! в Грюнвальде всюду шпики! наверное, и вы заметили?

– Барышни, что ли?

– А как же! и микрофоны! не находили?

– Да я и не искал...

– Там всюду микрофоны! под столами!.. подо всеми столами!.. и подо всеми креслами!

Мы не говорили ничего предосудительного, ни я, ни Лили, ни Ля Вига... а они-то все могли слышать!.. но если уж на то пошло, что мы вообще могли говорить?.. да ничего! разве что спрашивать друг друга, что они с нами сделают?.. ничего особенного! абсолютно ничего... здорово мы все-таки вляпались!.. ну а сейчас куда он меня вел?.. узкая дорога становилась все шире... почти проспект... таких в наших деревнях не найдешь... чувствуется размах!.. а по бокам все те же полуразвалившиеся лачуги, ветхие и перекошенные... в окнах и трубах полно крапивы... очевидно, в них никто не жил... я спрашиваю у Харраса:

– Далеко еще?

– Конечно, он тучный, но достаточно ловкий... он же может меня...

– Какого вы года, Харрас?

– 1906-го, а что?

– Оно и видно!.. видно!.. вы превосходный ходок!

– Мы уже пришли! сюда!.. сюда!..

Он показывает мне... на церковь... такую ветхую, всю в

трещинах, как и все дома вокруг... судя по всему, ее не часто посещали...

– Взгляните-ка, Селин!

Я вижу над портиком... выгравированную дату... выгравированную на черном мраморном квадрате... 1695...

– Гугеноты, не так ли? а теперь здесь скоро будут русские! пока поляки, но это только начало!.. в конце концов, сюда явятся китайцы! переселение народов! ооох!..

– А микрофонов тут нет? – беспокоюсь я...

– Нет!.. микрофонов тут нет! еще не установили!

Харрас окончательно раскрепостился и почувствовал себя туристом! в иные времена он вполне сошел бы за Перришона⁸⁶...

– Взгляните на эту церковь, Селин, пятьдесят лет назад в ней молились по-французски...

У него есть ключ... но ключ не нужен... я просто толкаю дверь... мы осматриваем интерьер... сквозь стены церкви повсюду просачивается свет... трещин больше, чем кирпичей...

– Когда я сюда приходил в последний раз, колокол был еще на месте, наверху, а теперь...

Я вижу, что колокол валяется среди скамеек... но бомбардировки тут ни при чем... дожди и время сделали свое дело... ничего достойного внимания здесь не осталось... раз-

⁸⁶ Перришон – тип забавного буржуа, герой книги Эжена Лабиша (1815–1888) «Путешествие Перришона».

ве что несколько черных и голубых надписей... строки псалмов...

Господь Спаситель наш...

Распятый на кресте...

Здесь растут дикий виноград и плющ, они опутали колокол и кафедру...

– Вот!.. мы посмотрели!.. что же дальше? – спрашиваю я у Харраса...

– Теперь идем на кладбище!.. там нам будет гораздо спокойнее!..

Вот и кладбище, оно не в лучшем состоянии, чем церковь... здесь нет цветов, только огромные колючие кустарники... много могильных плит, на них можно прочитать имена... но они полустерты... мох, как губка, стирает имена... Харрас оглядывается вокруг... ах, вот например!.. «Ансельм Пренест»... «Николас Пардон»... рядом заросли крапивы... «Эльвира Рош Деррьер», а вот еще!.. «Феликс Робеспьо»!

– Именно он основал деревню! и построил церковь!.. Феликс Робеспьо!.. в Берлине их было слишком много!.. уже тогда проблемы с жильем!.. ооах!.. а там были и другие гугенотские деревни!.. дальше! они тоже разрушены!

Он показывает мне вдаль... на север...

– Но туда мы не пойдем!

Эти деревни на севере... дорог больше нет... остались од-

ни овраги... и колючие кустарники...

Мы садимся... надеюсь, теперь он начнет... это место действительно спокойное...

– Итак?

– Конечно, Селин, вы уже поняли... мне нужно вас как-то пристроить к делу... не только вас, вашего друга и мадам тоже...

– Естественно!

– Думаю, вы слышали или читали, что в нашем Reich'e все должны чем-то заниматься... будь то на передовой!.. или в тылу!.. чтобы не допускать пересудов!.. на некоторое время – еще куда ни шло... вы к тому же больны, инвалид, вы просто отдыхаете... ладно!.. ваш друг Ле Виган сумасшедший, то есть тоже больной, а вы его лечите... ладно!.. для актера это нормально!.. ваша жена за вами ухаживает... как вам это?

– Конечно, мой дорогой Харрас!.. но тогда нас всех отправят в больницу?..

– Нет!.. нет!.. совсем нет!.. вы отправитесь на отдых... все троим!.. в одно из наших Dienstelle⁸⁷... вот увидите, это наше так называемое «подразделение» недалеко отсюда, в ста километрах... сами понимаете, бомбардировки... все из-за них!.. это на севере!.. думаю, вам там будет хорошо, все троим... это в ста километрах отсюда, на севере... в Цорнхофе... в небольшом замке... вы там немного развлечетесь!..

⁸⁷ ** служебное подразделение (нем.).

барон-граф Rittmeister⁸⁸ фон Лейден! настоящий пруссак!.. больше, чем я! но в отличие от меня, законченный старый маразматик! ему 74 года! так что ничего удивительного! полная деградация... страдает параплегией⁸⁹! вы познакомитесь с его дочерью Марией-Терезой⁹⁰... она пианистка! оба прекрасно говорят по-французски! лучше, чем я!

– О нет! это невозможно, дорогой Харрас!

– Увидите сами! и полно поляков! больше, чем здесь! увидите!.. повсюду!.. да, забыл!.. его сын! на ближайшей ферме, безногий эпилептик!.. ооах!.. и еще невестка Изис, и внучка Силли... безногий не говорит по-французски... однако там не только поляки, сами увидите!.. русские тоже, за каждой свеклой!.. женщины... мужчины... пленные... добровольцы... русские, само собой, дезертиры... «власовцы»... в общем, большевики! коммунистические шпионы!.. о, но лучше всего это наши bibelforscher'ы... знаете, что это такое?.. «отказники от военной службы по религиозно-этическим соображениям»... вы все это сами увидите!.. и берлинские проститутки, весьма опасные особы, все больные сифилисом в «третичной» стадии, уже неизлечимые... вы их тоже увидите, они работают на железнодорожных путях, но не в Цорнхофе!.. в Моосбурге, неподалеку... их там сотни!.. там есть и коммунисты тоже!.. и французские рабочие... эти са-

⁸⁸ * ротмистр (нем.).

⁸⁹ Параплегия – паралич обеих нижних или верхних конечностей.

⁹⁰ Далее в романе Селин уже называет Марию-Терезу «сестрой» фон Лейдена.

мые яростные «антинацисты»!.. вы им не понравитесь... с ними поосторожнее! как только узнают, кто вы такой... вам не поздоровится!.. советую вам также остерегаться шефа нашего Dienststelle... Кретцера и его жены... я и сам не знаю, что за игру они ведут... когда-нибудь это выяснится... это совсем рядом с Моосбургом! время у вас будет!.. чтобы посмотреть Моосбург!.. его ведь еще не бомбили! там есть аптекарь, который тоже для меня не вполне понятен!.. это город Фридриха II, где он заставлял маршировать своих людей!.. держал их в ежовых рукавицах! ооах! он и город-то построил специально ради этого... там есть и площади для маневров, каждая размером с Вандомскую, их там пять или шесть!.. но вы не найдете там ни отеля «Риц», ни улицы де ля Пэ!.. ооах! своих слуг он приказывал бить хлыстом прямо там, среди площади! за серьезную провинность их забивали до смерти!.. дисциплина!.. в промежутках он играл на флейте и писал Вольтеру письма в стихах... стихи плохие, но все же... вам там не будет скучно! вы поправитесь... в Моосбурге есть небольшой музей... мадам фон Лейден вам все покажет, это жена безногого сына... думаю, она попросит вас давать ей уроки французского... о, она вовсе не уродина!.. и не калека, как ее муж... сами увидите!.. но здесь в Грюнвальде вам больше нельзя оставаться, это невозможно!.. Грюнвальд скоро опять начнут бомбить, а что будет дальше, я не знаю!.. я буду часто приезжать к вам в усадьбу... если, конечно, не помру!.. ооах!.. у вас там будет все для работы...

может быть, вы даже сможете практиковать... через пару месяцев... мы найдем для вас какой-нибудь завод... через пару месяцев... а Ле Виган мог бы работать, к примеру, санитаром?

— Да... да... конечно!

Мне было нечего сказать... но я совершенно не представлял нас в Цорнхофе...

— Только никому ничего не говорите... ни своей жене... ни другу... я сам отвезу вас туда, послезавтра... в среду, в полдень... на машине!..

— Договорились, Харрас! все понятно!

Что за таинственность!.. а может, он собирается отвезти нас вовсе не в Цорнхоф?.. я снова смотрю на кладбище, оно все заросло колючками... зачем он привел меня сюда?.. ему что, здесь нравится?.. возможно... именно по этой причине... есть что-то похоронное... во вкусах всех бошей... они в этом не признаются, но их туда влечет, тянет... я еще раз пытаюсь прочесть имена, скрытые под колючками...

— Уверен, что вы сами заметили, Харрас, ведь здесь в основном женщины!..

Да, Харрас, как и я, это заметил...

— Думаю, основной причиной в то время были роды!.. то же самое наблюдалось в Соединенных Штатах... у Айшеля есть очень интересная работа на эту тему... вы знали Айшеля?

Знал ли я Айшеля!.. этот государственный чиновник из

Нью-Йорка в свое время был большим поклонником Бальзака...

– Он написал очень интересное научное исследование на тему женской смертности в штате Нью-Йорк в конце XVIII века... Айшель!.. вы его знаете?

– Конечно!.. конечно, Харрас!

– Тогда на одного мужчину приходилось в среднем три женщины... это нормально для того времени... все мужчины женились по три-четыре раза... вполне нормально для того времени!.. в Нью-Йорке или в Берлине... а тех поляков из Felix здесь не хоронят, у них есть свое кладбище...

Он протягивает руку...

– Там, на востоке!.. далеко!.. но мы туда не пойдем!

Он указывает мне на рожицу в конце равнины... забавно, как многие и многие жизни легко умещаются на кончиках пальцев... всего один жест... между небом и землей...

Он подытоживает:

– Ну вот, дорогой Селин, все решено... в среду, в полдень!.. и ни слова... никому!.. ни единого слова!

– Могила, Харрас! могила!

Мне не совсем ясны причины этой таинственности, но ему виднее... стоит вам лишиться своего домашнего очага, как вы становитесь всеобщей игрушкой... все только и делают, что развлекаются тем, что вас пугают и наблюдают за вашей физиономией... любое событие оборачивается загадкой... поэтому я не совсем доверял Харрасу... эта странная

поездка в Felixruhe... на кой хрен мы туда потащились?.. никакой ясности!.. просто прогуляться?.. полюбоваться развалинами этой церкви?.. гугенотским кладбищем?.. ради этого он так вырядился, нацепил свой револьвер 31-го калибра, витые шнуры, аксельбанты, три свастики?.. чтобы сообщить мне это?.. про Цорнхоф?.. что мы должны туда переехать?.. наверняка это жуткая дыра!.. и люди, конечно, еще более злобные, чем здесь... кроме того, он меня сам предупредил насчет узников-«сопротивленцев»... весьма многообещающе!..

– Ты еще многого не знаешь, но все уже предусмотрено! осторожней!.. ты попался! все схвачено!..

Вот о чем я думал! но вслух я этого не говорил, я вообще ничего не говорил... я просто слушал Харраса... говорил он...

– Вот! мы осмотрели Felixruhe... а сейчас нужно снова закрыть церковь... хотя, может быть, это лишнее?

Она все равно была открыта со всех сторон... со всех! крапива и дикий виноград заполнили интерьер, покрыли все скамейки, колокол...

– Скоро о таких старых церквях начнут снимать фильмы! тогда их и отремонтируют! propaganda! propaganda! ooax!

– Кто?

Те, что придут после нас! главные места для проведения пропаганды! это церкви! даже для материалистов! атеистов!.. вот чего нам так не хватает: серьезных атеистов!

– Они появятся, Харрас! появятся!

Хотелось бы мне посмотреть, как русские будут перевоспитывать китайцев! заставят их поднимать колокол наверх!..

– Вы все увидите, Харрас! увидите! обязательно увидите!..

Я для него как подкрепляющее средство, я ведь оптимист!.. я снова пытаюсь вставить ключ... он проворачивается вхолостую... этот ключ уже отслужил свое! как и церковь... в ее стенах столько щелей... что и бомбы не нужны!

– Она едва держится, Харрас!

Ну, похоже, на сей раз все... он сказал мне то, что хотел... в среду мы переезжаем... хорошенькая история!.. секрет?.. но почему?.. он молчит... мы возвращаемся по другой тропинке... не по той, по которой шли сюда... почему?.. направляемся к его тачке... она достаточно громоздкая, такую стащить непросто!.. а, вон и она в конце тропинки... нет! самой машины не видно, она вся, сверху донизу, облеплена людьми, огромное скопление ног и задниц, настоящее нагромождение... даже на крыше машины!.. вся Felixruhe влезла на эту машину! сейчас они ее сожрут!.. теперь моя очередь смеяться! оказывается, он нарочно вырядился в сапоги, аксельбанты, изображая из себя пугало в золоте и серебре, чтобы заставить их всех держаться на расстоянии! магия власти! привет!.. они все просто спрессовались!.. их полно на крыше, на капоте и на колесах... а там внутри Лили, Ле Виган, и Бебер... я зову... два раза...

– Лили!.. Лили!..

Она мне отвечает... сквозь взрывы смеха... вокруг полно ребят!.. они все хотят посмотреть на Бебера... сгорают от нетерпения...

– Пепер!.. Пепер!..

Нам даже не подойти... и вдруг все резко меняется!.. Харрас, не говоря ни слова, достает свою пушку... свой здоровенный маузер... и птаф! птаф!.. начинает палить в воздух! выпускает всю обойму! а вот теперь они улепетывают!.. ну и драпают же! маленькие! большие! Харрас по-прежнему молчит... еще одна обойма!.. снова в воздух!.. птаф!.. Харрас не хочет, чтобы его доставали... даже воробьи!.. теперь дорога свободна, все пусто, больше никого... те так далеко, что их уже почти не видно... у самых деревьев... я спрашиваю у Лили и Ля Виги, что произошло... они ничего не украли?

– Нет!.. они хотели научить нас говорить по-польски и просили показать Бебера!.. *protche pani! protche pani!*

Кроме того, Ля Вига был совершенно уверен, что они его узнали!

– Представляешь, они мне сразу же: *franzouski! franzouski!*

В общем, все вполне безобидно... даже забавно... причиной всему великолепный «мерседес», Бебер и *franzouski*... а может, и вправду, все это только из-за Ля Виги?.. у него ведь такое выразительное лицо, просто «Христос на кресте»... возможно... как бы там ни было, но теперь можно ехать... больше ничто не преграждает нам путь!.. ан нет!.. еще две

девушки!.. совсем юные... а когда я оглядывался вокруг, их было не видно, они спрятались под самым нашим капотом, стоя на коленях... и заливаясь слезами...

– Mit! mit! mit! bitte!

Рыдают! просят, чтобы мы взяли их с собой! но Харрас против!.. он орет на них! о, да еще как!

– Осторожно!.. поосторожней с ними!.. vorsicht!.. те, что говорят по-немецки, самые опасные!

Тем не менее, он позволяет им говорить... странно, но они не боятся... ни «мерседеса», ни самого Харраса, ни его револьвера... и сквозь рыдания объясняют... их родители умерли, и в Феликсруе они теперь совсем одни, так что все мужчины только и думают, как бы их изнасиловать... а мужчины скоро вернутся с полей, где копают свеклу... их самих выгнали из дому, даже соломенные тюфяки у них украли... у них больше ничего не осталось... поэтому они очень хотят поехать с нами... чтобы работать на нас... делать все!.. все, что мы захотим!.. в поле!.. на кухне! неважно что!.. но только чтобы мы их отсюда забрали! мы даже можем убить их тут же на дороге, если не хотим взять их с собой! без колебаний! они показывают на «маузер» Харраса... рвут на себе одежду, стоя на коленях и показывая, куда стрелять... прямо в сердце!.. из этого здоровенного револьвера!.. без колебаний! но живыми они здесь не останутся!.. в сердце!.. в сердце!.. Харрас, вероятно, уже привык к подобным мольбам... его все это несколько не удивляет!

– Вы знаете, коллега, все это чистое вранье!.. выдумки!.. ни капли правды!

Тем не менее, он в нерешительности...

– Но все же, вот о чем я подумал... и это вполне серьезно! на прошлой неделе у нас в Грюнвальде забрали трех женщин... и увезли неизвестно куда!.. они тоже были польками...

Что ж, пусть подумает...

– Да!.. да!.. я вспомнил!.. они были прачками! их забрали на Восточный фронт!.. я вспомнил!..

Теперь он доволен!.. и обращается к ним:

– Nun!.. ernst! давайте говорить серьезно!.. waschen! wollen sie waschen?.. вы согласны стирать?..

– Ja!.. ja!.. ja!..

Все, что угодно!.. решено, он их берет...

– Komm!.. ладно, коллега, мы возьмем их с собой... но сперва их нужно обыскать!.. им нельзя доверять!..

Они поднимаются с колен, уже без слез... он их ощупывает... все их лохмотья... осматривает волосы... потом все складки... даже между ног... они не сопротивляются... согласны на все... он ничего не нашел... кроме вшей... которых показывает мне...

А вот этого у них там не будет!

Теперь он опять обращается к ним, пусть скажут, действительно ли они согласны?.. о, еще как!

Ja!.. ja!.. ja!..

Они просто счастливы!.. теперь у них льются другие слезы! слезы счастья! счастья!..

Ну ладно, живо!.. все – в машину!.. Лили, я, Ля Вига, Бебер и наши две девочки-прачки... я замечаю, что у них красивые волосы... вьющиеся, цвета пшеницы... теперь я рассмотрел их глаза, большие, бледно-голубые... ох уж эти славяне... славянский шарм... славянское очарование, очарование ножа гильотины, под который, обезумев, головой вперед, устремляются все буржуа вместе с пролами за компанию!.. в конце концов, это единственное, что их объединяет!.. разящее наповал опьянение! о, но Харрас вовсе не таков! он-то видит насквозь этих двух готовых на все хитрожопых шлюх, которых мы только что подцепили!.. никаких иллюзий на их счет у него не было!.. никакого славянского шарма! все было гораздо проще: в Грюнвальде не хватало прачек, так почему бы не взять двух этих шлюх, чем они хуже других!

– Следите за ними! чтобы они не подавали никаких знаков в окна! пусть сядут между вами!

А Ля Виге только того и надо... они уже улыбаются друг другу... уже не плачут и не просят... чтобы их убили... Харрас снова смотрит на дорогу... там никого нет!.. и в деревушке тоже... ни души!.. но он опять хватается за свой здоровенный «маузер», и птаф! всю обойму! в воздух!.. и еще одну!.. в направлении церкви!.. чтобы не вздумали явиться сюда поглазеть, как мы уезжаем... и только после этого он берет за руль... в путь!.. но метров через двести он тор-

мозит... выходит... и достает из-под сиденья великолепный пулемет... все запчасти, подставку, патроны... устанавливает его посреди дороги и начинает стрелять... тррратата! одну очередь... вторую... по Феликсруе...

— Знаете, коллега, эти люди только делают вид, что боятся... но они вас не боятся!.. если вы забудете выстрелить... это сделают они!.. вы думаете, у них нет оружия... нет, оно у них есть!..

Ну, теперь можно ехать... он снова садится за руль, и мы срываемся с места! его «мерседес» вовсе не относится к хилым газогенераторным машинам, он работает на настоящем бензине... в машине все притихли... даже Ля Вига, всегда такой галантный, внезапно погрузился в раздумья... о чем он думает?.. размышляет о возвращении в Грюнвальд?.. хотя я ему ведь ничего не говорил о том, что нас ждет... это я мог иметь задумчивый вид, у меня на то были причины... уж он бы меня понял!.. за окном смотреть было не на что... пейзаж еще тот... люди пашут, босиком, в основном женщины, польки, русские... земля Бранденбурга серая и коричневая... вся изрытая картофельными бороздами... такое впечатление, что ты находишься между небом и землей... впечатляет, конечно... просторы... а вот наши просторы не такие мрачные, в отличие от этих... но не об этом же думал Ле Виган... хотя?.. впрочем, какая разница!.. а дорога, между тем, совсем не располагала к размышлениям!.. можно подумать, ее специально усыпали булыжниками, чтобы нас по-

сильнее трясло! вверх! бам!.. бум!.. вниз! еще одна выбоина!.. тррах! головами в потолок! и еще раз тррах!.. а как веселились малышки-прачки!.. молодость быстро обо всем забывает... тут же начинаются взрывы смеха!.. тумачков уже никто не замечает!

– А в Берлине?

Я говорю на ломаном немецком...

– Nein! nein!

Эти девочки вообще не избалованы...

– Вы уже были в Берлине?

– Nein! nein!

К счастью, у Харраса достаточно сильные руки, чтобы держать руль, здесь это было необходимо... рытвин все больше!.. он виляет между ними! теперь эта махина почти летит! на полном ходу над этими впадинами! на повороте чуть медленнее!.. мы мчимся, как угорелые! он напевает:

Vater! o Vater!

Настоящий ольховый король!

– Это необходимо, дорогой Селин! необходимо!.. это не шутки!

Шутки или нет, но сейчас мы во что-нибудь врежемся!.. или перевернемся!.. мы уже почти приехали!.. длинный спуск... полей уже не видно... одни развалины... спра-

ва и слева... и еще мостовые... теперь я узнаю... это Грюнвальд... выпотрошенные виллы, свисающие балконы... вот мы и дома! Reichsgesund... здесь уже и правда не до шуток!.. пусть теперь наши барышни нам что-нибудь споют!.. Харрас такой толстый и тяжелый, но очень шустрый... выпрыгивает из машины... еще прыжок!.. и открывает дверцу...

– Пока все оставайтесь здесь! и ждите!

Он приказывает лейтенанту Отто сходить и привести кого-то... какую-то frau?.. такого имени я не знаю... вот и она... эта frau... никогда ее раньше не видел, седая, довольно полная, в голубой форме... от одного ее вида всякое желание веселиться окончательно пропадает... очевидно, это какая-то начальница... Харрас представляет ей наших барышень... но только наши барышни ее увидели, как тут же упали на колени! и начали опять ее о чем-то умолять... повторяется та же сцена, что и в Феликсруе... а эта женщина в голубом, вероятно, главная прачка, сразу же обращается к ним на их родном языке, по-польски... они отвечают сквозь рыдания, больше им не до смеха!.. по-прежнему на коленях... но вот там! там!.. они указывают на машину, там у них что-то есть! там!.. они хотят ей это показать... нет! не там!.. сзади! дальше!.. еще!.. в багажнике?.. но что?.. у них ведь ничего не было!.. никто не видел, чтобы они что-то клали в багажник... мы все идем туда... вся охрана, лейтенант Отто, все Volksturm, фрау Х и мы... чтобы наши барышни вдруг, чего доброго, не вздумали сбежать! и чего там только нет, у нас в

багажнике!.. сначала мы достаем оттуда шесть болтов... потом три шины... все вытаскиваем... и что они могли там спрятать?.. в глубине багажника?.. а, ну вот! пакет! большой! из лохмотьев!.. а внутри – малыш!.. дрыхнет себе!.. мальчик!.. они положили его так, что никто и не заметил... и досталось же ему!.. но он не жалуется... он закутан, завернут в рваное тряпье... увидев нас, он сразу начинает смеяться...

– Сколько ему лет?

Барышни не знают... наверное, года три... три с половиной...

– Чей он?

– Это мой брат!

Харрас вмешивается:

– Они лгут! постоянно! все!.. во всем, коллега!.. постоянно!

– Как его зовут?

– Томас!

Томас смотрит на нас... его ощупывают... вертят, слушают... сердце здоровое, лимфатические узлы в норме, рахита нет, вполне крепкий мальчуган... его очень смешит то, что его щупают... смотрят ему горло... ничего!.. фрау тихонько говорит с ним по-польски... он снова смеется... забавный малыш... он показывает им... и нам тоже!.. ему что-то нужно!.. что?.. мы опять возвращаемся туда!.. в глубине этой дыры... в глубине багажника... рука куклы!.. вот это ее он хотел взять!.. берет и уходит с ней... он неплохо держит-

ся на ногах для своего возраста... трех или трех с половиной лет... он покорно идет туда, куда ему велят, он послушный ребенок... чуть покачивается... он же много путешествовал!.. он идет босиком по булыжникам, протягивая нам руку своей куклы... потом главной начальнице, потом Харрасу, а потом Volksturm... чтобы мы тоже могли поиграть! его ведь так трясло в этой машине, наверняка он весь в ссадинах!.. его опять осматривают... два-три небольших синяка, и все!.. крепкий мальчуган!.. Харрасу все это уже надоело, все эти девичьи слезы, пусть они поднимаются с колен, забирают своего малыша и проваливают отсюда!

– Frau Schvartz! bitte!

А, ну все ясно... Шварц... ее зовут Шварц... она должна всех увести!..

– До свиданья, Томас!

Все-таки мы не зря съездили в Феликсруе... привезли оттуда персонал...

– Я слишком быстро вел на обратном пути, не так ли?

– Да, довольно-таки быстро!

– Но больше это не повторится... просто так было нужно!

Что ж, на сей раз обошлось без несчастных случаев... и ладно...

– Отто, прошу вас!.. butterbrotschen!.. сэндвичи... принесите подносы!

– Прошу вас, мадам!

Я вижу, что Ля Вига хочет мне что-то сказать...

– Позже!... позже!...

* * *

Уверяю вас, такие болезни, как лихорадка, кашель или колики, могут распознать все, их симптомы общеизвестны... но врача интересуют только самые тонкие характерные детали... я никогда не был моралистом, к тому же, я приближаюсь к тому возрасту, когда воспоминания о разных пережитых мной подлостях, вполне заурядных или из ряда вон выходящих, только наводят на определенные размышления... кстати, меня часто упрекают в том, что я слишком распространяюсь про свои несчастья, что это стало моим обычным состоянием духа... «Фу! это же смешно, можно подумать, он единственный, у кого есть неприятности, он просто зациклен на себе!..» трепачи поганые! так-то оно так, но все-таки!.. сколько каждый день я получаю писем с оскорблениями? от семи до восьми... а писем с безумными восторгами?.. почти столько же... хотел бы я совсем ничего не получать? естественно! и говорить не о чем!.. я всегда был, есть и останусь анархистом, и мне совершенно плевать на мнения!.. конечно, я не единственный, у кого есть «неприятности»! но как другие распорядились этими своими «неприятностями»? они записали их себе в актив, с тем, чтобы потом во всем обвинить меня! показать всем мою якобы истинную сущность... замечательный материал для всякой своло-

чи, каким просто грех не воспользоваться!.. и уже воспользовались... и те, что рядом, и те, что на противоположной стороне... я имею в виду врагов... на полную катушку!

«Опять он жалуется!»... но черт побери, говорю вам, это еще не конец! таких больших стен плача, как у меня, еще никогда и нигде не было! за две тысячи лет!.. смотрите и восхищайтесь!.. хотя Китайская стена гораздо старше!.. того и гляди, обвалится, и вы рискуете оказаться под ней, в кирпичной пыли...

Но не будем опять слишком отвлекаться!.. мы же были в Грюнвальде... фруктовый сок, сэндвичи, минеральная вода... черная икра... мармелад... цыпленок... можно сказать, нам устроили пир!.. что за этим скрывалось?.. но даже такому человеку как я, страдающему головой, было не под силу справиться со сном на таком мягком и с такими огромными подушками диване...

Где-то часа через два-три появляется Харрас...

– Коллега, извините, что я вас разбудил, но это необходимо!.. простите меня! мне нужен ваш диплом! я забыл! ваш медицинский диплом!.. нужна копия!.. фотокопия для министерства! чтобы вы получили «разрешение практиковать»!.. я сделаю эту фотокопию! сам! сейчас же!.. она нам нужна к завтрашнему дню!

– Конечно!.. конечно, Харрас!

Он в пушистом халате, зеленом с красным... я вскакиваю... он говорит со мной очень тихим голосом... я вижу,

что Ля Вига исчез... должно быть, отправился спать... Лили здесь, тоже спит... я роюсь в сумке с нашими бумагами... у меня их не так уж много!.. ах, вот и он!.. мой диплом!.. 1924!.. на обороте стоят печати комиссариатов... все из разных мест! это как «снежный ком»!.. я навлекаю на себя одни неприятности... мне никто не доверяет...

– А сейчас сходим в лабораторию!

– Где это?

– Ниже... двумя этажами ниже!.. только тише!..

Он не хочет будить Лили... что это еще за лаборатория... куда он собирается меня вести?.. не знаю, что и думать... будь моя воля, я бы вообще с места не сдвигался... чтобы подстраховаться...

– Ладно, Харрас! пошли! Лили, я сейчас вернусь, только схожу с господином Харрасом двумя этажами ниже... снять копии... и обратно...

– Никакого доверия! – замечает Харрас...

– Да, дорогой коллега, какое уж тут доверие!

Ооох!.. опять я его рассмешил...

– Внизу мы сможем поговорить! там нет микрофонов!.. ни одного микрофона!.. чертов Селин!

Чертов Харрас, я не собираюсь создавать ему проблемы... я ведь тут в качестве шута... он ведет меня по узкому коридорчику... лифт... двумя площадками ниже... просторная зала, полная радиоаппаратуры, вероятно, для получения «радиограмм»...

– Харрас, вы прямо как Али-Баба!.. глубокие пещеры, всюду сокровища! может, здесь где-то спрятались еще и другие Харрасы? я хочу все знать!

– Конечно, Селин! конечно! но сперва займемся вашим дипломом! разрешите мне!

Мы подходим к аппарату... тюк!.. и готово!.. так! так! так!.. три копии моего диплома! с подписями комиссаров...

– Ну вот, Селин, мой недоверчивый друг! видите, я же вам его возвращаю!.. я все делаю быстро!

– Спасибо!.. спасибо!..

Я складываю его в четыре... в восемь раз... и засовываю в одну из моих сумочек... а их у меня на плече висит четыре... я с ними никогда не расстаюсь, даже сплю с ними... вы ведь знаете, что, как только начинаются беспорядки, все воруют чужие документы... стоит вам оставить свое свидетельство о рождении на столе или на стуле, и вы его больше никогда не увидите!.. зато вместо вас где-то появится какой-нибудь хмырь, который возьмет и станет вами... я сейчас пишу это у себя дома в Белью, откуда мне открывается вид на сто тысяч домов и миллион окон... а сколько там скрывается хитрожопых личностей, живущих по документам, которые им не принадлежат?.. сколько типов, не являющихся теми, за кого их все принимают?.. присвоивших чужие жизни, чужие места рождения?.. они и умрут не самими собой... а случись еще четыре, пять подобных заварушек, плюс одна основательная атомная бомбардировка, тогда вообще все ли-

шатся своих документов, вообще не останется людей, которые являются сами собой... появится пятнадцать... а может, даже сразу двадцать пять Детушей, докторов медицины... желтых... красных... франш-конте... берберов... по-настоящему серьезные, глобальные миграции осуществляются посредством кражи документов, при этом желательно, чтобы подмена была полной и кража сопровождалась убийством, причем таким, после которого от индивидуума ничего не остается, то есть желательно расчленение «подлинника»!.. глухое молчание!.. сколько людей затаилось во всех этих домах?.. полчища фальшивых ксив!.. ими заполнена вся перспектива, аж до самой Сакре-Кер... сходите, постучитесь: тук! тук!.. в тысячи дверей...

– А вы действительно тот, за кого себя выдаете?

Это все равно, что отправиться в Лувр выявлять «подделки»... детские игрушки!..

– Мне же не до шуток!.. я рассказывал вам о фотокопиях и о том, что диплом он мне вернул...

– Селин, вы наверняка знаете, что в администрации Reich'a все ужасно педантичны... а я собираюсь направить запрос в Министерство внутренних дел... чтобы вы получили «разрешение практиковать»... министр должен высказать свое мнение... впрочем, все, вы меня слышите, Селин, абсолютно все чиновники Министерства внутренних дел являются антинацистами!.. даже сам министр! и все служащие! без исключения! как если бы все актеры были недовольны

пьесой, в которой они играют! она вызывает у них ужас!.. в каждом театре!.. без исключения!.. даже ярость! все они анти! но вам ведь все это известно!

– Ну так и что?

– Да они сделают все, чтобы ваше досье потерялось... и ваше «разрешение практиковать» тоже!.. вы будете ждать один... два месяца... даже год...

– А нас правда никто не слышит?.. вы мне правду сказали, Харрас?.. точно?.. никто?

– Нет!.. нет!.. давайте!.. если хотите!.. говорите!.. здесь нет ни одного микрофона!.. не установлены!.. пока нет!.. но скоро будут!..

– Ну ладно, Харрас, поскольку вы мне это разрешаете... я бы очень хотел узнать, как ваш Рейх еще держится?

– Точно так же обстоят дела во всех сильных государствах, Селин!.. всюду война!.. всюду заговоры!.. Рейх держится исключительно на ненависти!.. ненависти между маршалами!.. авиация ненавидит танки!.. Гитлер не изобрел ничего нового!.. военный флот ненавидит нацистов!.. Министерство внутренних дел ненавидит Министерство иностранных дел... сотни одних камариллий против сотни других... а как бы, по-вашему, могли иначе удержаться Афины, Рим, Наполеон?.. вы же все это проходили, Селин!

– Конечно, Харрас!.. но порой бывают нужны и фанатики...

– В «Сигнале» Геббельса⁹¹ достаточно фанатиков!.. а вот на улице их очень мало...

– Ну, а на войне?

– Война – это ведь арена, не так ли... а арены созданы для того, чтобы на них умирали... вы согласны?

– Абсолютно!

– Знаете, Селин, что я вам скажу, две зимы я отслужил на фронте... на польском... затем на Украине... главным врачом, а потом полковником... я видел, как умирали множество солдат, от ран, от холода, от болезней... думаете, они умирали счастливыми? конечно, и такое возможно... от сознания избавления от страданий!.. но не более того!.. нам необходимы другие солдаты, другие люди!.. вот!.. и вам тоже!.. ваши последние солдаты погибли в 17-м, наши тоже!.. а вот для русских, кажется, все еще не кончился 14-й год... у них не солдаты, а какие-то сомнамбулы... позволяют себя убивать, не понимая этого... но долго это не продлится... потом, на следующей войне, увидите... и до них наконец дойдет!.. наши солдаты в 14-м году тоже бросались на французов!.. а теперь они предпочитают наблюдать... в цирке, и более того, сидя в амфитеатре... все превратились в вуайеров!.. полный разврат!

⁹¹ «Сигнал» – периодическое издание на французском языке, выходившее во время войны два раза в месяц и издававшееся немецкими пропагандистскими службами, во главе которых стоял Геббельс.

– По этому поводу, мой дорогой Харрас, еще Монлюк⁹² писал...

Тук!.. тук!.. тук!.. стук в дверь...

Это седая надзирательница... хочет с ним поговорить... подходит... они шепчутся... у нее весьма недовольный вид... а у него напротив!.. тсс! тсс! тсс! говорит он ей... как бы ее успокаивая...

– Я сейчас же все выясню! сейчас же выясню!

Он поворачивается ко мне...

– Эта женщина шокирована!.. но такова уж человеческая природа, вам-то это известно, дорогой коллега, природа!.. а она старая дева!..

Я уже забыл про Монлюка... опять какой-то скандал!.. Природа?.. чья?.. где?.. что еще?.. правда, я кое о чем догадываюсь... мы снова идем по узкому коридору... два лифта... и оказываемся у комнаты Ля Виги, у его гарсоньерки...

– Мсье Ле Виган! вы здесь?

– Да уж, полагаю, что здесь! и не один!

Я так и думал!..

– Ну и прекрасно!

– Харрас уже в курсе... кажется, его это развлекает...

– Можно войти?

– Прошу вас!.. только толкайте сильнее!..

Харрас толкает... и я вижу... точнее, мы видим... Ле Ви-

⁹² Блез де Монлюк (1502–1577) – маршал Франции, автор знаменитых «Мемуаров», которые Генрих IV называл «Настольной книгой солдата».

гана в розовой пижаме, развалившегося, улыбающегося... и наших двух польских девушек, молящихся на коленях, под распятием у противоположной стены... интересно, где они взяли распятие?..

– Вот видите, господа, вера есть вера!.. существуют варвары, продолжающие сокрушать алтари! разорять и грабить святыни! но есть еще и люди, принадлежащие к другой расе, профессор Харрас! они, напротив, подбирают обломки!.. пытаются все спасти! взгляните на меня, профессор Харрас! я тоже спасаю! я как раз из таких!

Мы смотрим на него... в розовой пижаме... теперь он взгромоздился ногами прямо на софу... говорит, и это его еще больше возбуждает...

– Профессор, что вы видите в этой сырой яме?.. настоящий алтарь!.. здесь молятся девочки-сиротки! о том, чтобы поскорее закончились все поражения, победы, потопы! эти грустные ясли символизируют собой невинность!.. Иисус с нами!

Ну дает...

И действительно, их Томас, завернутый в одеяла, спит тут же, в кресле... однако все это очень мало волнует Харраса!.. он замечает лишь одно...

– Взгляните, Селин, как интересно! мы как раз обсуждали с вами человеческую природу!.. вот эта розовая пижама принадлежит мне, хотя я и не решался ее на себя надеть, поэтому надзирательница дала ее ему!.. кстати, она ему очень

идет!

Ле Виган смотрит на нас, кажется, он удивлен, что мы находим все это совершенно обычным... ну и? что же дальше?... настоящее представление! раскинутые руки! вылитый Христос!

Харрас делает вывод:

– Он обольстил надзирательницу!

Я ничего не отвечаю... пусть готовятся к тому, что он обольстит тут всех, и не только тут, если постарается... однако эта надзирательница весьма чувствительная особа... так ли уж она фанатично предана нацистам?... или же симпатизирует полякам?... я навожу справки у Харраса...

– Мне известно немногое, она из Брно, из Моравии, Gross Deutschland... вы не знаете Брно? в Брно есть все! нацисты! судеты! австрийцы! русские!.. те, что против всех! и поляки тоже!.. теперь она с нами... она очень хорошо работает в прачечной, весьма строгая особа... и обожает розовые халаты... фанатичка?... возможно... будущее покажет!.. будущее, мсье Ле Виган!

– Мсье Ле Виган, должно быть, курит?

– Конечно, мне иначе просто нельзя!

– Для такого артиста, как вы, это естественно! я и то курю без остановки! чтобы отвлечься от своих забот!.. а вы просто вылитый Христос!..

Ля Вига слезает с дивана и принимает новую позу... вот он уже с сигаретой, нога на ногу, светский лев... две поль-

ки кончают молиться... встают... и садятся напротив Ля Виги... они тоже хотят покурить!.. Харрас предлагает им пачку... две пачки «Лаки»... барышни вне себя от восторга... безумный смех!.. их волосы уже вымыты, они действительно завиваются, причем естественным образом, длинные, очень длинные... а после того, как они еще кокетливо прибрали свои лохмотья, они вовсе не выглядели грязными замарашками!.. забавно!.. настоящие Эсмеральды!.. без Ля Виги тут точно не обошлось... я их очень хорошо себе представлял на площади Тертр... Харрас продолжает свои размышления...

– Коллега, нам нужно поговорить... нужно внести кое-какие коррективы... а вы, друзья мои, не курите слишком много! лучше понемножку!.. и сделайте себе побольше сандвичей!

Он жмет руку Ле Вигану... обнимает двух девушек... и даже Томаса в кресле, который только что проснулся... мы поднимаемся на следующий этаж... в какую-то пустую комнату... он плотно прикрывает за собой дверь...

– Селин, мы уезжаем завтра утром... до полудня... надеюсь, вам все понятно?

– Естественно, Харрас!

– Я не доверяю этой старой деве... она специально провоцирует бедного Ле Вигана, и об этом могут узнать в Канцелярии... конечно, это не страшно! но нежелательно!.. нам уже достаточно скандалов!.. девушки – это еще куда ни шло, но тут еще эта старая сумасшедшая! и моя розовая пижама!

я ведь ее ни разу не надевал! все это будет донесено в Канцелярию, вы понимаете? и с комментариями!.. представляете, как я буду им это объяснять?.. еще и это распытие!..

– Представляю, Харрас! очень хорошо себе представляю!

* * *

На следующий день ровно в полдень, действительно,... подъезжает большой «мерседес»... снова сцена прощания, все обнимаются... маленькие польки и Ле Виган плачут... сплошные сантименты... надзирательница тоже плачет... Volksturm тоже... они уже привыкли к нам... а вот и барышни машинистки, нагруженные букетами... хризантемы, плющ... маргаритки, почти целые венки... мы складываем все в «мерседес»... вырываемся из объятий... Харрас отправляется в путь... так!.. по другой дороге, не той, что на Феликсруе... направление – северо-восток... вот и указатель, до Моосбурга сто километров, ошибиться невозможно, направо, на северо-восток... дорога когда-то, наверное, была хорошая, но теперь вся в выбоинах... даже опасно... Харрас, к счастью, едет не так быстро, проезжаем пригород... еще один... поля... свекла... люцерна... местность не холмистая... почти равнина... на скорости двадцать километров в час мы ничем не рискуем!.. вдали слышны сирены... далеко... тревога... конец тревоги... разрывы бомб... бомбы – это сердце войны!.. бууум! уууууу!

– Через пятнадцать дней здесь начнется кое-что посерьезнее... вы этого не увидите!..

Я ничего не отвечаю... я думаю про этот Моосбург, представляю, как нас там примут! особенно с этими здоровенными букетами!.. я не люблю деревню, и могу объяснить почему... там обычно всех встречают с подозрением, а уж тем более таких, как мы... да еще в Пруссии... хотя уверен, что во Франции все было бы намного хуже!.. а в Моосбурге?.. высокое покровительство Харраса вряд ли нам поможет... разве что кормить будут еще хуже... а были ли иллюзии у самого Харраса?.. сомневаюсь... просто он решил от нас отделаться... у него просто не было выбора... а эта деревушка, куда мы едем, наверняка жуткая дыра!.. он показывает мне на карте: Цорнхоф... нужно запомнить это название: Цорнхоф... но карта тут ни при чем, мы должны были исполнить свою роль в этой трагедии!.. хотя лично я бы предпочел роль статиста, всего лишь статиста... через пятнадцать дней здесь начнутся ужасные бомбардировки, это мы уже слышали... правда, я никак не мог понять, почему... в общем, мы попали в весьма неприятную ситуацию!

Но даже если едешь очень медленно, все равно когда-нибудь приедешь... вот, я уже вижу город...

– Это Моосбург?

Да!.. мы ехали три часа... говорил же он, что это очень живописное место... и действительно!.. три, четыре Вандомские площади, и все в одной субпрефектуре, они были нуж-

ны Фридриху, чтобы устраивать учения своим канальям... и казни тоже!.. маневры, взмахи жезла и даже то, как орудует палач во время колесования, были видны изо всех окон... чудное зрелище!.. думаю, такое возбуждает в тысячу раз больше, чем жалкие картинки, что показывают у нас в темных залах... народ это обожает... смотреть на марширующих пехотинцев! любой писатель вам подтвердит, что завести публику не так просто... чтобы вам аплодировали хотя бы три первых ряда в партере... а уж какую шумиху нужно для этого поднять!.. пьяные оргии, анонсы – на первых полосах, билетерши, показывающие стриптиз, а лакеи – атлетические состязания!.. и прочая хренотень!.. вам никого не удастся заставить прийти в зал, если там не будет литься настоящая кровь, и на сцене не будут валяться кишки!.. вивисекция!.. и полная сцена внутренностей!.. желательно еще и агония, да! вот на гладиатора смотреть не скучно! особенно на выпотрошенного гладиатора!.. настоящий кайф!.. я уже представлял себе, как нас запрягают в огромную колыхагу... у каждого на плече клеймо – 75-я статья...

– Селин, вижу, вы замечтались!..

Я ничего не отвечаю... я ничего не говорил с самого Грюнвальда... и двое моих спутников тоже...

– Надеюсь, в Моосбурге не слишком тоскливо...

– Я стараюсь быть вежливым!

– О, вы будете часто сюда приезжать! Цорнхоф совсем рядом!.. в семи километрах... хорошая прогулка! но сперва я

представлю вас Landrat'y⁹³...

– Он останавливает машину...

– Но прежде я должен вас предупредить, граф Отто фон Зиммер далеко не молод... и характер у него не очень хороший... он ландрат «в силу обстоятельств», если так можно выразиться! выходец из прусской аристократии, его отец был гувернером всех отпрысков великого герцогства «Северный Шлезвиг»... на прошлой войне он был полковником, прошел Верден уланом в пехоте, был ранен при Дуомоне, он хромает, увидите сами, и он не любит ни французов, ни русских, ни нацистов, ни поляков, никого... хотя, я думаю, что он все же любит баронессу фон Лейден... вы познакомитесь с ней в Цорнхофе... вам будет интересно... но лучше ей об этом не говорить... а меня он ненавидит, во-первых, потому что я моложе, во-вторых, потому что я врач, в-третьих, потому что я эсэсовец, и наконец, потому что я встречаюсь с баронессой... и тем не менее, я вас с ним познакомлю, это необходимо...

Ну так вперед!.. еще одна большая площадь!.. потом еще одна!.. вот и приехали!.. два пожилых охранника в штатском... винтовки системы Шаспо, нарукавные повязки... это особняк ландрата...

– Подождите меня!.. я зайду, скажу ему... и он к вам выйдет!.. если, конечно, захочет!..

Часовые отдают нам честь! Харрас проходит мимо них,

⁹³ Landrat (нем.) – ландрат, окружной начальник.

поднимается... через десять минут спускается вместе с ланд-
ратом... этому старикашке не меньше семидесяти, он очень
плохо выбрит и далеко не в лучшем настроении, ворчит...
он вышел посмотреть... кто мы такие?.. я и эти двое... сухое
приветствие и здарсьте!.. здарсьте! по-французски... я ви-
жу его лицо совсем близко, морщины, щетина... не лишен-
ное шарма и даже по-своему красивое... что-то женствен-
ное, красота старой женщины... серые глаза, совершенно се-
рые... о, да у него твердый взгляд, не такой уж он старик...

– Они едут к фон Лейденам?

– Да, я их туда везу!

– Gut!.. gut!

Жмет нам руки... вот, собственно, и все!.. короткое воен-
ное приветствие!.. кланяется Лили... поворот!.. он возвра-
щается к себе... поднимается по ступеням... ему тяжело...
он хромает даже сильнее, чем я... наверное, перелом бед-
ра... уходит... да, я же не описал вам его наряд... полков-
ничий доломан с петлицами, обшитыми шнуром... сапоги с
золотыми каблуками, и еще золотые шпоры, усы как у Виль-
гельма II, но реденькие, какие-то две ниточки...

– Он бы неплохо смотрелся в балете!

– В каком балете?

– В русском балете, из тех, что представляли в Шатле в
1912-м!

– Вы так думаете?.. вы еще не видели того, что в Цорнхо-
фе! тот еще больше подошел бы для вашего балета!.. и он

еще старше!.. этот просто ничто в сравнении с тем!

– Многообещающе!.. ну так в путь! этот Моосбург совсем небольшой городишко, несмотря на свои площади, что напоминают Вандомскую... раза в четыре меньше Шартра, но в совершенно ровном поле, вокруг только песок и гончарная глина... скота почти не видно, и даже лугов нет... пруды, тростники... зато масса гусей, уток, пулярок!.. даже в самом Моосбурге, полные улицы...

– Но сейчас их нельзя есть! verboten!.. запрещено!.. позже!.. потом!.. только после Рождества!..

– Да ладно, Харрас! мы ведь вообще едим очень мало!.. мы к ним и не притронемся!.. даже после Рождества!

– Гуси не так опасны, Селин! но с этим старым шутлом гороховым советую быть поосторожней!

– С Зиммером?

– Я ведь неспроста вас ему представил...

Ну вот мы и на месте!.. это Цорнхоф! пока только гуси! одни гуси!.. они взлетают с каждой лужи... несколько коров... очень большой парк... в конце которого небольшой замок с круглыми башнями... мы на месте!

– Этот парк проектировал Мансар⁹⁴... еще до Отзыва⁹⁵!..

⁹⁴ Франсуа Мансар (1598–1666) – французский архитектор. Считается предтечей французского классицизма. Именно он первым стал активно использовать мансарду.

⁹⁵ Имеется в виду Отзыв Нантского Эдикта, подписанный в 1685 году Людовиком XIV. Как известно, сам Нантский Эдикт был подписан в 1598 году Генрихом IV, он положил конец религиозным войнам и гарантировал всем протестантам

здесь нет гугенотов!.. фон Лейдену лютеране!.. семья, у которой есть замок, герб и голубятня!

Мансар, действительно, выбрал лучшее место на этой равнине, почти полностью покрытой желтой грязью и пеплом... что за роскошные деревья!.. в этой плавно изгибающейся аллее, обрамленной прекрасными стройными ясенями, вы невольно начинали верить, что все будет великолепно... и Харрас со своей внушительной тевтонской внешностью тоже это очень хорошо понимал...

– Здесь настоящий Версаль, Селин! с этой стороны замка!.. а с другой стороны – степь!.. Россия!.. восток!

Он идет с нами мимо зданий, мимо небольшого пруда... действительно, с одной стороны здесь настоящий Версаль... большая полукруглая мраморная лестница... с двумя бронзовыми львами... а с другой стороны – равнина... степь, как он и сказал... и в самом деле, бесконечная равнина...

– До самого Урала!

На опушке растут очень высокие дубы... и всюду – пруды... а прямо под окнами, со стороны равнины, то есть со стороны Урала, мы замечаем небольшое болото, полное грязи и тины... должно быть, там велись работы...

– А теперь давайте посмотрим интерьер!.. что они там для нас приготовили! но сперва нанесем визит Rittmeister'у! я прав, коллега?

– Конечно! конечно, Харрас!

– Риттмайстеру графу фон Лейдену!

Он говорит очень громко... графа я не вижу... зато вижу двух... даже трех девочек, которых наш приход очень развеселил! безумный смех!.. они все босиком и одеты в лохмотья... но они не грустят! все босоногие и простоволосые... им должно быть, лет по десять... двенадцать... наверное, польки или русские...

– Маленькие украинки!.. это горничные, у него их пять!.. они его развлекают! он иногда их порет! смеха ради! и они его секут! тоже ради смеха!.. у них прекрасные отношения! он вовсе не такой злобный, как тот, кого вы только что видели! он строг только со своим псом Яго!.. вы еще увидите этого Яго!..

Девочки отпирают нам двери... они делают это впятером... а уж как они веселятся! буквально давятся со смеху! двери такие большие! просто монументальные! ведь смеяться можно над чем угодно!.. а уж над нами особенно!.. ах, вот и он в своем кабинете, этот риттмайстер!..

– Bittte! bitte! Kindern! дети!

Пора им утомониться! он напоминает им об их обязанностях!.. пусть займутся нами! они забирают наши рюкзаки, сумки... включая сумку с Бебером... Харрас делает им знак...

– Ruhe!.. успокойтесь!

Но старик, стоя у стола, умоляет его... чтобы с девочками не обращались грубо!.. хотя они и невыносимы, эти малень-

кие девчонки!.. щиплются, спорят, кто первой погладит Бибера... вот нашли себе занятие!.. но пора нам представить барону фон Лейдену!.. о, он гораздо вежливее, чем ландрат!.. и говорит по-французски, он учился в Сорбонне еще до войны 70-го года... он хочет рассказать нам про Париж, даже привстает от волнения... ох, ну и поразвлекся же он там! он снимает свой колпак, голова у него абсолютно лысая, он раскачивается туда-сюда, так он развеселился, кажется, у него плохо действуют ноги, но он ведь тоже кавалер, как и тот ландрат из Моосбурга, тоже улан, и именно таким он и был в Париже! он нам это показывает! вот так! так!.. он был чемпионом по вальсу!.. он и сейчас кое-что умеет!.. и еще в Ледовом Дворце!.. он показывает нам, как вальсировал и катался на коньках!.. демонстрирует!.. разбегается на подгибающихся ногах и по диагонали катится через огромный кабинет!.. и при этом напевает, изображая оркестр!.. девчонки опять покатываются со смеху! ах, он вовсе не похож на ландрата!.. он скользит, хватается за стул... даже нас рассмешил!.. а пять девчонок катаются по полу, чуть не описались со смеху, какой он забавный, когда начинает вести себя как сумасшедший! он натывается на мебель... от кресла к креслу! да уж, и вправду забавный!.. и вдруг внезапно все, конечно, он останавливается, они слишком много смеются! он неподвижно застывает на подгибающихся ногах в задумчивой и гордой позе... ах да, ему еще нужно показать нам наши комнаты!.. хватит шутить! мы с Ля Вигой и Ли-

ли следуем за ним!.. на осмотр!.. вперед!.. о, как он устал!.. он слишком много вальсировал!.. я вижу, что он весь скорчился, почти как ландрат, но все равно он не такой раздраженный и злобный, совсем нет, он по-прежнему само радушие... он строг только со своей собакой, как Харрас мне и говорил... а теперь – в наши комнатухи!.. поднимаемся... он тоже, хотя и с большим трудом... здоровенные каменные ступени... вот!.. совсем круглая камера, темная... железная кровать, раковина, кувшин, и все... это гораздо хуже, чем в Грюнвальде, что-то среднее между монастырем и тюрьмой...

– Не обращайтесь внимания, Селин, это же временно!..

– О, конечно, Харрас!

Я не собираюсь на него дуться, и Лили тоже! ну а для Ля Виги что?.. приходится снова спуститься... каменная лестница... еще одна... дальше!.. конура Ля Виги – рядом с кухней... в подвале... осматриваем... такая же железная кровать, тюфяк и кувшинчик... хуже, чем у нас, это точно... и окно у него выходит на равнину и болото с водорослями, а из нашего видны парк и ясени... правда, через такую амбразуру не так уж много увидишь... у Ля Виги на окне решетка... ну и что?.. ладно! не страшно!.. раз уж начались «военные тяготы», готовьтесь к худшему... от одной тяготы... к другой!.. главное, не охать!.. полагаю, вы уже успели подготовиться и не ждете, что вас будут всячески обхаживать, кормить деликатесами, вы уже втянулись, хотя, может, и не стоило!.. а вспомните римских гладиаторов... если они не

подставляли свое горло сразу, то их начинали освистывать и всячески унижали!.. вот и с вами так же... вы же просто отъявленный преступник!.. так что можете не дергаться!.. с вами все ясно!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.